

БОРИС БЕЛЕНКОВ

КРЫЛАТЫЕ
и бескрылые

«МОЛОДЬ»

БОРИС БЕЛЕНКОВ

КРЫЛАТЫЕ
и
Бескрылые

Повесть

ВИДАВНИЦТВО ЦК ЛКСМУ «МОЛОДЬ»
Київ 1957 р.

«Крылатые и бескрылые» — это повесть о творческой борьбе наших славных авиационных конструкторов за создание реактивных самолетов, летающих быстрее звука. Автор рассказывает о происках вражеской агентуры, пытающейся проникнуть в творческую лабораторию конструкторов, о бдительности наших людей.

Художественное оформление А. А. Александрова

Беленков Борис Антонович. Крылатые и бескрылые.
Повесть.

Редактор С. К. Мишура
Художественный редактор Н. А. Прокопенко
Технический редактор С. М. Каскова
Копректор Ю. Я. Лисняк

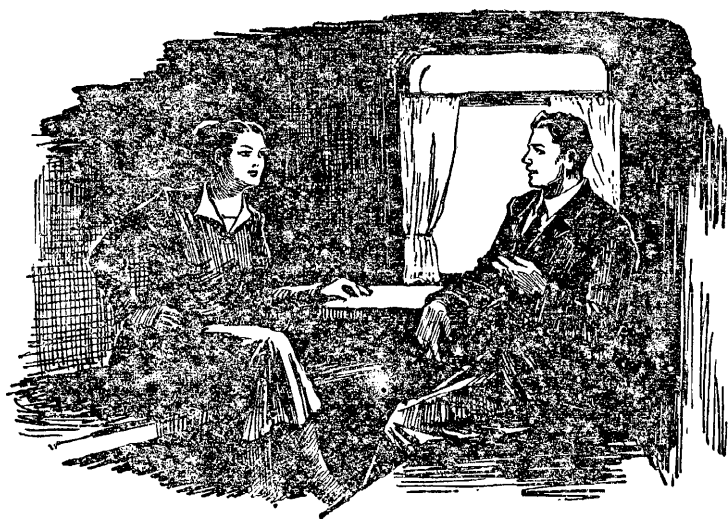

Сдано на производство 8. VII. 1957 г. Подписано
к печати 4. X. 1957 г. Формат 84×108^{1/32}. Физ.
печ. лист. 4,875. Усл. печ. лист. 7,99. Уч.-изд.
лист. 8,67. Тираж 55 000. БФ 15416.

Зак. № 696. Цена 4 руб. 10 коп.
Издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь», Киев,
ул. Ворошилова, 3.

Отпечатано с матриц типо-хромолитографии
«Атлас» Главиздата Министерства культуры
УССР в Львовской книжной типографии,
Львов, Пекарская, 11.

Глава первая

Глубокой ночью, когда поезд остановился на одной из узловых станций, Макаров сквозь сон услышал, как открылась дверь купе и проводник негромко предложил кому-то занять свободный диван.

Осторожно прикрыв за собой дверь, молодая женщина поставила чемодан, сняла пальто и начала готовить постель. Причем все это она делала почти бесшумно. Но проснувшийся Макаров улавливал каждое движение ее, думая: «Вот и попутчицу мне бог послал». От Москвы он ехал в одиночестве и скучал.

Когда поезд набрал скорость и вагон снова плавно закачался, мерно постукивая колесами на стыках рельс, он поднялся и, стараясь не тревожить женщину, подошел к окну, протер запотевшее стекло.

В чистом небе медленно плыл холодный диск месяца, освещая поезду путь среди бесконечной заснеженной равнины. Мелькали столбы и редкие кусты. Иногда па

мгновение появлялся огонек сторожевой будки и тотчас исчезал.

В купе было душно. Макаров слегка приоткрыл дверь. Из коридора потянуло освежающей прохладой. И опять в голове у него возник мучительный вопрос: «Как же все-таки объяснить товарищам, что в поисках мы шли не по той дороге? И острый нос веретенообразного фюзеляжа, и клинообразный профиль — все это в слишком малых дозах будет уменьшать сопротивление воздуха. Н-нет, самолет нашей новой конструкции не даст резкого увеличения скорости. Ну и незачем его строить...»

— Товарищ, холодно же... — услышал он за спиной женский голос. — Закройте, пожалуйста, дверь.

— Простите! — смутился Макаров.

Закрыв дверь, он сел на диван, хотел уже было закурить, но передумал, неудобно дымить в купе. Через минуту женщина приподнялась и, облокотившись на подушку, обнажив до локтя красивую смуглую руку, спросила:

— Не скажете, который час?

Макаров присмотрелся к светящемуся циферблату.

— На моих без четверти три...

— Зажгите, пожалуйста, свет.

Когда под потолком осветился голубой плафон ночника, Макаров увидел, что женщина присматривается к часикам на своей руке.

— Как назло всегда останавливаются, только я оказываюсь в дороге. Спасибо, можете погасить. Спокойной ночи!

На этом разговор и закончился. «Интересная особа...» — подумал Макаров.

Утром, едва открыв глаза, он невольно залюбовался ее стройной фигурой, узкой в талии, как у балерины. Женщина стояла к нему спиной, искала что-то в карманах пальто, висевшего на крючке. Затем стала перед зеркальной дверью и начала причесываться. Теперь Макаров увидел ее лицо в зеркале. «Совсем молодая...» — мелькнула мысль.

Когда она медленно повернулась и на него глянули большие темные глаза, ему неожиданно показалось, что он уже где-то видел ее.

— Доброе утро, — сказала она спокойным и равно-

душным голосом, каким говорят давнишним знакомым.

Макаров глянул на окно, заметил:

— Будет правильнее сказать — добрый день!

— Да, пожалуй... Вы так крепко спали. Наверное, видели приятный сон?.. А я в дороге почти не сплю, — помолчав, добавила она.

Она присела напротив, посмотрела внимательно в лицо Макарову и чуточку повеселела, заметив, как он разглядывает ее. Потом поднялась и предложила, взявшись за ручку двери:

— Можете вставать. Я оставляю вас на минуту. Кстати, поезд останавливается. Хорошо подышать морозным воздухом.

Когда она, накинув на плечи пальто, вышла, Макаров вскочил, сделал по привычке несколько гимнастических упражнений и начал приводить в порядок смятую постель.

Он успел прибрать постель и переодеться, а женщина все не возвращалась. С любопытством выглянул в окно и улыбнулся, увидев ее.

Женщина беспечно прогуливалась по перрону, явно наслаждаясь холодом солнечного морозного дня.

«Да, очень красивая!..» — подумал Макаров, но тотчас вспомнил о Наташе и почувствовал угрызение совести. «Должно быть, она обиделась на меня. Да и я хорош, за два месяца только одно-единственное письмо удосужился написать... — размышлял он, не отрывая глаз от женщины, прохаживавшейся за окном... — Интересно, кто она?..»

Женщина вбежала в вагон, когда поезд уже тронулся. Раскрасневшись от морозного воздуха, она точно впорхнула в купе, сняла пальто и молча присела, переводя дыхание.

— А я думаю, куда вы делись, — заговорил Макаров. — Так от поезда не мудрено отстать.

— Представляю, как бы вы беспокоились, — улыбнулась она.

— Подал бы сигнал: «Женщина за бортом!»

Она рассмеялась. Через некоторое время, раскладывая на столике завтрак, Макаров спросил:

— Как вас зовут? Если это не секрет, конечно. Меня, например, после рождения и навеки Федором Ивановичем. Можете так и называть, если хотите.

— А меня Екатериной Нескучаевой,— развернув свой пакет с закусками, ответила женщина. — Друзья зовут — Катей. Получается, что мы уже знакомы.

Перед тем как приступить к завтраку, Катя подошла к зеркалу, чтобы поправить прическу. Макаров не отрывал от нее глаз. С каждой минутой она нравилась ему все больше и больше. Темные, волнистые волосы, красивая шея, чуть приспущенные плечи, будто точеные груди, обтянутые тонким свитером со вздыбившимися оленями, нежный, немного глуховатый голос — все это сильно влекло. «Нет, я нигде не видел ее раньше,— подумал он.— Может, только иногда мечтал о такой...»

Завтракали молча. Лишь изредка они предлагали что-нибудь друг другу: «Пожалуйста. Прошу. Попробуйте, это вкусно». Потом, как-то неожиданно, Катя сказала, пристально взглянув на Макарова:

— Вы, должно быть, черствый человек, Федор Иванович.

Макаров от удивления по привычке приподнял одну из бровей. Подумал: «И Наташа однажды сказала, что я черствый...» Промолчал. Но через минуту решил разговор повернуть в шутовскую сторону:

— Годы свое берут, Катенька. Скоро тридцать, ничего не поделаешь — старость, видимо...

— Вы слишком откровенны,— заметила Катя.

— Не в пример некоторым по соседству,— сказал он, желая подразнить ее.

Катя нахмурилась, хотя он вовсе не хотел огорчить ее. Наоборот, у него было желание вызвать ее на разговор. Она, должно быть, почувствовала это. После короткой паузы сказала:

— Вначале мне понравилась ваша солидность. Я даже подумала, что вас легко смогла бы полюбить любая девушка. Но затем...

— Та же «любая» девушка так же легко смогла бы и разлюбить?— как бы подсказал ей Макаров.

— Пожалуй.

Макаров встал и медленно прошелся по купе, чуть заметно усмехаясь. Немного спустя он сел рядом с Катей, взял ее тонкие и длинные пальцы в свою руку, прикрыл сверху второй рукой.

Она внимательно следила за каждым его движением.

— Что же вы молчите, Федор Иванович? — спустя минуту спросила тихо.

— Думаю о ваших словах,— ответил он, и в голосе его вдруг послышались насмешливые интонации.

— Что же в них плохого?

— Ничего. Но вот, представьте,— вдруг порывисто заговорил он,— вы влюблены в человека с большим умом и прекрасным сердцем. А спустя некоторое время встречаете другого, с более высокими достоинствами. Извините, но мне очень хочется знать, как бы вы поступили в таком случае.

Она бросила на него вопросительный взгляд. Его слова будто укололи ее. Но, взяв себя в руки, только пожалала плечами, вместо ответа, спросила:

— А вы как поступили бы? Переметнулись бы к лучшей?

— Нет! — решительно заявил Макаров.— Хорошему и лучшему нет конца. Этак можно метаться всю жизнь. Надо любить человека таким, каким он есть. Ведь было же время, пришелся он по душе вам!..

Катя некоторое время задумчиво молчала, потом глянула на Макарова в упор и ласково, притихшим голосом проговорила:

— Должно быть, хороший вы человек...— и, спохватившись, добавила вдруг: — Впрочем, кто вас поймет.

После завтрака уселась на диване, подобрав под себя ноги, достала из сумочки вышиванье и стала продевать в ушко иголки красную нитку. Заметив, что Макаров заинтересовался ее рукоделием, объяснила:

— Моя фамилия Нескучаева, но мне иногда хочется поскучать. Скоро уже приедем. И вы, Федор Иванович, поскучайте... недолго это.

Макаров отошел к окну, засмотрелся на покрытые снегом безбрежные поля. А из головы не выходила тревожная мысль: «Как же все-таки встретят мое предложение друзья? Что скажет Власов?.. Сколько положено труда, и все насмарку... Мы шли не по той дороге. Даже не шли, а мелкими шажками продвигались, то есть почти топтались на месте, взаимно восхваляя друг друга. И все мечтали о славе!.. Нет, жизнь требует от нас не повторения уже созданных машин, но резкого, принципиального броска вперед!..»

Вскоре на горизонте появился город. А через нес-

колько минут за окном уже мелькали пригородные строения.

Катя вдруг спохватилась:

— О, пора собираться! Федор Иванович, позвольте на прощанье поухаживать за вами. Это ваш чемодан? Фу, как вы плохо застегнули чехол... Нет, разрешите уж мне...

На ее лице было так много желания проявить заботу, что Макаров, хотевший было возразить, только ласково улыбнулся.

Когда поезд стал подходить к вокзалу, они вместе вышли в тамбур вагона. Катя как бы мимоходом поинтересовалась:

— Вас встречает кто-нибудь?

— Мама, должно быть, — ответил Макаров.

— А меня — никто!..

Поезд двигался все тише и тише. Навстречу неслись восторженные, радостные голоса встречающих.

Анастасия Семеновна — мать Федора — стояла в сторонке, всматриваясь в тех, кто спускался со ступенек вагонов. И вдруг она рванулась навстречу, заулыбалась. «Наконец, вернулся!» — лицо сияло от радости, выпрямившей согнутые плечи ее.

— Мама! — воскликнул Федор, резко шагнув навстречу ей. — Здравствуй, мама! Пришла, мороза не побоялась... Спасибо!

Анастасия Семеновна прильнула к нему, расцеловала.

— Кому же, Федюшенька, встречать-то тебя, как не мне? — сказала дрожащим от волнения голосом.

— Ох, мама, мама!.. — смеясь, повторял Макаров.

Он оглянулся. Из вагона выходили последние пассажиры, но Кати нигде не было. «Ушла, даже не попрощавшись!» — упрекнул ее мысленно.

Поспешно взяв чемодан, поддерживая мать рукой, направился к выходу в город. Спрашивал на ходу:

— Дома все ли в порядке, мама? Как вы тут?..

— Что же не в порядке может быть в нашем-то доме? — говорила Анастасия Семеновна. — Все ждала тебя. Ночи-то темные, длинные... Сколько передумаешь, перетревожишься... А тебя все нет и нет! Тосковала я тут, сынок.

Усевшись в машину, мать всю дорогу не выпускала из своей ладони теплую руку сына.

На второй день утром к Макарову явился сосед, адвокат Давыдович, чтобы засвидетельствовать свое уважение. Он не вошел, а вбежал в квартиру — маленький, круглый, не по годам подвижной.

— С возвращением, дорогой соседушка! — потирая руки, торжественно воскликнул он. — Сколько лет, сколько зим вы были в отлучке!.. Сколько, — в самом деле?.. запамätовал.

— Целых два месяца, Михаил Казимирович, — ответил Макаров. — А как же здесь вы — все по судам? Хлопочете... суетитесь, как всегда?

— Что поделаешь!.. — развел руками Давыдович. — У людей нужда, обращаются ко мне... Судьба! Просить хочу вас, заглянули бы вечерком. Жена у меня, вы знаете, какая мастерица в части чего-нибудь вкусенького... Просим всем семейством. Мы так обязаны вам за Люду. Дочь говорит, что всю жизнь будет считать вас своим учителем... — И, вытащив из кармана жилета большие часы на серебряной цепочке, заторопился: — Ох, извините — дела! Так ждем вас, дорогой Федор Иванович...

Проводив Давыдовича, Макаров пожал плечами, усмехнулся.

— Станный человек... Вы замечаете, мама?

Мать только махнула рукой.

— Жадный к деньгам. Не любил его твой отец. За жадность, помню, не любил. На вас я смотрю, на заводских — работаете на одном месте, на своем. Всего хотите больше да как лучше сделать. Землю чувствуете ногами. А он... сколько раз поступал служить — нигде не может усидеть. Побыл неделю и покатился в другое место. Будто ветром гонит человека. И старость его не держит...

— Однажды объяснил он мне, — с усмешкой вспомнил Макаров. — «Наша профессия, — говорит, — заставляет нас ходить под руку с холодной жабой. Что же, приходится, коль платят гонорары».

— Ему все равно, — вздохнула Анастасия Семеновна. — А вот отец твой брезглив был. Грязного человека не стал бы защищать, хоть озолоти.

В комнате чувствовался аромат свежих пирожков. В раскрытую форточку, над которой дышала белоснежная шторка, врывались холодные струи воздуха.

Перетирая помытую посуду, мать говорила задумчиво:

— А тебе, Федя, не нравилась профессия отца... Очень он хотел, чтобы ты по юридическому делу пошел. Не забыл, как он тебя?..

Макаров потер ладонью лицо, воскрешая воспоминания об отце, погибшем на войне, сказал:

— Нет, помню... Когда еще я ходил в десятилетку, папа нередко водил меня к себе на работу, в коллегию защитников. Вот там, должно быть, и родилась во мне антипатия к ремеслу копания в не очень чистых человеческих душах. Нет, мама, авиация — это высоко, благородно... Она по душе — моя целиком!

Анастасия Семеновна, опасаясь, как бы сын не понял ее так, будто она в чем-то упрекает его, поторопилась успокоить:

— И слава богу, если твоя. Всякому человеку дорого, что душе его мило.

— Ну, мне пора на завод, мама! — привычно сказал Макаров.

— Соскучился? — улыбнулась мать и заметила как бы мимоходом: — Наташу давненько я не видела...

Макаров промолчал, смущенный намеком матери. Из своих отношений с Наташей он не делал тайны: но и не очень откровенничал с матерью.

Глава вторая

Выйдя из дому, Макаров широко зашагал по тротуару, свободно и глубоко вдыхая морозный воздух. Решил пройтись пешком до завода. Очутившись за городом, окинул взглядом окрестности. С возвышенности, на которой он остановился, открылись дали полей, скованная льдом река, заснеженные низины лугов, тянувшихся до темной полосы хвойного леса на горизонте.

Щурясь от ярких лучей солнца, с радостью смотрел он на окружавший его мир. Все здесь ласкало, тянуло к себе. Но больше всего — завод!..

За оградой показались длинные корпуса цехов — ничто не переменялось за эти два месяца, пока он был в командировке. Даже снежные сугробы остались почти такими же большими. Знакомый дежурный на проходной проверил пропуск. И вот широкий, чисто выметенный за-

асфальтированный заводской двор. Все то же, всё знакомо, и все вызывало ощущение радости.

Макаров подумал: «Надо бы зайти в заводскую поликлинику, повидаться с Наташей». Но какое-то необъяснимое чувство вины перед ней заставило повернуть в сторону. «Потом зайду... А сейчас — в конструкторское бюро». Он силился понять, в чем, собственно, его вина перед Наташей. И не находил ответа. «Неужели в том, что я познакомился с Катей Нескучаевой?» Ему даже стало стыдно от этой мысли.

Позади у него вдруг послышались голоса. Быстро оглянувшись, он увидел шедших за ним — старшего конструктора Платона Тимофеевича Трунина, высокого и плотного, неразговорчивого, почти угрюмого человека лет пятидесяти, и соседку по дому, молодого конструктора Людмилу — дочь адвоката Михаила Казимировича Давыдовича.

— Федору Ивановичу наше почтение! — разом приветствовали Трунин и Людмила. — С приездом!

Макаров поочередно пожал их руки.

— Ну, как мы здесь поживаем? — обратился он к ним.

— Ждем вас, товарищ начальник, — весело ответила Людмила. — Весь завод ждет... когда мы дадим новый проект.

— С этим придется подождать! — помолчав, ответил Федор.

Трунин с удивлением поднял на Макарова глаза, но из деликатности ничего не спросил. Люда насторожилась. Она впервые участвовала в создании конструкции самолета. Ей так хотелось, чтобы новая машина поскорее взлетела в воздух. И вдруг: «С этим придется подождать...»

— Почему вы так сказали, Федор Иванович? — спросила она осторожно. — Конструкция же почти готова!..

Макаров вздохнул, думая: «Мне, Люда, нелегко сказать: привычные представления о полете, практикой давно сформулированные в четкие законы, — рухнули. Но придется...»

— Дело в том, дорогие мои, — заговорил он, — что машина, которую мы собирались строить, в зоне скорости звука откажется подчиняться пилоту. Да, да! Такие машины уже испытаны на других заводах. И... приблизясь к скорости звука, тотчас затягивались в неуправляемое

пикирование. Мы не пойдем на катастрофу... Кроме того — на такой машине мы не прорвемся за скорость звука... К чему все время стремились. Зачем же тогда пробные строить?

С тревогой ловя каждое слово ведущего конструктора, Люда почувствовала, как внутри что-то словно оборвалось.

Молча вошли в здание конструкторского бюро и молча разошлись, словно встрече не рады были.

Макаров даже не заглянул в зал общих видов, хотя ему очень хотелось посмотреть на модель, сделанную в точном размере проектируемого самолета. В просторном кабинете в лицо ему пахнуло острым запахом мастики от натертого пола. Все здесь было в том же порядке, как он оставил два месяца тому назад; посередине огромный, с черным гладким верхом, стол, диван, книжный шкаф, этажерки по углам, чертежная доска.

«Ну, что же будешь делать, Федор Иванович? — сядь за стол, спросил он сам себя. — Проще простого сказать о том, что необходимо перестроить конструкцию будущего самолета. Другое дело — доказать это. Не докажешь, в одиночестве останешься; без помощи же друзей никакого творческого успеха ты не добьешься!»

Начинать, конечно, надо было с директора завода.

Макаров снял трубку, попросил приемную.

— Здравствуйте, Оля!

— Это вы, Федор Иванович? — узнала его секретарь директора Ольга Груничева. — С приездом!

— Семен Петрович у себя?

— Уехал в министерство. Главный инженер тоже. Будут через несколько дней.

Макаров хотел положить трубку, но затем спросил:

— А парторг?.. Григорий Лукич на заводе?

— Вызвали в ЦК. Не знаю даже, когда вернется.

Макаров облегченно вздохнул. Ну что ж, тем лучше. До их возвращения можно тщательно обдумать докладную о переделке конструкции.

Положив перед собой руки, задумался. Легко сказать «переделать». Все начать заново, сначала... На душе было смутно. Когда скрипнула дверь, он вздрогнул.

В кабинет вошел инженер Власов, в прошлом учитель Макарова, а ныне его заместитель.

Это был широкоплечий, высокий мужчина лет пяти-

десяти. Над его глазами нависали хмурые, уже седые брови, довольно крупный нос с горбинкой придавал его лицу злое выражение, хотя все на заводе его считали человеком покладистым.

— Федору Ивановичу!..— протягивая руку, полубаском проговорил Власов, улыбнувшись.— С приездом! У-у!.. Что кислый такой? Не заболели ли в дороге? Ну, здравствуйте!

Макаров, поднявшись, тепло улыбнулся и пошел навстречу. Предчувствуя предстоящий разговор, испытывал волнение.

— Сам я здоров, Василий Васильевич, но... Столько времени потратили мы на создание нашей конструкции...

— Но не напрасно же!—не дал Власов закончить ему.

— К сожалению... Многое из того, над чем мы бились, совсем не то, что искали.

Власов пристально посмотрел в большие карие глаза Макарову, помолчал, оценивая его слова. Он не верил тому, что услышал, невольно слегка отшатнулся, сказав затем настороженно:

— Вы что-то странное изрекли, Федор Иванович. Объясните, пожалуйста.

— На других заводах дела идут куда лучше.

Власов скептически пожал плечами, молвил угрюмо:

— У соседа даже курица кажется гусыней. А мы здесь точно последняя спица в колеснице, да?

Промолчав, Макаров подумал с тревогой: «Неужели он будет не согласен со мной?» Он уже чувствовал, что без крупного разговора с заместителем не обойтись. Отвергал ведь конструкцию, в которую столько сил вложил не только он сам, но и этот опытный человек. Задетый тем, что Власов намекнул на его излишнюю восторженность увиденным на других заводах, отошел к окну и стал глядеть на корпуса цехов, думая: «Как же сказать о своем решении?» В этом ему помог сам Власов:

— И какой же вы сделали вывод?

— Вывод? Отказаться от постройки пробных самолетов этой нашей конструкции. Она далеко не совершенна. Если мы без дополнительных поисков все же построим пробные, тогда действительно окажемся последней спицей в колеснице, как вы только что выразились. Люди на других заводах решительнее шагают...

Нахмуренное лицо Власова побледнело, тяжелая челюсть дрогнула, ему с трудом удавалось сдерживать уязвленное самолюбие.

Обойдя вокруг стола, Макаров приблизился к Власову и остановился напротив.

— Василий Васильевич, кое-что мы используем, то есть попросту перенесем из старой в новую конструкцию. Прodelанная работа не пойдет на ветер. Но вы должны понять, дело не только в фюзеляже, в наружной его отделке, но и в крыльях.

— Крыльях?..— срывающимся голосом спросил Власов.— Это же моя личная работа! Что вы о них нового можете сказать?

— Тонкие профили ваших крыльев нас не спасут. Придется продолжить работу.

— Да ведь мы в нашей конструкции собрали воедино весь накопленный опыт!—воскликнул Власов.—Соединили все лучшие элементы, имевшиеся в предыдущих машинах! Что вы можете найти нового, не опробовав конструкцию в воздухе?

— Верно, соединили воедино накопленный опыт. Но штамповали самих себя! Надо оторваться от старой формы, если мы хотим изменить содержание нового самолета! — решительно произнес Федор.

— Ну, что же, в добрый час... В добрый час! — повторил Власов неузнаваемо холодным тоном. — Только едва ли вам удастся убедить руководство, что наша почти готовая конструкция — плоха. Что же касается меня, то свое мнение я высказал и отступать не стану. Я за то, чтобы строить пробные и поднять их в воздух, основательно испытать... После испытания надо продолжать поиски. Тогда у нас новые данные будут!..

Макарова вдруг охватила ноющая тоска. Сколько лет одним дыхом дышали, и вот — рвалась дружба. Он уже не рад был приходу Власова. Надо было одному обдумать положение, чтобы прочно обосновать свою точку зрения. И в то же время хотелось как-то сразу склонить Власова на свою сторону. Вместе, как раньше, дружно взяться за переделку конструкции. А что если попробовать мягче к нему подойти?..

— Правда, многое, что я увидел на других заводах, для нас — пройденный этап,— заговорил он тихим голосом.— Кое-что у них менее экономично, кое-что уступает

тому, что есть в нашей конструкции. Рулевое управление, например, у нас более оригинальное, чем у наших сопутствующих... Но, поверьте, Василий Васильевич, все же мы непростительно отстали. Вот, скажем, в части оборудования... Ведь машине необходимо многое для ее нормальной боевой жизни. Возьмите кислородное питание летчика, приспособление, снижающее посадочную скорость...

— Значит, — сквозь зубы процедил Власов, — не только крылья?.. Решительно всю схему собираетесь переделывать?

— Да, всю схему! От нас требуют создать машину, которая была бы способна действовать на высоте за двенадцать километров. А наша с вами конструкция...

Макаров не договорил. Власов смерил его неприязненным взглядом, отступил, тяжело вздохнул и безмолвно вышел из кабинета.

«Значит, мы — враги...» — с тоской подумал Макаров.

Он долго стоял лицом к двери, погруженный в невеселые думы. И всякий раз, как только начинал вспоминать внезапное озлобление Власова, тотчас чувствовал, что и его охватывает злость. Однако тут же предупреждал себя: «Постой, не кипятись. Тебе не пристало барахтаться в собственном самолюбии, не то выкопаешь оттуда такое, что сам не рад будешь. Амбиция плохой советчик в нашем нелегком деле».

Вспоминая все сказанное Власовым, он чувствовал, что этот короткий разговор как-то сразу отбросил их друг от друга на большое расстояние. Но Макаров этого совсем не хотел. Мучившие его сомнения усилились. Нет, в такое время ему нельзя оставаться одному.

Поддав самолюбие, он вышел из кабинета с твердым намерением продолжить разговор с Власовым. Но едва он подошел к его рабочему месту, едва сказал несколько слов, как Власов с досадой пожал плечами.

— Охота вам спорить, Федор Иванович. Мы все равно ни в чем не убедим друг друга.

— Нет, Василий Васильевич, мы будем спорить! — вспылил Макаров. — Да, будем! Как вы не хотите понять...

— Я понимаю, Федор Иванович, — перебил Власов, еще ниже склонившись над чертежом. — Понимаю даже то, чего вы не можете понять.

«Ну, хорошо, я все же заставлю выслушать себя! Найду средство!» — решительно подумал Макаров, отходя от стола своего заместителя.

Минут через десять к Власову подошла Людмила Давыдович.

— Василий Васильевич, вас Федор Иванович просит. Возле модели уже собрались конструкторы... — И тихо добавила: — Наверное, будет ставить новую задачу.

— Возможно, Людмила Михайловна... — буркнул Власов, резко поднявшись. — Будет...

Возле модели самолета действительно уже собрались работники конструкторского бюро. Всем интересно было послушать, что нового привез ведущий.

Власов, однако, остановился на расстоянии от них, прислонившись плечом к стене.

Люда слушала со вниманием, то и дело переводя взгляд с Макарова на Власова, желая угадать то, что для нее было необыкновенно важно, от чего может зависеть ее отношение к той новой задаче, которую сейчас объяснял ведущий конструктор. В каждом его слове Люда слышала оттенки спокойствия и уверенности. Ей сейчас все в нем нравилось. Власов же казался каким-то разочарованным, стоя в своем безучастном молчании в отдалении от тех, кто окружал Макарова. «Неужели он решительно против идеи Федора Ивановича?» — подумала Люда и тайком вздохнула, предчувствуя что-то неприятное для нее лично и для всего коллектива конструкторов.

После беседы с конструкторами Макаров почувствовал облегчение в душе. Видел, что они понимали его, что он может рассчитывать на их поддержку. Подошел к Власову, дружески взял его под руку, заговорил искренне:

— Василий Васильевич, я всегда считал вас своим учителем. Прежде вы говорили, что ваш ученик научился видеть...

— Вероятно, я ошибался, — высвободив свою руку, холодно ответил Власов.

Помолчав, Макаров отступил от него и пошел быстрой походкой вперед. Власов проводил его полужастьвщим взглядом. По его нависшим, соединившимся над переносицей бровям было видно, что в груди его бушует буря негодования.

Вернувшись к себе в кабинет, Макаров сел за стол, в отчаянии покачал головой. Неужели Власов достиг предела своих возможностей?

Неожиданно резко вскочил, несколько раз прошелся по кабинету, остановился и, опустив на стол увесистый кулак, произнес громко:

— Переделаем!

С таким настроением он покинул конструкторскую в конце рабочего дня и скоро очутился в передней заводской поликлиники. Там встретила его старушка — санитарка Федосеевна.

— Федор Иванович! Заболели?..— спросила она, ставя на столик таз с пробирками.

— Мне бы Наталью Васильевну.

Старушка чуть лукаво взглянула на него.

— Понимаю...

Макаров пошел за ней и оказался в небольшой уютной комнате, с чистым натертым полом, с диваном и двумя круглыми столиками, вокруг которых были расставлены белые табуретки.

Он не сел, а продолжал стоять лицом к двери, за которой скрылась санитарка.

Федосеевна скоро вернулась и, провожая его через вторую комнату, шепнула:

— Доктору я не сказала, какой «больной» пожаловал. Час поздний. Но принять согласилась...

В этот миг дверь в кабинет врача распахнулась и на пороге появилась в белоснежном халате Наташа Тарасенкова. Увидев Федора, она от неожиданности подняла руку к груди. Ее глаза блестели. Овладев собой, она тихо пригласила:

— Заходите, прошу вас!

Пропустив Федора вперед, Наташа прикрыла за собой дверь и встала на расстоянии — высокая, свежая, взволнованная внезапной встречей. На ее широкий лоб и розовые щеки выбились из-под белой шапочки тонкие пряди шелковисто-белокурых волос.

Долго молча глядела она на Федора. С ее полных, красиво очерченных губ рвался радостный вскрик. Она вся как-то озарилась улыбкой, радостной и лучистой.

— Федя,— еле слышно проговорила, подавшись навстречу.— Я тебя так ждала!..

— Наташа, здравствуй!

Она шагнула к Федору, обхватила шею, прижалась горячим лицом к его щеке. Затем, слегка отшатнувшись, подняла сияющее счастьем кругловатое лицо, помолчав немного, прошептала:

— Колется борода. Бриться надо аккуратней, Федя.

Макаров тихонько отклонил ее, издали глянул в немного влажные глаза-васильки. Затем так же тихо наклонился и поцеловал в губы. Наташа не противилась, но больше не потянулась к нему, только смущенно и тревожно поглядела в его смуглое лицо, на котором светилась усмешка радости. Все ей в эту минуту милым виделось в нем — крепкие челюсти, круглый подбородок, толстоватые и немного выдавшиеся вперед губы, высокий лоб, медлительные движения рук и полнота звука голоса. Заметив, как он пристально смотрит на нее, отступила, присела к своему рабочему столу, положив на него обе руки. Макаров тоже присел напротив, как и она положив руки на стол.

Все у них получилось как-то случайно, но оба знали, что так должно было произойти. И беспокойство, и волнение, все пережитое ею в эту зиму вдруг бесследно исчезли, словно никуда Федор из города и не выезжал. Ей становилось легко и радостно, сердце билось ровно и спокойно.

Глава третья

Когда поздно вечером Макаров пришел домой, мать посмотрела на него так пристально, во взоре ее проглядывало такое волнение и беспокойство, что он вынужден был сделать над собой значительное усилие, чтобы выглядеть жизнерадостным и веселым.

Ему всегда казалось, что она читала его мысли, определяла по выражению лица внутреннее состояние, настроение.

— Федюша, тебе тут без конца звонят, звонят...

— Кто же, мама?

— Вон,— Анастасия Семеновна кивнула на его дорожный чемодан.— Похоже, хозяйка...

Федор недоуменно пожал плечами.

— Какая хозяйка? Чемодан-то ведь мой, мама!

— А ты посмотри, сынок.

В ее глазах он заметил лукавую улыбку. Шагнул к чемодану и, точно обжегшись, отпрянул. В его руке повисла шелковая женская сорочка.

— Попался?..— как-то странно сказала мать, грустно глянув на сына, хотя и продолжала усмехаться.

Федор побледнел, потом покраснел. Анастасия Семеновна заметила на его губах неловкую улыбку.

— Это все как-то случайно...

Хлопнув крышкой чемодана, он только развел руками «Вот черт!.. Ну, что может подумать мать?..»

Вдруг в передней задребезжал звонок.

— А вот, верно, и она!..— догадалась Анастасия Семеновна и поторопилась открыть дверь.

Оглянувшись, Федор увидел вошедшую Екатерину Нескучаеву. В ее руках был точно такой же чемодан. Шагнув с видимой неуверенностью, она остановилась перед Анастасией Семеновной и заговорила смущенно:

— Очень прошу вас, извините! У нас недоразумение с Федором Ивановичем... ехали в одном купе, потом в спешке перепутали... Я привезла его чемодан. Здравствуйте, Федор Иванович!

«Федор Иванович,— как естественно и привычно звучит ее голос, будто мы старые друзья...» — подумал Макаров, идя навстречу.

— Здравствуйте, Катя! Подумайте, какое глупое недоразумение!.. Проходите, пожалуйста. Посидите немного, отдохните. Разрешите пальто...

— Нет, нет! — возразила Екатерина.— Я сейчас уйду. Вот только руки замерзли...

Анастасия Семеновна деликатно отступила и ушла в другую комнату, предоставляя молодым людям возможность чувствовать себя как можно проще. «Красива и стройна,— подумала она,— только не по возрасту серьезная».

— А я пришла домой и — ужас!.. — улыбаясь, говорила Катя с комическими интонациями в голосе.— Только открыла, смотрю...

— Да у меня то же самое!.. — рассмеялся Федор, приглашая гостью сесть на диван.— Только что пришел с завода, взглянул — в нем ваша...

— Не говорите! — смутилась Екатерина.— А вы уже и на работе были? Я звонила начиная с полдня.

«Надо бы чаю предложить...» — подумала в своем укрытии Анастасия Семеновна и поторопилась на кухню. Но в передней ее настиг звонок. «Еще кто-то...» В дверь протиснулся сосед — адвокат Давыдович.

— Анастасия Семеновна, смею обеспокоить — Федор Иванович дома? Мы от всей души — я и Полина Варфоломеевна... Людмилочка тоже пришла с работы.

— Гостя у него, — полушепотом сообщила Анастасия Семеновна.

— Ба-а!.. — протянул адвокат, потирая нос с таким усердием, словно ему не совсем было приятно узнать об этом. — Аргументы не в мою пользу. Ретируюсь. Однако не забудьте напомнить, Анастасия Семеновна.

— Поздно уже, Михаил Казимирович. Отдохнуть ему надо.

Вернувшись к себе в квартиру, Давыдович, придав таинственность своему голосу, сообщил Полине Варфоломеевне:

— А соседка наш, видать, семьей обзаводится, мамочка...

— Тебе-то откуда известно? — безразлично спросила жена. — Вздор несешь!

— Наидостовернейший источник! — продолжал адвокат, потирая руки и прохаживаясь по комнате. — Сам только что видел — невеста в квартире. Молодая, красивая. Душится дорогими духами...

— Все подглядел, ко всему принюхался, — брезгливо заметила Полина Варфоломеевна. — Фу, как это гадко, несолидно для мужчины!

— Мамочка! — воскликнул адвокат и весь взъерошился, словно намереваясь вцепиться в волосы Полины Варфоломеевны. — Ты возмутительна!..

Глубоко вздохнув, жена сказала:

— Ох, до чего же ты падок на всякую чушь! В сплетнях, к примеру, находишь удовольствие. Тошно слушать!..

— Вы опять! — строго сказала Люда, выходя из своей комнаты.

— Да уж пора бы привыкнуть, доченька. Обычный наш разговор, — вздохнув, ответила Полина Варфоломеевна.

— Не могу привыкнуть! Не хочу! — рассерженно заявила Люда. — Ни в одном доме такого порядка я не видела, как у нас! — она стала между отцом и матерью,

закинула руки на их плечи, потребовала: — Миритесь сейчас же! Иначе ругаться буду!

— Да мы не ссорились с мамочкой,— заулыбался отец, сияя маленькими глазками.— Мы философствовали о жизни, постигали истину бытия.

— Это на двадцать шестом году совместной жизни?

Михаил Казимирович пожал плечами, словно хотел сказать: раньше было у нас понимание, а вот теперь... Но только махнул рукой и отошел к кровати. Время было позднее, пора на отдых. Знал: Федор Иванович, конечно, не придет.

В это время Макаров прощался с Катей, засидевшейся у него, позабыв о том, что собиралась уйти немедленно. Да и сам он старался внешне казаться довольным ее приходом. Но вот разговор между ними стал затихать, и они оба вдруг почувствовали, что время уже прощаться.

Только Катя поднялась с дивана, Федор подал пальто и помог ей одеться. Она пристально посмотрела на него. Взгляд ее был серьезный, выжидающий. Федор никак не мог догадаться о значении этой перемены в ней. Она же в это время поняла, что ему и в голову не приходит мысль — сказать ей, где в скором будущем они могут встретиться снова.

Неторопливо прощаясь, Катя думала, что вот она наберется смелости и скажет ему об этом. И так, пожалуй, скорее будет. Разве может человек с тем ледяным спокойствием, с каким он сегодня держался с ней, почувствовать ее желание. Но вот и к дверям подошли, и Федор приоткрыл их, а Катя не решалась заговорить о новой встрече. Опасалась, как бы он не понял ее плохо. Перевела дыхание, собираясь с силами, но вместо того, чтобы заговорить об очередном свидании, протянула ему руку, сказав:

— Ну, что же, до свидания. Однако где же ваша мама?

И только она хотела добавить: «Она у вас славная, неудобно уйти не попрощавшись», как в переднюю торопливо вошла Анастасия Семеновна с чайником в руках.

— Вы уже уходите? — виновато проговорила она.— Ох, замешкалась я с чаем...

— Спасибо, как-нибудь в другой раз на чай... — откликнулась Катя, пытливо глянув на Макарова: — Если Федор Иванович пригласит?

Федор усмехнулся, склонив на одно плечо голову, будто говоря этим своим жестом: ну, разумеется. Но словами так ничего и не ответил. Катя попрощалась с Анастасией Семеновной и торопливо вышла.

Спустя минуту Анастасия Семеновна подошла к присевшему на диване сыну, спросила у него:

— Как же это вы чемоданами обменялись, Федя?

— Да вот!.. Пришел проводник убирать постели. Чемоданы и чехлы одинаковые, стояли на нижней полке... Ничего удивительного...

— А почему ты такой пасмурный? Может, неприятности на работе?

— Кажется, да! — ответил Федор, легонько вздохнув.

— Что же такое?

— Сам не знаю... Впрочем, знаю, но мне трудно об этом...

Федор замолчал, потом, опершись руками на колени, поднялся. И вдруг увидел на камине фотографический портрет Кати.

— Мама! — воскликнул он, показывая на портрет. — Как это здесь?.. Откуда?!

— Ой, забыла! — всплеснула руками Анастасия Семеновна. — Позабыла обратно положить. Вот грех-то какой! Открыла чемодан, глядь — портрет...

— Ох, и любознательная! — засмеялся сын, обнимая мать. — Любовалась, да? Красивая девушка, правда?

Он повернул портрет лицом к стенке и добавил:

— Пусть не смущает!

Часы пробили двенадцать. Анастасия Семеновна тихонько вздохнула и пошла к себе.

— Отдыхай, сынок. Спокойной ночи тебе!

Уже в постели Федор улыбнулся: «Мама все видит во мне подростка». Затем долго думал о Кате и о смешном дорожном приключении с чемоданами.

На следующий день он явился на работу раньше обычного, намереваясь наедине встретиться с Труниным. «Прежде всего, — думал он, — обо всем надо откровенно и подробно потолковать именно с этим опытным конструктором. У него всегда много интересных мыслей в голове».

Но в конструкторской, кроме Трунина, уже были Люда и Власов.

Когда Макаров подошел к Трунину и начал разговор, тот вопросительно и настороженно посмотрел на него. У Федора мелькнула мысль: «Власов опередил меня!» Разговор повел медленно, обдумывая каждое слово. Трунин с озабоченным видом кивал головой, отвечал короткими фразами, а когда Федор делал паузы, молчал, внимательно глядя ему в лицо.

Власов действительно еще вчера сделал попытку склонить Трунина на свою сторону. И сейчас, наблюдая исподтишка за разговором, он все больше убеждался, что в лице Трунина Макаров определенно будет иметь союзника. Да только ли Трунин пойдет за ним!.. И словно в подтверждение этой мысли увидел, как и Люда Давыдович подседа к Макарову. Задумавшись, Власов и не заметил, как Макаров отошел от Трунина и приблизился к его столу.

— Доброе утро, Василий Васильевич!

Задержав на энергичном лице Макарова взгляд, Власов силился понять, чего в нем больше — отваги, дерзости или наивности? Хотелось видеть именно последнее — наивность. «Однако же этот наивный мальчик своими острыми коготками больно царапается...» Но на лице своем он постарался изобразить доброжелательную усмешку. Спросил ласково:

— Не передумали, Федор Иванович?

— Наоборот, еще больше утвердился в своей мысли, — ответил Макаров. — Право, Василий Васильевич, не упорствуйте.

— Ну, что ж, — пожав плечами, разочарованно ответил Власов. — Вернется директор из Москвы, доложите ему. Пусть он разберется и скажет, кто из нас прав. Вряд ли он согласится с вами, Федор Иванович.

— Согласится! Пусть не вдруг, не сразу, но непременно согласится! Василий Васильевич, давайте будем вместе искать...

— Пожалуй, я не подойду вам в помощники, Федор Иванович, — поднявшись и сунув длинные руки в карманы брюк, сказал Власов. — Не подойду потому, что плохо понимаю вашу мечту. Не будем спорить, — подняв руку, предупредил он. — Прежде решим вопрос у директора, потом уж вырисуется дальнейшее... Но скажу честно и прямо — под вашей затеей своей подписи я не поставлю. — Он сделал шаг вперед и, глядя в сторону, про-

должал: — Нам с вами удалось сделать то, на что мы способны. Всему, наконец, есть предел. А фантазировать мне не по возрасту. Я думаю, лучше руководствоваться возможностями. Выслушайте мое окончательное мнение: мы должны не ломать конструкцию, а подготовить в производство два пробных. Между прочим, я не теряю надежды, что вы одумаетесь, Федор Иванович.

— Я такого же мнения о вас, Василий Васильевич, — перебил Макаров и резко повернулся; продолжать разговор не было смысла.

Власов проводил его до самой двери холодным взглядом.

После демобилизации из армии Федор три года работал заместителем ведущего конструктора Власова. Затем они обменялись ролями. Свое перемещение Власов воспринял сдержанно, не проявив открыто недовольства новым, непривычным для него положением помощника. Он даже заявил однажды в кругу конструкторов: «Нет худа без добра. Теперь у меня больше будет времени заниматься творческой работой».

Инициатором назначения Макарова ведущим конструктором был директор завода. Своим решением он тогда не возбудил у Макарова чувства признательности. Полагая, что директор поступил как-то несправедливо по отношению к Власову, он принимал от него дела с неловким чувством, близким к угрызению совести.

«Едва ли поймет Власов, что это перемещение произведено помимо моей воли» — думал он и даже пытался было убедить Соколова пересмотреть этот вопрос, стал доказывать, как важно для коллектива сохранить престиж уважаемого и опытного конструктора. Но директор ответил коротко: «Не сентиментальничайте, а думайте о чести завода. Нам с вами доверяют дело большой государственной важности. Вы это понимаете, Федор Иванович?» И Макаров понял, что решение о перемещении Власова не будет изменено.

Много воды утекло с тех пор. И чем пристальней новый ведущий конструктор вглядывался в Соколова, чем внимательнее прислушивался к его словам, тем определеннее и сильнее становилось доверие к этому волевому, немного суховатому человеку, чье лицо никогда не выра-

жало тревоги. Макаров постепенно полюбил директора.

«Нет, Соколов поймет меня и согласится,— подумал он.— А вот Грищук... Как этот будет реагировать?»

Главный инженер завода Павел Иванович Грищук был полной противоположностью директору. Малейшие колебания в делах тотчас отражались на нем, он легко впадал в уныние при неудачах и так же легко восторгался всем приятным.

Иван Иванович не отличался требовательностью к своим подчиненным, нередко готов был в долг поверить любому работнику. Он был для всех одинаково хорошим и ласковым администратором, на разговоры отзывчивый, готовый поддержать компанию, была бы она покладистая. И неудивительно, что к нему особенно льнул Власов. При встрече они обычно начинали с такого дружеского приветствия: «Ну, как жизнь, старина?»

Макарова не удивляли такие взаимоотношения между двумя давнишними товарищами по работе. Но теперь он с тревогой подумал о том, как бы главный инженер не встал на сторону Власова. Ведь слово Грищука будет иметь важное значение при окончательном решении вопроса: переделывать конструкцию или, оставив ее в нынешнем виде, приступить к постройке пробных машин.

Несколько дней подряд Макаров систематизировал факты и явления из тех своих наблюдений, которые видел во время творческой командировки по другим заводам и научным учреждениям. Доказательств в пользу его предложения собралось достаточно. Можно было делать выводы. Однако он не торопился ставить вопрос перед руководством завода. Все еще хотелось сломить упорство Власова. Но, сколько он ни обращался к нему, все было напрасно. Скептицизм Власова окреп, под конец разговора он обычно повторял заученную тупую фразу: «В добрый час, Федор Иванович, в добрый час!..»

Однажды Макаров подошел к рабочему столу Власова, чтобы поделиться свежими мыслями, подумать вслух, порассуждать с опытным конструктором, как прежде, бывало. Но тот указал на стул и решительно предложил:

— Прошу выслушать меня, Федор Иванович. В последний раз пытаюсь убедить вас... У любого дела есть судьба... Это же безрассудно...

Макаров, рассмеявшись, обнял Власова за плечи, сказал искренне:

— Есть житейское правило, послушайте, Василий Васильевич: кто не думает об исходе дела, тому судьба не друг.

— Это именно к вам и относится, Федор Иванович!

— Мне сначала казалось,— как бы не слыша реплики Власова, продолжал Макаров,— что вы не замечаете своей измены прежнему Власову. Но, по-видимому, я ошибся. Вы сознательно изменяете своей былой вере... И хотя вы стремитесь убедить меня в безрассудности, сами в это не верите!

Власов долго, почти враждебно глядел на Федора и, не сказав ничего в ответ, отвел взгляд в сторону.

«Незачем было подходить к нему,— подумал Федор.— От этого он только грубеет... Поддержки у него я не найду».

— Значит, Василий Васильевич, вы окончательно за постройку пробных?

— Да, да!..— точно взбешенный, воскликнул Власов.

Глава четвертая

Наконец наступил день, когда руководство завода должно было решить вопрос о переделке конструкции. Нелегко было Макарову сидеть перед директором, который все еще читал докладную, и, наверное, не в первый раз, ведь она была вручена ему еще накануне.

Он сидел немного согнувшись, смотрел на Соколова исподлобья, изредка поводя глазами на главного инженера, видимо не знавшего, по какому поводу директор вызвал его к себе.

Гришук посматривал то на Макарова, то на Власова, сидевшего рядом, и как бы спрашивал их: «Ну что вы не поделили?..»

— Я тороплюсь, Семен Петрович,— вдруг сказал он директору.— Вы просили меня заглянуть. Может быть, позже?..

— Посидите! — не поднимая головы, обронил Соколов, дочитывая последнюю страницу докладной.

Гришук пожал плечами — столько дел, а ему приходится сидеть у директора. И все из-за конструкторов!..

Он уже начал злиться на Макарова и Власова — что еще они затеяли? Недовольно сунув руки в карманы, он стал глядеть в окно, повернувшись к Федору чисто выбритым затылком, обвисшим поверх накрахмаленного воротничка. Макаров посмотрел на него и неслышно вздохнул. «Этот не согласится со мной».

— Почитайте,— наконец поднял голову Соколов и подал Грищуку докладную.— Любопытный сюрприз мы получили от ведущего конструктора...

Власов, сидевший на диване рядом с Макаровым, улыбнулся.

Прежде чем начать чтение, Грищук достал очки, неторопливо надел. Но первые прочитанные строчки резко изменили его благодушные, щеки вздулись, губы вытянулись. Все быстрее и быстрее бегал он глазами по строчкам и, наконец,— это было уже на предпоследней странице,— будто сжался весь. Вряд ли можно было еще выше вздернуть плечи и глубже втянуть седоволосую голову. Сначала он задумался, а минуту спустя обратился к Макарову, глядя сквозь стекла очков.

— Федор Иванович, вы знаете о том, что в то время, пока вы были в командировке, почти вся техническая документация рассмотрена?..

— Да! — ответил Макаров.— Об этом я узнал по приезде домой.

— Больше того. Пробные уже почти в производстве! Мы обязательство дали в министерстве. От нас ждут результатов испытания. А вы придумываете бог знает что!

— Мы выполним обязательство позже...

— Да?..— Грищук вскочил.

— Павел Иванович, пробные строить нельзя,— спокойно повторил Макаров.

— Значит, порочите собственное творение! Гордость-то ваша где?

У Соколова в это время был такой задумчивый вид, что казалось, он никого не замечает перед собой. Вот он поднялся и с наклоненной головой зашагал по кабинету. Потом остановился перед Власовым.

— Василий Васильевич, а почему на докладной нет вашей подписи?

— Я не разделяю воодушевления Федора Ивановича,— неторопливо ответил Власов, снисходительно взглянув на Макарова.

— Вот как!.. Тогда изложите свою точку зрения.

— Я настаиваю на том, чтобы строить пробные машины и испытывать в воздухе.

— Но Макаров забил отбой!..

— Тем хуже для него.

— Да уж куда хуже!

— Разрешите, Семен Петрович,— попросил Макаров, опасаясь, как бы директор не сделал преждевременного вывода.—Я утверждаю, что все наши расчеты правильны, но сама конструкция не отвечает требованиям и задачам момента. Наш самолет — не бросок вперед в развитии авиации, а всего лишь несколько улучшенный вариант того, что мы делали прежде. Случилось это потому, что мы не доверяли стреловидной форме крыльев. Собственно, не доверял Василий Васильевич, а я ему верил. Сейчас я намерен исправить свою ошибку.

Макаров умолк, потирая пальцами лоб, как бы еще что-то додумывая и собираясь сказать. В кабинете воцарилась глубокая тишина. Власов пытливо всматривался в лица присутствующих, но не находил на них определенного ответа. Даже главный инженер молчал, не выявляя своего принципиального отношения к поставленному вопросу. Соколов продолжал большими неслышными шагами ходить по ковру, как капитан на мостике большого корабля. Он, казалось, мысленно разговаривал с самим собой.

— А конкретней, Федор Иванович? — вдруг спросил Грищук.

Макаров быстро глянул в доброе лицо главного инженера — ему хотелось встретить поддержку, сочувствие, но тон, каким было сказано это «конкретней», не оставлял никаких сомнений: главный инженер стоит на стороне Власова.

Федор немного наклонил голову, как бы желая спрятать от маленьких глаз Грищука свое смущение. Он не считал возможным повышать тон, но как трудно было говорить спокойно, когда внутри все кипело.

— Меня удивляет, Павел Иванович, такая постановка вопроса,— сдержанно ответил он. — Пока только мыслям просторно, но словам еще тесно. Чтобы точно и правильно выразить мысли, необходимо посидеть и заново продумать очень многое. Могу сказать: самое схему, особенно фюзеляж, крылья и опе-

рение, я намерен пересмотреть от начала и до конца.

— Федор Иванович,— мягко заговорил Грищук,— в одолевающей вас сумятице чувств и мыслей, несомненно возникших под впечатлением увиденного на других заводах, я улавливаю нетвердые, скороспелые идеи. Считаю нужным предупредить: не отбрасывайте столь решительно суждений Василия Васильевича. Он опытный конструктор. Полагаю, вам следует поладить... выражаясь точнее, вам надо по-прежнему относиться друг к другу с надлежащим уважением. Мне крайне хочется верить, что так и будет.

— Какая лирическая тирада! — поморщившись, усмехнулся Соколов.— Конструкторская — это творческая лаборатория, а не клуб единомышленников!

Грищук взглянул на Соколова, ему показалось, что тот смотрит на него дольше, чем обычно.

— Не с того вы начали, Павел Иванович,— задумчиво продолжал директор, глянув в окно вдруг потемневшими глазами.— Не в неуживчивости, видимо, тут дело. Нет,— твердо повторил он и встряхнул головой.— Существо разногласий вовсе не в том, что между собой не поладили два конструктора.

Макаров медленно поднял голову и увидел устремленные на него жгучие глаза Соколова. Их острый взгляд проникал в самую глубину души. У него забилося сердце. Он чувствовал — директор был на его стороне.

Когда Макаров и Власов вышли из кабинета, Соколов покосился на дверь, точно желая убедиться, плотно ли она прикрыта.

— Павел Иванович,— начал он, окидывая Грищука медленным взглядом,— вы не должны так относиться к предложению Макарова. Талантливый конструктор!..

Эти слова он произнес сдержанно, однако тоном властным. Грищук недоуменно поднял на него глаза, чувствуя, что директор не все сказал.

— Все то, что Макаров изложил в своей докладной, не расходится с замечаниями, которые нам сделали в министерстве.— продолжал Соколов, медленно расхаживая по кабинету.

— Но отрицательное мнение Власова, Семен Петрович!..— с чувством проговорил Грищук.— С ним нельзя

не считаться. Человек с опытом. Кстати, вы не читали его диссертации?

Соколов почувствовал, что Грищук стремится увести разговор в сторону. Это ему не понравилось. Но не изменил своего спокойного и ровного тона.

— Читал перед отъездом в Москву. И, должен признаться, с усилием. В его работе не чувствуется исследовательской тенденции. Правда, формально в ней все на своем месте, но, к сожалению... все давно уже не новое. Дальше институтских стен такая работа не пойдет. Не обижайтесь, Павел Иванович, но во власовском сочинении чувствуется общность с той работой, которую вы защитили год тому назад.

Грищук уставился на директора.

— У нас темы совершенно разные! — обиженно возразил он.

— Темы разные, а метод обоснования положений общий. И вы и он ставили себе целью разобраться не в техническом прогрессе авиастроения, а в истории. Поражают меня такие диссертации. Ищешь и не находишь отражения выстраданного людьми в упорной борьбе с силами природы. Сколько еще загадок в нашей практике!.. Вот ученые и обязаны разгадывать их, делая смелые, новые открытия... А что в вашей работе, что в диссертации Власова?

Грищук взглянул исподлобья на директора. Он уже не раз слышал его резкие суждения об ученых. Возражать не было смысла. Вместо ответа сказал мягко:

— Все же, Семен Петрович, я нахожу заслуживающими внимания возражения Власова.

Соколов подошел к столу, наклонился и начал делать в календаре какие-то заметки. Он понимал, что главный инженер против предложения Макарова, хотя из осторожности и не обнаруживает явных признаков несогласия.

— Мне невольно пришла в голову мысль, Павел Иванович, что убеждение Власова базируется на немудрой основе. Макаров пытается идти по первопутку, а он выбирает проторенные дороги. И еще пытается убедить нас, что они лучше.

— Семен Петрович, вы излишне строго судите о Власове, — вместо возражения заметил Грищук.

— Вот что, — положив руку на плечо Грищука, по-

советовал Соколов,— побеседуйте, Павел Иванович, с Власовым. Растолкуйте ему, как своему другу, что для новых поисков мы откроем решительно все двери! Пусть он пересмотрит свою точку зрения. В этом будет польза не только делу, но ему самому. Макаров прав! Скорость надо набирать не по мелочам, а сразу, рывком. Силою тяги двигателя мы обеспечены. Остается одно: резко снизить сопротивление воздуха на звуковых скоростях...

...Власову и сразу не казалось, что его доводы против идеи ведущего конструктора получатся убедительными. Тем не менее ему и в голову не приходила мысль, что Макаров так легко победит. «Все погибло! Сколько бессонных ночей, сколько надежд!.. И все прахом...» Он чувствовал, что его теперь окончательно отшатнуло от бывшего ученика. Конец совместной творческой работе. Конец долгой дружбе...

Из кабинета директора оба конструктора вышли вместе. Шагая по заводскому двору и прислушиваясь, как под ногами похрустывает только что выпавший сухой снежок, Власов то и дело тайком косил глаза на Макарова — не раскисает ли? Его раздражала победа молодого конструктора. Он думал о своем одиночестве. На Грищука нечего возлагать особых надежд, конечно, — струсит он, не посмеет выступить против решения директора завода...

— Все злитесь на меня? — вдруг заговорил до сих пор молчавший Макаров. — Василий Васильевич, в сотый раз прошу, давайте-ка возьмемся дружно за дело!.. Разве мы не мечтали создать такую машину, чтобы на ней, наконец, удалось прорваться за скорость звука?..

— Нет, Федор Иванович, — оборвал Власов, не глядя на Макарова, — у меня нет повода к оптимизму. Все повернулось так, что сейчас не стало даже желания думать. Как начальника прошу — отпустите меня отдохнуть. Домой пойду. Попытаемся еще подумать, — вы о своем, я — тоже...

Федор взял Власова за руку выше локтя, подался ближе, точно хотел прижаться к его большому костистому телу.

— Я уверен, вы поймете меня, если подумаете...

— Федор Иванович— проговорил Власов, отстраняя его руку.— Вы уверены, а я — нет! Не стало во что быть уверенным, извините.

Они разошлись молча. Каждый зашагал своей дорогой, даже не пожав друг другу руки.

Поздно вечером к Макарову в кабинет вошел летчик-испытатель Бобров — небольшого роста, в пилотском комбинезоне и меховых унтах с приспущенными голенищами. Еще у двери остановился на полушаге. Его слегка прищуренные глаза весело глядели на конструктора. Макаров посмотрел на него.

— Федя! — глуховато произнес летчик.— А я ждал тебя в столовой. Ты почему без обеда? Может быть, женился в дороге и молодая женушка снабдила пирогами? Ну, что нового, рассказывай?

— Только не сразу,— рассмеялся Федор.— Как ты поживаешь, Петр Алексеевич?

— «Фигаро здесь, Фигаро — там». Пробую серийные... Сегодня в небесах уже побывал.

Пожимая руку Федора, Бобров душевно смеялся, реснички влаги дрожали на его длинных ресницах.

— Что произошло у вас тут? Видел Василия Васильевича, спросил о тебе, так он только отмахнулся.

— Отмахнулся? — переспросил Макаров, усаживая летчика на стул.

— Что же, однако, произошло? У вас, помню, и раньше было... Но наперед уверен — ты прав!

— Не знаю,— уклончиво ответил Макаров.

— Федя,— грозя пальцем, предупредил летчик.— Ты мне выкладывай по совести. Что вы, ей-богу, старые друзья и вдруг...

— Вероятно, у меня плохой характер,— засмеялся Федор.— А у Власова не лучше.

— Состоялось, значит? Поссорились?

— Нет, это не ссора...

— Так в чем же дело?

— Ты, Петя, не поймешь. Оставим-ка разговор на эту тему до поры до времени.

— Ни в коем случае! — запротестовал Бобров.— Объясни, каким образом между друзьями пропасть образовалась.

— Это действительно напоминает пропасть,— задумчиво произнес Макаров.— Но она, видимо, существовала и прежде, да мы не замечали. Я полагал, что нас соединяют золотые нити дружбы, а оказалось, так себе... гнилая веревочка.

— Н-да... Понимаю,— протянул Бобров.— Нет на сердце груза тяжелее, чем тот, когда вдруг разочаруешься в товарище.

Федора крайне интересовало, как расценит его столкновение с Власовым бесстрашный летчик-испытатель, которого он считал искренним и чудесным другом. Он уже хотел было рассказать ему обо всем, но Бобров неожиданно заговорил о другом.

— Знаешь, Федя, у меня затруднение... Я за помощью к тебе — не откажи.

— Что такое?

— Понимаешь, в вашем доме девушка одна проживает...

— Люда?..

— Она. Ты знаешь наши отношения...

— Ну?

— Вышла неувязка... Сегодня утром вдруг телефонный звонок. Беру трубку. «Вы будете такой-то?» — спрашивает какой-то мужчина. И с ходу стал выговаривать. Такая пошла разноска!.. Я готов был провалиться сквозь землю. «Честь имею представиться — Давыдович». Вы, говорит, прекратите разными писульками бомбардировать нашу дочь...

— Так что же он хотел?

— Кто его знает. Не понял, чего он хочет. Вот ситуация! Надо мне идти с визитом в его дом. Но в одиночку я, пожалуй, не справлюсь. Боюсь, за двери выставят. Ты для них почтенный сосед, будь другом — нам бы вместе...

— Сватал бы и не тянул канитель,— внушительным тоном посоветовал Федор.— Люда — серьезная девушка. Какого тебе еще рожна? Я ее с детства знаю, в одном доме живем — дверь против двери. Папаша, правда, неважный человек... Но мать у нее славная женщина.

— Советуешь жениться?

— Безусловно!

Бобров вздохнул.

— Эх, жаль, что Люда не так, как я... Не очень пылает ко мне.

— Запылает! Потом водой не погасишь.

— Но ты сегодня поможешь мне? В виде хотя бы прикрытия.

— Могу хоть сватом,— Федор толкнул Боброва в плечо и неожиданно расхохотался.— Ну и пара же выйдет из вас! Прикрутит она тебе гайки. У Люды мамин характер, учти. А Полина Варфоломеевна — женщина с характером.

— Ведьма, что ли?

— Что ты! — возразил Макаров.— Просто порядок, толк в жизни понимает. С такой тещей плесенью не покроешься — не даст! Она дружна с моей матерью. Одним словом, и сваха тебе обеспечена...

Глава пятая

В переполненный зал заседания народного суда, где в это время выступал адвокат Давыдович, вошла немолодая женщина. Усевшись неподалеку от дверей, она положила руки на колени и начала присматриваться к публике. Очевидно, подсудимые и состав суда ее не интересовали. Из-под прядей седоватых волос, прикрывших узкий наморщенный лоб, ее пристальный взор время от времени устремлялся к трибуне защиты. И хотя едва ли она связывала разрозненные витиеватые фразы адвоката, но делала вид, что увлечена его речью. Правда, так было только вначале. Затем на ее бледноватом лице как-то сама по себе появилась тень томительного выжидания, какое возникает у людей, начинающих испытывать чувство неловкости за убитое даром время.

А Михаил Казимирович говорил горячо, увлеченно, то приподнимаясь и вытягиваясь, то оседая и словно сжимаясь в клубочек. Когда он начал перечислять нравственные достоинства подсудимого, подчеркивая особенности его характера, женщина шевельнула губами, улыбнулась и поднялась, чтобы выйти.

Скоро в коридор вышел и Давыдович. Увидев седоволосую женщину, он инстинктивно отпрянул в сторону, и, не задерживаясь, прошмыгнул к выходу, стараясь не обратить на себя внимания знакомых.

Немного спустя вслед за ним вышла и женщина. Увидев Давыдовича, поспешно уходившего от здания суда, она ускорила шаги, быстро догнала его и пошла рядом. Спускаясь под гору по обледенелому тротуару, женщина, наконец, сказала.

— Ваши старания не оправдали моих надежд.

Шедший по улице навстречу снегоочиститель обдал их снежной пылью.

— Осмелюсь пригласить на чашку чая, — вместо ответа предложил Михаил Казимирович, как только они поравнялись с кафе. — Не откажите, Марфа Филипповна.

Они молча вошли в теплое, уже освещенное помещение. Возле гардероба Давыдович прислонил свою палку с серебряным набалдашником к перилам и поспешил помочь даме раздеться.

— Вы хорошо говорили, — нарочито громко сказала она. — Даже о солнце начинали что-то...

— Мы — дети солнца! Мы все радуемся его животворным лучам.

Несколько позже, устроившись за столиком в самом углу полупустого зала, Давыдович заговорил тихо, тоном упрека:

— Меня шокирует тон вашего Модеста Ивановича. Я не давал присяги ходить у него в пристяжке!..

— Странно, в прошлые годы вас это не шокировало, — холодно возразила женщина. — Помните, кореным вы никогда не ходили. Тогда вам и в голову не приходило рассуждать о формах приличия. Должна предупредить, что Модест Иванович располагает достаточными средствами заставить вас быть скромнее.

— Это ультиматум? — робко спросил адвокат.

— Ничуть! Милый совет другу.

— Но я ему ничем не обязан... — Давыдович все еще старался говорить спокойно и свободно, как у себя дома.

— Вам только так кажется, что вы ему не обязаны, — сдержанно, даже лениво возразила она. — По меньшей мере это странно слышать от вас, Михаил Казимирович.

Выждав немного, пока Давыдович овладел собой, женщина пояснила:

— Оба мы с вами остались в наследство Модесту Ивановичу...

Давыдович пристально посмотрел на нее, соображая.

к чему она клонит. Но так как она молчала, ответил обиженно:

— Человека нельзя передавать в наследство, как вещь, Марфа Филипповна. Человек обладает даром мышления и речи. Наконец, закричать способен. Я не желаю, чтобы он обращался со мной, как ему вздумается... Подавай все, что ему захочется, а как это сделать — его не касается!

— Не наивничайте, Михаил Казимирович, — обрывая Давыдовича, иронически усмехнулась женщина. — Модесту Ивановичу вы не нужны как человек. Ему нужна ваша способность делать нужное дело. Напрасно вы думаете, что все прежнее позабыто... Ну хорошо, хорошо, не буду пугать. Одним словом, сейчас вы обязаны помочь своей любимой доченьке устроить ее семейное счастье. На сегодня это главное. И Модест Иванович не рекомендует тянуть...

Женщина еще минут пять, ласково улыбаясь, давала указания Давыдовичу, от которых холод охватывал его душу.

«Боже мой, это при теперешних-то условиях жизни!..» — подумал он, расставшись с ней на улице. Пугающие мысли не покидали его до самого дома.

Возвращаясь в дурном настроении с работы, Давыдович часто жаловался жене на здоровье, на дела...

— Все меня раздражает на службе — выскочки, карьеристы, контроль, бессилие помочь ближнему, когда этого очень хочется. Душе противно видеть, как едва оперившиеся юристы поучают тебя. Не согласен, не согласен!..

Когда Полина Варфоломеевна бывала не в настроении и не имела желаний завязывать споры с мужем, она саркастически отвечала ему: «Знать, батенька, ты умнее всех. Вот от чего несогласие твое со всеми». И тотчас уходила на кухню, прикрывая дверь поплотней, чтобы не слышать негодования мужа. Хотя она и смотрела на него, как на нечто несовершенное, нуждающееся в ее опеке, но не любила, когда он кричал и размахивал руками.

В тот день Михаил Казимирович явился домой раньше обычного.

— Мамочка, я сегодня совсем не в духе, — торопливо

проговорил он и уже хотел было пройти мимо жены, но, прислушавшись, остановился.— Люда занимается?

— Говорится к докладу. Что-то там по ученой части.

— Ей замуж надо готовиться... Все хотят быть учеными.

Жена пристально посмотрела на него.

— Вижу по тебе, проиграл ты дело? — спросила она, потом строго предупредила: — Не вздумай говорить мне неправду!

— Не в этом суть...— уклончиво скороговоркой ответил Давыдович.— Сколько несправедливости в этом ученом мире!

— Да ты не захворал ли, голубчик?

— Вон Василия Васильевича выживают!.. Вчера видел его. Говорит, ненужный стал! Вырастил замену себе, значит, можно и по шапке. Не прогневайтесь, мы уже сами с усами! Как это тебе нравится? Где же совесть, справедливость?..

Полина Варфоломеевна знала Власова, как хорошего человека, поэтому сообщение мужа удивило ее.

— За что же с ним так? Сколько лет на заводе и вдруг...

Давыдович и сам сожалел, что Власов не рассказал ему подробностей о ссоре с Макаровым, как он ни добивался этого.

Из соседней комнаты слышался голос дочери:

— Мы будем сегодня ужинать?

Полина Варфоломеевна спохватилась.

— Заговорились мы с папой. Ужин готов,— и с этими словами поспешно ушла на кухню.

Люда вышла в гостиную, поправляя накиннутую на плечи пуховую шаль. Обойдя стол, стоявший посредине огромной квадратной комнаты, остановилась перед отцом. Ее серые глаза, такие же пронизательные, как у матери, постоянно приводили Михаила Казимировича в смущение. «Что она так смотрит на меня?» — подумал он, сдерживая раздражение.

Ему очень хотелось чем-то развеять теснившиеся в голове плохие мысли. Он сел в кресло, закрыл глаза и стал думать о дочери. Боже, как это было недавно! Будто вчера он за руку водил ее в школу, а сейчас она уже взрослая, красивая девушка. Конструктор самолетов!..

— Ты что-то о молекулах рассуждала, Людочка,— заговорил он ласково.— В связи с чем это, дочка?

— Наша комсомольская организация решила провести серию научно-популярных докладов. Я вот готовлюсь...

— В конструкторской?

— Нет, для заводской молодежи.

— Это для них так важно — о молекулах?

— Думаю, что да! Моя первая лекция...

— Но они поймут что-нибудь?

— Конечно!

Люда спокойно отвечала на вопросы отца, хотя ее сердили его ужимки и ирония.

Михаил Казимирович вдруг предложил:

— Я бы с удовольствием прочитал у вас лекцию о трудовом законодательстве. Как ты полагаешь, дочка, это было бы интересно для молодежи? Для рабочего человека ведь это главное в жизни.

— Я посоветуюсь, папа, в комсомольской организации. Мне кажется, это интересное предложение.

После ужина, прошедшего, как обычно, молча, Михаил Казимирович прилег на диван и попросил Люду посидеть немного рядом. Полина Варфоломеевна ушла на кухню мыть посуду.

— Ты рассказала бы, доченька, что у вас нового на заводе. Кстати, объясни, что там произошло с Василием Васильевичем Власовым. Будто бы он крепко повздорил с Макаровым.

Люда удивилась, откуда отец знает о ссоре между Власовым и Макаровым. Ведь такие вещи совсем не должны выходить за стены завода. Речь же идет не о настроениях, а о боевых самолетах...

Почувствовав, что дочь заколебалась с ответом, Михаил Казимирович объяснил:

— Встретились мы с Василием Васильевичем вчера на улице. Жаловался он. Но я, право, мало смыслю в ваших делах и почти ничего не понял.

Люда отлично знала о существовании расхождений между двумя ведущими конструкторами, знала о мнении главного инженера по этому вопросу, о решении директора, но она даже представить себе не могла, как можно об этом вести разговор с людьми, не имеющими никакого отношения к заводу.

— Папа, я еще сама толком не разобралась, из-за чего они поссорились, — уклончиво ответила она. — У нас нередко люди спорят друг с другом, но если во все мне вникать, то для своего дела времени не останется..

Сославшись на то, что надо готовиться к докладу, Люда пожелала отцу хорошо отдохнуть и ушла в свою комнату.

Усевшись за письменный стол, облокотилась, положила подбородок на ладони и задумалась. В детстве она души не чаяла в отце. И до сих пор сохранила любовь к нему. Но вместе с тем не могла отрешиться от мысли, что с каждым годом эта привязанность и любовь все заметнее и заметнее слабели. А сегодня вдруг родилось какое-то сомнение... «Глупая я, должно быть, — подумала с упреком. — Папа ведь всю жизнь трудится для семьи, для меня...»

Мать вошла к ней в комнату так тихо, что Люда и не слышала, увлекшись работой. Было уже поздно. Рука Полины Варфоломеевны мягко легла на плечо дочери. Люда оглянулась.

— У нас гости, доченька, — улыбнулась ей мать. — Ты не выйдешь?

— Какие гости? — удивилась Люда.

— Федор Иванович и этот... Ну, твой, как его — Петя, летчик.

Люда поднялась, удивленно посмотрела на мать.

— Но я не приглашала никого...

Полина Варфоломеевна тихо рассмеялась.

— Но и не ко мне же кавалеры! Чувствую, пришли тебя сватать.

— Что ты говоришь, мама! Глупость какая! Иди к ним, а я не пойду. Скажи, что заболела, что сплю. Что угодно...

Полина Варфоломеевна притянула Люду к себе и поцеловала в лоб.

— Хорошо, — сочувственно сказала она. — Я им скажу, что ты к докладу готовишься. Посидят и уйдут.

Но не таков был Петр Бобров, чтобы уйти... Он вошел к Люде в комнату и остановился за спиной. Она сидела, склонившись над развернутой книгой, не находя в себе силы поднять голову и взглянуть на него.

— Ты к лекции готовишься, Люда?.. — спросил Петр.

Он хотел добавить: «труженица моя», но постеснялся,

опасаясь, как бы кто не услышал за дверью. Наконец Люда посмотрела на него.

— К лекции я уже давно приготовилась.

Летчик без труда уловил сухость в ее голосе. «По всей вероятности, мое письмо не доставило ей удовольствия», — с досадой подумал он.

— Ты устала, Люда, да? — спросил он нежно.

— Усталость тут ни при чем... Иди, Петя, туда. Тебя ждут. Неудобно, мы будто заперлись...

— Но, Люда, — запротестовал был Бобров.

— Иди! — повторила она требовательно.

Бобров глянул на дверь с таким подавленным видом, словно за нею его ожидал еще более сильный удар.

— Ну, если так надо, раз ты просишь... — смущенно проговорил он.

— Я требую, Петя.

Хотелось что-нибудь сказать ей, безразлично что, лишь бы облегчить свое неловкое положение. Но никакие слова не приходили на ум. И это еще больше обезкураживало. «Какой я осел! — мысленно ругал он себя. — Так глупо писать и посылать на домашний адрес...»

— Когда же мы встретимся?

— Когда-нибудь... — ответила Люда мягче. — Иди! Тебя ждут, ну!..

Бобров затрепетал от счастья, заметив появившуюся на ее лице улыбку. «Оказывается, буря не носит серьезного характера». А когда он взял ее руку, Люда неожиданно пожала его горячие пальцы.

— Сегодня столько дел... Я никак не мог забежать, поверь и прости!..

— Ну, ладно уже, ладно, — совсем мягко молвила она, подталкивая его к двери. — И позлиться на тебя нельзя как следует... Но все же иди туда, Петя, а то Федор Иванович сбежит.

...Макаров сидел за столом против Михаила Казимировича, курил папиросу.

— Нынешняя жизнь насыщена удивительными идеями, — витиевато говорил Давыдович, навалившись грудью на край стола. — Мы переживаем эпоху могучего покорения природы, и, надо сказать, она все щедрее и щедрее раскрывает человеку свои тайны. Да, да, Федор Иванович!

Макаров легонько постучал папиросой по пепельнице, усмехнулся.

— А мне кажется, чем дальше, тем она упорнее сопротивляется.

Давыдович подумал немного и согласился:

— Да, пожалуй, вы правы, Федор Иванович. Запустить бумажного змея было куда легче, чем вам сейчас поднимать в воздух могучие реактивные самолеты.

— Весьма справедливо! — тотчас согласился Макаров, явно тяготясь разговором на эту тему.

Он обрадовался, когда сюда вошел Бобров, и быстро поднялся ему навстречу.

— Ну, кажется, нам время, — проговорил летчик, взглянув на часы. — Полина Варфоломеевна, Михаил Казимирович, благодарим вас за добрый прием.

Поклонившись и приложив руки к груди, хозяин ответил:

— Наша вам взаимная благодарность, Петр Алексеевич. Всегда рады! Милости просим запросто к нам.

Макаров согласился с предложением Боброва пройтись, подышать немного морозным воздухом. Очувтившись на улице, он спросил:

— Ну, что, Петя?

— Одно могу сказать, — с воодушевлением ответил Бобров. — С каждым часом я люблю ее все больше и больше! Больше, к сожалению, ничего...

— Ну, ну, капитан, не падай духом! — рассмеялся Макаров, хлопнув изо всех сил по плечу летчика. — Я уже вижу тебя, черта, мужем Людмилы и... завидую.

Глава шестая

Проснувшись утром, Люда сбросила одеяло и вскочила с теплой постели. Шлепая тапочками по холодному полу, подбежала к столу, включила репродуктор. Она регулярно занималась утренней гимнастикой.

После физкультурных упражнений принялась за туалет. Распустив косы на плечи, стала расчесывать густые волосы, то и дело встряхивая головой, отбрасывая их на спину. Все в ней было красиво — дышащее здоровьем гибкое тело, полная грудь, крепкие руки. Плотные сжатые губы придавали ее лицу немного рассерженное выраже-

ние, но большие серые глаза, с лукавинкой выглядывавшие из-под длинных ресниц, смягчали это выражение.

Усаживая ее завтракать, Полина Варфоломеевна спросила обеспокоенно:

— Ты на ноги что оденешь, дочка? Не лучше ли сапоги?.. На дворе мороза нет, может потеплеть.

— Я боты надену.

— А зонтик принести? Не дай бог — дождь.

— Да ну, мама, допотопный он!

— Сделан-то после потопа. Возьми на всякий случай,— настаивала Полина Варфоломеевна.

Люда не любила, чтобы ее упрасивали, согласилась. Помолчав некоторое время, Полина Варфоломеевна заинтересовалась:

— Что там у вас с Василием Васильевичем? Будто с работы увольнять его намереваются? И за что бы такое?..

— Да кто эту чепуху разносит по свету? Власов двадцать лет работает конструктором. За что его увольнять?

— Пожалуй, что так,— проговорила мать, ничуть не обидевшись на резкий тон дочери.— Зонтик принесу, подожди минутку.

Когда Люда уже выходила, мать будто невзначай спросила:

— С Петей знакомство-то у тебя давно ли?

— А что такое?..

— Он характером как же?

— Не знаю, есть ли у него характер,— усмехнулась Люда.

— У тебя-то есть. А ему и ни к чему бы такой, как у тебя.

— Как это?! — удивилась Люда.— Без характера человеку?

— И даже обыкновенно. Характерный человек другому такому же характерному нипочем не уступит. И не жизнь тогда пойдет, а сплошное нравообучение. Каждый будет стараться осилить другого. Значит, вечные нелады в семейной жизни.

Пытливо взглянув на мать, Люда подумала: «По своей жизни сделала вывод». Вспомнила когда-то случайно подслушанную жалобу матери на отца: «Неспокойный человек. Коротаем время, а не живем. Душой своей

не обогрел он меня. И в сердце не приютил. Мы не в меру характерные оба».

— Надо, чтобы он из твоей воли не выходил,— невозмутимо продолжала Полина Варфоломеевна.— Сама-то ты ершистая. Ну, значит, муж должен быть податливым человеком. И полюбит он тебя за твою силу воли, а ты его — за уступчивость да обходительность. Не коса же на камень, как у нас с твоим отцом...

— Мама, но ведь я завтра еще не выхожу замуж,— удивилась Люда настойчивости матери.

— Не завтра, так послезавтра. Сколько тебе в девках сидеть?

На улице погода стояла сырая, чувствовалось приближение весны. Размашисто шагая к трамваю, Люда ощущала, как постепенно мысли ее яснили, как дышалось легче и свободнее, чем дома.

В конструкторской она встретилась с уборщицей — женщиной пожилой, но здоровой и бодрой, с изъеденным оспой лицом, с большими бесцветными глазами.

— Сегодня я первая, тетя Поля? — спросила Люда.

— Как бы не так! Сам-то давно уже здесь. Вон заперся, и не пойму, как убрать у него в кабинете.

— Федор Иванович здесь?

— Колдует уже! И в дверь не постучи к нему. Раньше как-то случилось, так же вот, поутру было, зашла я в кабинет, а он сам с собой в разговор вступил. Я даже испугалась, что бы такое с человеком. А он о небе, о фюзеляже, потом про встречный ветер... И спорит сам с собой, будто с другим. Много ли надо человеку, чтобы рехнуться? Я назад, назад, да к Семену Петровичу, дескать так-то и так, чисто все про Федора Ивановича и рассказала. «А вы чаем его напоили? — директор-то меня спрашивает, а сам посмеивается: — Вот этого, говорит, не забывайте, Пелагея Дмитриевна»...

— Значит, засел? — невольно вздохнув, переспросила Люда.

— Надолго теперь!

— Да, пожалуй...

Люда знала Макарова — не выйдет, пока не добьется задуманного.

Заглядевшись на модель самолета, она не заметила, как в зал вошел Бобров и остановился на небольшом расстоянии у нее за спиной.

«Неужели ей тоже нелегко согласиться с Федором? — подумал Бобров.— Конечно, вложено много труда, затрачено много энергии, дорогого времени...»

Бобров негромко кашлянул. Люда быстро оглянулась.

— А-а, Петя!.. Ты что хотел?

— Зашел повидать Власова,— с улыбкой объяснил летчик. — А встретил тебя. Здравствуй, хорошая! Поза у тебя, знаешь, была такая, будто ты молилась на творение ума человеческого.

— Что тут молиться!..— с досадой сказала Люда и безнадежно махнула рукой.

Бобров подошел к ней вплотную, спросил, заглядывая в глаза:

— А ты как на все это смотришь, скажи честно. Какое твое мнение?

— Мое мнение?..— в раздумье проговорила Люда, склонив голову.— Я всегда прежде изумлялась энтузиазму Власова. Училась у него. И было чему! Потом вдруг Макарова назначили ведущим! Я боялась, что Власов обидится. Но первое время мирно тут было у нас, в согласии работали...

— А потом?

— Потом Федор Иванович, как ведущий, стал вносить новое, отрицая многое из того, перед чем прежде мы преклонялись. Мне казалось, что Василий Васильевич прислушивается к его мнению. И вдруг — заспорили. Они хорошие оба... но порой мне кажется, что Макаров нарочито отрицает то, во что Власов верит...

Бобров улыбнулся.

— Поспорить полезно.

— В их споре,— по-прежнему тихо продолжала Люда,— особенно в начале возникновения разногласий, мне почудилось что-то нехорошее. Понимаешь, Петя, мне показалось, что Федор Иванович начинает одерживать верх над Василием Васильевичем... Ты не подумай, что я на стороне Власова. Нет!.. Мне очень нравится смелость Макарова. Только на сердце неспокойно. Оба сердитые, злые! Так никогда у них не было раньше. Макаров совсем подавляет авторитет Власова. А он все-таки очень опытный конструктор. Раньше я всегда беспокоилась, как бы их споры не дошли до ссоры. Теперь, к сожалению, это случилось. Боюсь, откровенно скажу, боюсь я этого... Может быть, потому боюсь, что не знаю, кто из

них больше прав. Вот если бы они опять взялись вместе... Но это, кажется, уже невозможно. Оба упрямые!..

— Это и плохо и хорошо,— в раздумье сказал Бобров.— В нашем деле нельзя без упрямства.

— К чему же приведет упрямство в данном случае?

— Трудно сказать, Людочка, к чему это приведет обоим. Хочется только, чтобы их конфликт не вышел за пределы творческого, полезного спора. Впрочем, я думаю, что Василий Васильевич из-за мелкой боязни за личный авторитет не дойдет до лжи на Федора.

— А ты не думаешь, что они помирятся?

— Я в этом уверен! У нас в коллективе есть кому мирить горячих.

— Как хочется, чтобы они помирились,— тихо молвила Люда.— А теперь слушай, что я скажу. И не спорь, пожалуйста. Уходи отсюда сию же минуту и в рабочее время не появляйся рядом со мной, слышишь?

— Но, Люда! — запротестовал Бобров, пытаясь взять ее за руку.

Люда отступила на шаг. Сдвинув брови, сказала строго:

— Петя, ты, оказывается, плохо знаешь меня. Не пикируй, здесь запретная зона...

— Вот это да! — сказал Макаров, остановившись неподалеку; на его лице была хорошая улыбка. — Что, Петя, не пускают в запретную зону?

— Федор Иванович! — вскрикнула Люда, смутившись.

— Ты откуда выскочил не во время? — пробурчал Бобров.

— Я у себя, ты-то чего подрулил сюда спозаранку?

— Погода не летная, товарищ начальник, бездельничая. А у вас тепло и мух нет.

— Ну, хорошо, обогревайся. Люду я к себе заберу. Займись тетей Полей. Только не переходи в «пике». Навернет она тебя мокрой тряпкой,— засмеялся Федор и ушел с Людой в кабинет.

В это время в конструкторскую вошел раскрасневшийся от свежего воздуха Власов. На ходу поздоровался с Бобровым, разделся и молча сел за свой стол. Летчик подошел поближе, оперся руками на стол, глянул конструктору в лицо. Спросил с деланным недоумением:

— Опять вы хмуры? Что за причина сему, Василий Васильевич?

Приподняв брови, Власов широкой ладонью провел по седым волосам. На губах протрепетала жалкая улыбка.

— Видишь, Петр Алексеевич, совсем седой я стал. И не сегодня голова моя поседела... А Федор точно к подростку лезет со своими открытиями.

— То, что он к вам, а не к кому другому, в этом нет ничего удивительного,— тихо вставил Петя.— Не каждому он может поверить свои чувства. Я бы гордился на вашем месте.

— Детям всегда свойственно чувство первооткрытия. Они восторгаются и красотой солнечного восхода, и ощущением усталости от своего первого рабочего дня, а особенно открывшимися перед ними далями, когда вскарабакаются на небольшой курганчик.

Откинувшись на спинку стула, Власов глянул в румяное лицо летчика. Его губы сжались, лицо будто стало еще более костистым, под выбритой синеватой кожей заходили желваки...

Бобров заметил, как сильно переживает этот обиженный человек. Стало немного жаль. Ведь он, как испытатель, не раз поднимался в небеса на машинах его конструкции. И все же не удержался от упрека.

— Эх, Василий Васильевич, чувствует сердце — напрасно вы повздорили. Ведь Федор «карабкается» не на курганчик, но повыше!..

— Оборвется,— неожиданно резко заявил Власов, кивнув в сторону кабинета Макарова.— Да еще как оборвется! Вот посмотрите!.. Видали мы и не таких настойчивых.

Намереваясь уйти, Бобров взглянул на часы. Сказал уверенно:

— Оборвется — встанет. Была бы цель ясна!

«И этот попался на удочку Макарова»,— со злостью подумал Власов, провожая Боброва взглядом. В это время он увидел, как в кабинет к Макарову зашел Трунин. «Вот еще!..» Сердце наполнилось щемящей тоской. С тревогой ожидал он выхода Трунина из кабинета своего противника. Знал, что там и Люда Давыдович, и еще несколько конструкторов. Раздражало, что Люда стала будто личным секретарем Макарова. Но больше чем на

других он злился все-таки на Трунина, ходившего теперь, как казалось Власову, нарочито грохоча своими сапожищами. «Бывало, к дверям моего кабинета на цыпочках подходил...» Когда Трунин вышел и направился к своему рабочему столу, Власов жестом пригласил его подойти.

— Ну, что там у нашего «светила»? Все носится со своей стреловидной формой?..

— Да, отстаивает как и прежде. Он в это верит твердо.

— А вы, значит, Платон Тимофеевич... — мягко заметил Власов, что редко случалось, когда он разговаривал с Труниным, — тоже готовую конструкцию порочите? Неужели вам не жаль затраченных трудов, надежд?

— Возражать тут невозможно, как невозможно остановить лошадь, хватая ее за стремя. Его рассуждение логично, Василий Васильевич.

Власов чуть не вспыхнул, но здравый смысл требовал обеспечить себе сочувствие Трунина. Он умел настроить близких ему людей в свою пользу, хотя высокомерием, которое нажил за время работы ведущим конструктором, частенько разрушал, сводил на нет все, что успевал приобрести заигрыванием с подчиненными. В эту минуту ему хотелось сказать: «Поймите же, что Макаров все еще болтается между пылкой юностью, которой свойственно стремление познать все сразу, и первым смутным побуждением к серьезной самостоятельной деятельности». Но, подумав немного, решил лишь напомнить о трудностях, связанных со стреловидными крыльями на самолетах.

— А то, что при больших углах атаки, вот при взлете и посадке например, в особенности же при маневрах, возникают резко выраженные явления отрыва потока воздушных частиц, облегающих стреловидные крылья — это что, уже не научная основа? По какой же тогда «основе» самолеты со стреловидными крыльями переставали подчиняться рулям управления, переходили в штопор и падали? Разве и для вас, Платон Тимофеевич, выдумки со стреловидными крыльями — новость?

— В них много заманчивого, — неуверенно проговорил Трунин.

— Да сколько вам лет, наконец? — разозлившись, воскликнул Власов. — Сколько, я спрашиваю, вам лет?

Трунин был человеком невозмутимой природы, но горячий вопрос Власова задел его. Он потер ладонью свое веснушчатое лицо и ответил:

— До сорока пяти годов, Василий Васильевич, я отмечал каждый свой день рождения. А теперь сбился со счета. Да и нудно стало заниматься этим делом, если говорить по совести. Но теперь, кажется, возобновлю...

— Это почему же?

— Скажу прямо — веселей дело пошло. Чувствую, что помолодел я с Макаровым...

Власову хотелось сказать что-нибудь грубое, унижительное, но Трунин уже пошел к своему месту. Повторяя с горечью: «Веселей пошло дело с новым ведущим конструктором...», Власов поморщился, как от зубной боли.

Глава седьмая

Вначале весна наступала медленно. Но затем вдруг подули южные ветры и стали съедать задержавшиеся по низменностям остатки снега. По улицам запенились мутные ручьи. Рядом с городом забурила вздувшаяся река, разливаясь все шире, затопляя луга и небольшие подлески. Стали пробиваться хрупкие ростки подснежников. Запахи прелой листвы и отогретой солнцем земли держались в воздухе.

Власова на ранней зорьке будили доносившиеся с неба журавлиные трубные клики. Одевшись, он быстро выходил в садик и, пьянея от весеннего чистого воздуха, долгим любовным взглядом всматривался в свои владения, с каждым утром казавшиеся ему по-новому чудесными. Все, что росло здесь: яблони, вишни, груши — он посадил своими руками, и все было подвластно только ему. Как это радовало душу! Вот уже почки набухли, скоро появится цвет... Как приятно вдыхать сладкий запах оживших деревьев, кустов смородины. В своем садике Власов не испытывал того одиночества, которое ощущал на заводе.

В конструкторское бюро он всегда являлся вовремя, но с людьми не хотелось встречаться. Приходило иногда на ум, что не мешало бы с Грищуком откровенно поговорить, спросить, как же ему, Власову, вести себя дальше

Но Грищук в конструкторской не появлялся. В заводоуправление же Власову идти не хотелось, могли заподозрить, что он ищет себе союзника. Решил подстеречь главного инженера где-нибудь за заводом. Кстати, тот всегда возвращался домой позже обычного, и вряд ли кто мог увидеть их при встрече.

Однажды вышел с завода поздно. Над полями висела темная ночь, хотя и видно было, как по небу сероватой рябью друг за дружкой плыли тучи. Прислушиваясь к собственным шагам, Власов думал, что все же смешно ловить главного инженера на дороге. Да и как он поставит перед ним вопрос? А что если Грищук не поймет его и ничего утешительного не подскажет? «Что, собственно, он может сказать, если Макарову уже позволено начать поиски новой схемы конструкции?» — спрашивал Власов у самого себя, хотя и знал, что вопрос о готовой конструкции еще окончательно не решен. Вдруг машина догнала его, остановилась.

— Садитесь, Василий Васильевич! — пригласил главный инженер. — Подвезу.

— Подстерегал, признаюсь, — смущенно сказал Власов. — Днем не могу к вам... А нужно потолковать.

Грищук указал место рядом с собой.

— Оно и лучше! Потолкуем без посторонних. Да, вот вам... мечтали о серийной машине — и ничего не получилось. Даже пробных не строим. Черт бы его побрал, этого Макарова, все перепутал! Посмотрим, что выйдет из его новой идеи.

— Но я думаю, Павел Иванович, что к оптимизму у вас нет оснований, — осторожно заметил Власов.

— Ничего не попишешь. Новатора, скажут, затираешь. Такое вокруг поднимется!.. Однако я скажу свое слово... Если оно потребуется, конечно. Не понимаю только, почему вы молчите, Василий Васильевич. Вы же весомая фигура в нашем творческом коллективе. Вам сколько угодно можно полемизировать, спорить, доказывать. Вы имеете право победить в поединке со своим учеником, наконец.

— Я рассчитываю на вашу поддержку, Павел Иванович, — упавшим голосом сказал Власов.

— Что ж, можете рассчитывать... когда докажете свою правоту и заблуждение Макарова.

«Победителя любой дурак с удовольствием поддер-

жит...» — уныло подумал Власов, чувствуя, что главный инженер просто не хочет вмешиваться в конфликт. Так ведь ему жить спокойнее...

Выйдя из машины Грищука, он медленно побрел по тротуару, с усилием передвигая ноги. Шли прохожие, но он не обращал на них внимания. Все было безразлично.

Очутившись возле кафе, Власов остановился в раздумье — зайти или не стоит? Вывел из нерешительности невесть откуда взявшийся Давыдович.

Последнее время они часто встречались, вели дружеские беседы на разные темы. Власову приятно было, что этот неглупый адвокат каждый раз старался сказать ему что-нибудь хорошее, поддержать бодрость духа. Хотелось с ним поговорить, услышать доброе слово.

Поздоровавшись, зашли в кафе. Здесь было полно народа. Окна запотели, над столами висел дымный сумрак. Присев к одному из столиков и распорядившись по части выпивки и закуски, Давыдович обратился к Власову озабоченно:

— Ну, живем-то как, Василий Васильевич? Все среди неприятностей?

— Не живем, а доживаем, Михаил Казимирович,— вяло откликнулся Власов.— С корня начинаю сохнуть.

— Неужели он совсем порвал с вами? — участливо допытывался Давыдович.— Как можно!.. И это после того, как вы сделали из него человека! Ах, Федор Иванович!.. Кто бы мог подумать! А как же другие?

Подали вино и закуски. Власов не спешил с ответом. Выпил залпом бокал и, не закусывая, достал папиросу. Зажигая спичку, сказал, будто отмахиваясь:

— Не в этом дело! Все вежливо со мной... Да только что мне до того! Лезут с неуклюжими реверансами. Но я не мальчик, знаю цену подобным любезностям...

Вино, очевидно, сразу подействовало на него.

— Вся суть вопроса, видимо, сводится к тому,— адвокатским тоном сказал Давыдович,— что в наши дни никто не считает разумными жертвоприношения. Надо защищаться, Василий Васильевич. Надо смело защищаться! Вы мудрое слово сказали: «С корня начинаю сохнуть». Удивительно точное определение! Вот я и думаю...

Сквозь пелену табачного дыма Власов видел холеное, приятно улыбавшееся лицо адвоката, ощущал на себе его ласковый взгляд и чувствовал, как на душе легче становилось.

— Что же вы думаете, Михаил Казимирович? Вы начали было что-то говорить...

— Да, да! Я примитивно рассудил, Василий Васильевич. Чтобы не сохли корни, их надо поливать.—И Давыдович легко улыбнулся, точно продемонстрировал бог знает какое остроумие.

— Что-то в этом роде на днях говорила ваша дочь,— вяло заметил Власов.— Конструктору Трунину толковала. Засох, говорит, корень, питавший его живительной влагой... Это меня, значит. Обо мне шла речь... Умная девушка! Только зря переметнулась к Макарову. Значит, говорите, надо корни поливать? Чудаки вы, адвокаты, туман напускаете...

— Такова профессия, Василий Васильевич,— весело рассмеялся Давыдович.

— Хочется спать,— вдруг сказал Власов.— Пойду домой.— Жена станет беспокоиться, время уже позднее.

— Да ну, какое там — позднее! Мы почти и не поговорили.

— Что мне эти разговоры! — нахмурился Власов.— Достаточно я сегодня наслушался за день. Одни советуют смириться, другие сопротивляться. Советы давать легко. Вот и вы, простите, Михаил Казимирович, сморзили насчет корней... Пойду-ка домой.

— Тогда я тоже,— сказал Давыдович, беря под мышку свой портфель.

В это время неподалеку от кафе шел своей неторопливой походкой Бобров. Он устал за день в воздухе и сейчас радовался, что под ногами была твердая земля.

Несмотря на то, что прошло всего пятнадцать минут, как он расстался с Людой, в душу стала закрадываться тоска по ней: «Почему она всегда становится грустной, когда мы подходим к ее дому? — спрашивал себя Бобров.— Должно быть, ей жаль расставаться со мной...»

Вдруг легчик невольно остановился. Шагах в двадцати в полосе электрического света увидел Давыдовича, державшего под руку конструктора Власова. Они шли из кафе, слегка покачиваясь.

Некоторое время он продолжал стоять, потом медлен-

но зашагал в том же направлении, что и подвыпившая пара. «Кутнули, должно быть!..» Но, дойдя до угла, потерял их из виду, хотя улица была почти безлюдная.

В это время мимо него прошла молодая женщина в шубке, с накинутым на голову капюшоном. Сначала Бобров не обратил на нее никакого внимания, но затем ему показалось, что она стремится кого-то догнать. Это заинтересовало летчика. Ведь здесь, кроме Власова и Давыдовича, больше никто не проходил! Не выпуская из виду темневшую фигурку, пошел за ней, стараясь держаться на отдаленном расстоянии.

В конце темной улицы женщина замедлила шаги и оглянулась, как бы испугавшись унылого вида крутого спуска. В этом месте река подходила к самому городу, было даже слышно, как вода плескалась о берег. «В здравом ли она уме?» — мелькнула у Боброва мысль, когда он увидел, что женщина внезапно остановилась и точно замерла над обрывом. Он даже подумал, что она хочет броситься вниз.

«Сейчас возьму ее за руку...— решил Бобров.— Если вздумает вырваться, буду держать как можно крепче». Но осуществить свое благородное намерение он не успел. Наоборот, попятился назад и прижался к углу дома, чтобы оказаться в тени. Рядом с одинокой женщиной вдруг, будто из-под земли, выросла фигура небольшого полного человечка...

Бобров едва не рассмеялся, едва не вскрикнул от изумления.

«Давыдович!.. Ах, черт старый!.. Вот Дон Жуан...»

Он увидел из своего укрытия, как адвокат приложил руку к сердцу, явно произнося даме извинения. Потом они стали о чем-то говорить.

«Может быть деловое свидание, а я подглядываю...— подумал Бобров, почувствовав себя неудобно, но сразу же отбросил эту версию.— Какие дела в такое время, в таком месте! Все ясно, Давыдович заскочил в кафе, хлебнул для храбрости, избавился от встретившегося там Власова и вот... стоит перед своей молоденькой возлюбленной... Ба, взял ее под ручку, повел по тропинке вниз!..»

«Ну и ну!..— осуждающе покачал головой Бобров.— Мой будущий тесть отрывает номера! Вот это да! Пожилой человек, отец такой удивительной дочери... Ах, черт!»

Он только махнул рукой и, насвистывая веселую песенку, пошел домой. Ну, будет время, он когда-нибудь при соответствующей обстановке разыграет теста...

Бобров любил свою холостяцкую комнату. Правда, в ней часто царил беспорядок, поскольку хозяин возвращался домой очень поздно, а возвратившись, обычно грел чай, перекусывал что-нибудь, брал книгу и валился в постель. Ленъ было наводить блеск.

Иногда к нему приходила старшая сестра Мария Алексеевна, работавшая у них же на заводе. Она-то и присматривала за тем, чтобы в комнате брата поддерживался маломальский порядок. В этот вечер она успела все сделать и собиралась уже уходить, когда в дверях появился Бобров.

— Где ты ходишь в такой поздний час? — упрекнула тоном старшей. — Ох, Петр, Петр, — бесшабашная голова!

Он приложил руку к сердцу, улыбнулся сестре.

— На свидании был, Мусенька! А ты скучала здесь одна?

— У тебя не заскучаешь...

Бобров осмотрелся. Комната выглядела куколкой — все блестело после женской руки. Как уютно, хорошо!

— У-у!.. Красота! Жди от меня грандиозного подарка!

Несколько минут спустя Петр и Мария сидели за круглым столом и пили чай. Бобров рассказывал сестре о Власове. Она слушала внимательно. Заметно было, что немного волнуется. В конце сказала решительно:

— Мы не можем, Петя, остаться равнодушными. Речь ведь идет не только о человеке, но и об опытном конструкторе...

— Я уже пробовал, Муся, быть «неравнодушным», да он точно черт! — махнул рукой Петр и добавил, хитро прищурив глаз: — Попытайся ты... Ведь он в некотором смысле твоя симпатия.

— Ладно... «Симпатия», — деланно рассердилась сестра. — Меня, думаешь, послушается? Нам надо сообща.

Петр отодвинул от себя стакан с недопитым чаем и медленно встал. Подошел к двери балкона, открыл,

засмотрелся на ночь. Рядом с ним стала сестра. Слушая ее ровное дыхание, он ожидал, не объяснит ли она, как ему надо действовать? Но Мария молчала, думая о чем-то своем. Потом негромко сказала:

— Ты не все рассказал мне, Петя, с кем же он пил?

Бобров почувствовал, как ему на плечо легла ее мягкая рука. Склонив голову, он щекой почти коснулся горячего лица сестры.

— Понимаешь, Муся, мне кажется, я просто плохо понимаю людей...

— Ну, рассказывай же! — потребовала сестра, не сводя с него пытливого взгляда.

Бобров рассмеялся.

— С адвокатом Давыдовичем.

— Фу, как глупо! Чего же ты смеешься? Плакать надо...

Бобров не выдержал и расхохотался.

— Самое смешное, что мой будущий тещь... Нет, ты не поверишь! ходит на свидания к молодым женщинам. Я полчаса тому назад видел его с одной особой... на берегу!

Ироническая улыбка мелькнула на лице Марии.

— Люся, конечно, не знает о проделках папаши? — спросила она.— Вот старая рухлядь! В его-то годы глупостями заниматься!.. Ну, я пойду, Петя. И тебе пора отдыхать. Только прошу, пожалуйста, подумай о Влакове. Не отворачивайся от него. Он ведь не такой уж плохой человек...

Глава восьмая

Утро выходного дня выдалось теплым, по-настоящему весенним.

Бобров застал Власова на огороде. Тот только что закончил разбрасывать по грядкам навоз. В руках держал вилы.

— Под репу или под лук готовите плантацию, Василий Васильевич? — спросил Бобров, здороваясь с хозяином.

Конструктор некоторое время задержал вопросительный взгляд на его лице, пытаясь понять, не шутит ли

неожиданный гость. Поставив вилы к стволу яблони, насупился и зашагал вперед.

— Пошли в дом.

В передней хозяин указал гостю на стул, сам сел напротив. Закурили молча.

— Капа! — крикнул Власов жене. — Завтрак скоро будет готов?

После этого, взглянув на Боброва, ответил:

— И лук, и репа — не лишнее в доме. А главное — свое! Но тебе, я вижу, не нравится мой образ жизни. Это как будет угодно.

— Вот уж, Василий Васильевич! — удивился Бобров. — Репа, лук, цветы, сад — это же прекрасное занятие для человека умственного труда! На досуге, конечно...

В это время в комнату вошла жена Власова — Капитолина Егоровна. Увидав Боброва, всплеснула руками:

— О-о, какой гость у нас! Воздушный бог... Здравствуйте!

Поднявшись, Петр грациозно поклонился.

— Давно я не видела вас. И вы-то хороши, совсем позабыли знакомых... — выговаривала она ему. — Ну, сейчас завтракать будем. Присаживайтесь к столу.

Как ни уверял Бобров, что он уже завтракал, все же пришлось уступить.

За столом, продолжая разговор с хозяйкой, он украдкой посматривал на Власова, угрюмо глядевшего в свою тарелку.

— Что же это такое, Петр Алексеевич, Макаров так поссорился с Васей?.. — спросила Капитолина Егоровна. — Жили раньше как братья родные. А теперь все вверх тормашками!

— Капа! — сурово остановил жену Власов. — Жужжишь, как муха под абажуром!

Хозяйка взглянула на помрачневшего мужа, и наступила неловкая довольно длительная пауза. Бобров перестал есть. Облокотившись одной рукой на стол, он другой потрогал затылок, соображая, как бы лучше начать разговор, ради которого пришел сюда. Почувствовав, что между мужчинами должна быть своя беседа, Капитолина Егоровна поднялась и вышла.

Когда они остались вдвоем, Бобров сказал:

— Василий Васильевич, много я думал о Макарове... Эх, создать бы вам такую машину, чтобы у нас, летчиков,

дух захватило! Ей-богу, стройте, я первый пойду на штурм звукового барьера! Поверьте, не подведу... Слава будет и вам и нам. Родина скажет — слава смелым!

Власов, занятый какими-то своими мыслями, будто позабыл о присутствии летчика. Лишь через минуту поднял голову и спросил:

— Петр Алексеевич, ты пришел, чтобы уговорить меня?.. — и, не дав Боброву ответить, поднялся. — Не люблю, скажу откровенно, очень не люблю уговаривателей.

— Василий Васильевич!.. И это вы говорите мне?

— Да! Напрасно, Петя, тратишь время попусту.

Бобров поднялся, заговорил взволнованно:

— Хорошо, я тоже скажу откровенно. До сих пор я не только уважал конструктора Власова... Я любил его. Когда мне приходилось поднимать вашу машину в воздух, я забывал, что она только что родилась... Я садился в нее, как на обездженную лошадь, потому что верил вам. Я не думал о жизни, радовался... Я мечтал о той минуте, когда взлечу на вашей новой, необыкновенной машине и всему миру выпишу в небе ваше имя... Но теперь вижу — все это чепуха!..

Выйдя на улицу, Бобров ощутил горечь в душе, хотелось вернуться и закричать в лицо конструктору: «Старина, да не вешай ты нос!..» Он несколько раз останавливался, оглядывался и снова шел дальше.

«Надо сейчас же поговорить с Федором!» — решил летчик. Из ближайшей будки телефона-автомата он позвонил Макарову. Анастасия Семеновна ответила коротко: «Он на заводе». Петр вздохнул и повесил трубку, даже не назвав себя. Вспомнил, что Федор даже в выходные дни не отдыхает.

Встретился он с Макаровым рано утром на следующий день. Погода стояла хмурая, туманная, самолеты в воздух не поднимались. Войдя в кабинет, Бобров увидел Макарова спящим на диване. Посмотрел на взлохмаченную, уткнувшуюся в резиновую подушку голову, и ему стало жаль товарища.

— Вставай! — крикнул он.

На его крик в кабинете появилась тетьа Поля. Зама-

хала руками, зашипела на летчика, точно рассерженная гусыня.

— Человек только что прилег... Отцепись ты, ради бога, Петр Алексеич! Господи, чуть свет принесло тебя! Иди на свой аэродром, там и шуми, сколько захочешь.

— У-ух ты!..— смутился Петр.— Хорош у Федора адъютант... Ладно, не маши своими тряпками, уйду.

Но Федор уже проснулся. Улыбка на его заспанном лице была по-детски трогательная. Летчик расхохотался.

— Ты что это? Или у тебя квартиры нет? Матери нет, а? По воскресеньям работаешь! Да надолго ли тебя хватит?

Федор провел пятерней по взлохмаченным волосам, приглаживая их назад, но они, как нарочно, торчали в разные стороны.

— Э-эх, ты!..— вздохнул Петр.

— Тетя Поля,— обратился Макаров к уборщице,— пить хочу. И голова трещит.

— Стопочку, Федор Иванович...— осторожно посоветовала тетя Поля.

— Это на работе, что ли? — удивился Макаров.— Чаю горячего и крепкого! Пару стаканов нам.

Пока тетя Поля ходила за чаем, Бобров рассказал конструктору, что у него произошло с Власовым, и тут же решительно заявил, что считает нужным поговорить с парторгом Веселовым.

Федор сидел, погруженный в свои мысли, взгляд его при этом был направлен в одну точку на столе. Бобров невольно посмотрел на то место.

— Петя,— тихо заговорил Макаров.— Прежде всего надо самим понять мотивы Власова. Скажу тебе откровенно: у меня не возникает никакого сомнения относительно его честности. Он, как мне думается, просто в коротком обмороке. Очнется!.. И мы еще много поработаем с ним. Забудь о том, что я говорил тебе прежде о нем. Я немного погорячился. К Власову нельзя с такой меркой. Он все же наш друг. К тому же учитель мой.

Петр заерзал на стуле, заулыбался. Ему хотелось поблагодарить Федора. Он тоже верил, что Власов «очнется». Но на всякий случай спросил:

— А если все-таки рассказать Веселову, а, Федя?..

— Нет, Петя, попытаемся сами. Не дай бог, еще подумает, что мы пожаловались на него. Хуже будет.

В кабинете наступила тишина. Макаров поднялся, несколько раз прошелся взад и вперед, затем вернулся к своему месту, но не сел, а прислонился к краю стола и долго глядел в лицо Боброва.

— Я верю, Петр Алексеевич, что старик одумается! Хочу этого, понимаешь?

Выйдя от Макарова, Бобров поздоровался с Власовым, окидывая взглядом его сгорбленную, склоненную над столом фигуру.

Подперев голову рукой, теребя пальцами коротко подстриженные, торчащие ежиком волосы, конструктор глубоко задумался. Но в его голове не было ни единой ясной мысли. Было лишь ощущение боли в сердце.

В это время в конструкторскую вошли Трунин и Люда Давыдович. Летчик пошел им навстречу.

Люда, едва увидев его, улыбнулась, кивнула головой, заторопилась к своему рабочему месту и тотчас занялась делами. Боброва смутило собственное безделье. Здраваясь с Труниным, он неизвестно зачем спросил:

— А скажи мне, Платон Тимофеевич, плащ-то твой — он что, не воспринимает влаги? На дворе, кажется, дождь?

— Давно перестал, — ответил Трунин, проходя мимо летчика. — Людмила Михайловна, не забудьте сделать для Федора Ивановича. Он сейчас спросит расчеты.

— Все в порядке, Платон Тимофеевич! — ответила Люда, не поднимая головы. — Осталось на час работы.

Бобров подумал: «Здесь все идет хорошо. Оба решительно пошли за Федором».

Глянув быстро на Власова, Боброву хотелось упрекнуть его. Но лицо конструктора показалось ему таким равнодушным и отталкивающим, что отпала охота даже слово молвить. Махнул рукой и пошел к выходу.

Рассчитывая на авторитет директора, Бобров твердо решил обратиться к нему с просьбой воздействовать на Макарова, заставить его упорядочить режим трудового дня.

В приемной секретарь Оля Груничева заявила:

— Утром Семен Петрович не принимает.

— Но мне крайне необходимо.

— Ничем не могу помочь. Директор занят.

Бобров сделал вид, что понял ее слова, но, отвечая невпопад, думал только о том, как бы проникнуть к директору. Предусмотрительно став к двери спиной, он, точно невзначай, нажал и очутился в кабинете.

Соколов окинул летчика быстрым взглядом.

— Разрешите, Семен Петрович?

— Что же разрешать, если уже вошли?

— Я к вам по делу, Семен Петрович...

— Настойчиво прорывались...

— Дело, собственно, информационное — Макаров словно запил... — выпалил Бобров.

— Чего, чего? — поднял брови Соколов.

— Иносказательно, конечно... Но, знаете, такое у него не редкость. Семен Петрович, этот вопрос заслуживает серьезного внимания. Конструктор Макаров стоит того, чтобы помочь ему.

— Но с ним же Власов, Трунин... — возразил директор. — Разве мало у него помощников?

— Власов — репа разваренная.

Соколов нахмурился. Летчик сказал как раз то, о чем он и сам думал. Подошел к окну и распахнул створки. В кабинет, глубоко вдывая шторы, хлынула струя свежего воздуха.

— Смотрите, — сказал Соколов, показывая на заголубевшее небо. — Погода восстанавливается, Петр Алексеевич. Ваша пора! Летная погода, а вы тут со всякими сентиментальностями.

Как только летчик вышел из кабинета, Соколов снял трубку внутреннего телефона.

— Соедините с Макаровым, — и потом, спустя несколько секунд, сказал: — Федор Иванович, не знаю, как это вам понравится, но я не люблю недисциплинированных работников... Никаких извинений мне не надо. Прошу твердо запомнить — в конструкторской не ночлежный дом... Да, да! И мои приказания соблаговолите выполнять аккуратно. Учтите, повторять не буду!

...Макаров собирался еще что-то сказать в свое оправдание, но в трубке послышался шелчок отбоя.

Облокотясь на стол, он стал глядеть усталыми глазами на копировальную доску, где был развернут чертеж примерной схемы новой конструкции боевого самолета.

«Сколько уже таких вариантов я сделал!..— невесело подумал Макаров.— И все не то, не то...»

Медленно встал и, склонив голову, задумчиво глядя перед собой, начал неторопливым шагом ходить по кабинету. В голове роились невеселые мысли. «Я опорочил готовую, чуть было не ставшую самолетом конструкцию. Поссорился с другом. Взял на себя ответственность создать машину, на которой человек должен опередить звук... Но где, где она — эта машина?..»

«Ну, а Власов только и ждет моих неудач,— продолжал размышлять, покусывая ногти.— И Грищук, пожалуй... Если я ошибусь в самом начале — заклюют! И вряд ли кто поддержит...»

В процессе напряженных поисков самым важным было душевное спокойствие, тишина, временное одиночество. По вечерам и ночам, когда в конструкторском бюро никого не оставалось, когда в глухом кабинете горела настольная лампа, разливая вокруг легкий зеленоватый свет,— появлялись наиболее правильные, наиболее нужные мысли... А директор гонит домой!..

Макаров подошел к схеме самолета и, слегка отодвинувшись назад, в который раз начал пристально изучать ее. Казалось, в эту минуту его осенила новая мысль. Он уже шагнул к столу и протянул руку за карандашом, но тотчас же остановился и снова надолго замер.

Через час взялся за телефонную трубку, намереваясь позвонить Наташе Тарасенковой. Но, странно, тотчас перед ним встал загадочный образ Кати Нескучаевой, и это вызвало чувство досады. Глубоко вздохнув, он отнял руку от телефона. «Надо бы, пожалуй, увидеть Наташу, отложить на час работу, зайти к ней». И ему стало еще более неловко, почти стыдно, что он никак не может покончить с мыслями о Нескучаевой...

— Разрешите, Федор Иванович?

Макарова смутило неожиданное появление Трунина. Сделал несколько шагов навстречу.

— Хорошо, что зашли, Платон Тимофеевич,— мягко проговорил он.— Вот полюбуйтеесь — еще одна схема готова...

Трунин сосредоточенно стал рассматривать схему будущего истребителя, шевеля верхней губой и топорща

рыжие, коротко подстриженные усы. Время от времени он бросал взгляд на Макарова и потом снова склонялся, придвигая к чертежу красноватое лицо и щура глаза. Свое мнение он не торопился высказывать.

Макаров продолжал стоять неподвижно, своим спокойствием стараясь показать, что он не тяготится медлительностью Трунина. Но когда тот отвел глаза от чертежа, молодой конструктор вопросительно взглянул на него.

— Это, кажется, уже четырнадцатая по счету? — тихо произнес Трунин.

Макаров почувствовал упрек. Сказал сухо:

— Сделаем и пятнадцатую, если нужно будет!

Трунин посмотрел на Макарова такими удивленными глазами, словно только что впервые увидел его, даже оробел немного.

— Я к тому, Федор Иванович, что пора бы и остановиться. Схема вполне содержательная. Много, конечно, будет зависеть от специальных конструкторских групп...

Тихонько отойдя к окну, Федор присел на подоконник. «Не-ет, человек еще не совсем понимает, что я ишу». Подумав, что Трунина может обидеть его молчание, сказал:

— Нет, Платон Тимофеевич, еще рано останавливаться! Надо искать, искать, искать!..

Макаров встал с подоконника, быстрыми шагами подошел к Трунину, обнял за плечи, попросил:

— Посидите со мной вечером, поговорим, посоветуемся. Ведь не на легкое дело мы решились.

— Я давно хотел, Федор Иванович, но... как-то неудобно было навязываться.

— То-то и оно! — вздохнул Федор. — Поручения мои выполните, забежите ко мне на минутку и опять торопитесь восвояси.

— Не привык я к иному, Федор Иванович. Власов не одобрял мои советы, все только своими руками... И я, думаете, доволен этим? Вы же знаете, что я умею не только протягивать руки, мол, давайте мне какую-нибудь работу...

Федор оживился. Посмотрел внимательно в глаза помощника.

— Так что же, кончим вращение вокруг самих себя?

Этим вопросом Федор смутил Трунина, которому и в самом деле казалось иногда, будто на заводе мало кто

знает, что в конструкторском бюро работает некий Платон Тимофеевич. Он был в коллективе незаметным человеком. Но в нем жило постоянное убеждение, что он мог бы сделать значительно больше того, что практически выпадало на его долю, что наступает конец безликой жизни. Бодрило сознание, что он нужен, что в нем нуждаются.

Сказал, невольно протянув руку для благодарного пожатия:

— Можете на меня рассчитывать, Федор Иванович!

Макаров пожал его руку.

— Трудно будет, Платон Тимофеевич! Но учтите, трудности — наилучший в жизни учитель. Без трудностей было бы сделать невозможно!

— Я все понимаю, Федор Иванович, — горячо откликнулся Трунин. — Василий Васильевич, бывало, не доверял мне... А вы зовете! Я знаю, что не стану рядом с вами — устарел. Но грузите на меня всю черновую работу — спина у меня крепкая, выдержит!..

Глава девятая

После работы Бобров решил пройти в город пешком.

Неторопливо шагая по дороге, он с жадностью вдыхал тонкий запах деревьев, доносимый легким ветерком из заречного леса. На реке протяжно гудел пароход. Кто-то кричал оттуда: «Давай, давай!» Гудок и крики, расплываясь над чернеющим полем, медленно замирали вдали. Неожиданно совсем рядом послышался мягкий девичий голос:

— Разрешите пристроиться?

— Наташа! — обрадовался Бобров, протягивая руку. — Что так поздно? Работы много?

— Недостатка не ощущаю.

Дальше пошли рядом, шагая нога в ногу, разговаривали — Петр шумно, Наташа задумчиво и менее охотно, лишь отвечая на вопросы.

— Обычно я ухожу с работы значительно раньше, — говорила она. — Сегодня задержалась. Долго беседовала с Власовым. Жаловался он, говорит, дочь у него больна.

— Нина? Что с ней? — удивился Бобров.

— Понятия не имею. Отец рассказал, что она однажды швырнула тарелкой. Мать склонна к мысли, что Нина

нервнобольная. Но он с ней не согласен. Я обещала зайти.

— А ты не обратил внимания, каково самочувствие самого Власова? — спросил Бобров.

— Ужасно возбужден, взвинчен. Я полагала, что это связано с Ниной. А почему ты спросил, Петя?

— Просто так. Ведь он не чужой мне...

— Петя?.. — Наташа замедлила шаг, заглядывая в лицо Боброву. — Не связано тут что-нибудь с работой?.. С Макаровым не связано?.. Они же с ним вместе!

— Вот уж и кольнуло в сердечко? — засмеялся Бобров.

— Тебе слова нельзя сказать! — обиделась девушка.

— И-да... — вздохнул летчик. — Мне завидно, как хорошо у вас с Федором получается...

— Не надо завидовать, Петя, — сдержанно попросила Наташа. — Боюсь, что ты ошибаешься. Не так уж у нас все хорошо, как тебе кажется.

Взвешивая Наташины слова, Бобров заметил:

— Не пробежала ли черная кошка?

— Никакой кошки я не видела. И Федю много дней тоже не видела. Как-то позвонила ему в обеденный перерыв, а он кричит: «Наташка, я совершенно запарился!» И голос чужой какой-то... Потом стал оправдываться. Так что нечему завидовать, Петя. Может, у нас с Федором не так уж прочно, как кажется со стороны.

— Но представь, Наташа, ведь это точно, что он запарился, — озабоченно проговорил Петр. — Даже ночевать домой не является. Зайдем-ка к Анастасии Семеновне. Она все одна. Вот обрадуется!

— Не знаю, удобно ли, — в раздумье молвила девушка. — Я очень давно была у них. А вдруг Федор дома?.. Подумает еще, что ищу с ним встречи. Неудобно, понимаешь.

— На работе он. Зайдем?

— Ну, хорошо, — как-то неожиданно согласилась она.

Когда они поднимались на третий этаж, Петр услышал позади себя знакомые шаги. «Люда!..» Он оглянулся, и чувство обиды шевельнулось в груди.

— Людочка, ты же давно уехала с завода... Где ты была?

— Здравствуйте, Наталья Васильевна! — сказала Люда, не удостоив летчика ответом.

Она даже сделала вид, что не замечает его. Поздоровавшись с Наташей, стала рассказывать ей, какие книги достала в городской библиотеке, а каких не смогла достать. Петр только неловко переступал с ноги на ногу, топтался рядом, не вмешиваясь в их разговор. «Вероятно, в душе посмеивается надо мной. Ох — характер!..»

Дверь открыла Анастасия Семеновна. Узнав гостей, она посторонилась, пропуская их в комнату.

— Навестить решили, Анастасия Семеновна, — заговорил Бобров.

— Следовало бы и раньше, — с улыбкой упрекнула старушка. — Скучаю я тут. Федя все на работе, а я дома одна.

— Что ж... и я на заводе все время... — сказал Бобров, пытаясь пошутить.

Наташа неодобрительно глянула на него. И внимание хозяйки как-то сразу сосредоточилось на девушке.

— Как я рада вам, Наташа! Проходите, садитесь, пожалуйста! Я чего-нибудь вкусенького сейчас... Вы так похорошели!..

— Постарела! — шутливо ответила девушка, глядя своими глазами-васильками. Время ни для кого не проходит бесследно, Анастасия Семеновна.

Внезапно оробев, не понимая, к чему Наташа заговорила об этом, мать после паузы задумчиво проговорила:

— Вы же всегда у такого дела, которое большой серьезности требует. Над каждым больным человеком задумываться приходится.

И заторопилась, словно боясь, что ее остановят.

— Я только на кухню...

Проводив Анастасию Семеновну взглядом, Наташа вспомнила те радостные в жизни дни, когда Федор закончил московский институт и приехал в родной город. Наташа одна из первых узнала о его возвращении. Это было в теплый июльский день. Из окна своей квартиры она неожиданно увидела, как Федор приоткрыл калитку, зашел во двор. Выбежала навстречу. Трудно сказать, что удержало их в тот миг от поцелуя... За годы учебы лицо его почти совсем не изменилось, было таким же красивым, только более мужественным...

Телефонный звонок как бы вдруг разбудил Наташу, —

она вздрогнула и быстро повернулась к круглому столику, на котором стоял телефон. «Это Федор!» — подумала она и быстро, не раздумывая, схватила трубку, словно давно уже ждала этого звонка.

— Алло!..

Услышав нежный женский голос, спрашивавший Федора Ивановича, Наташа побледнела и тихо опустила трубку. Глянув на Боброва, она попыталась изобразить улыбку на своем лице, но это ей не удалось...

— Звонят Феде,— сказала она.— Какая-то писклявая...—И бросила раздраженно в трубку:—Его нет дома!.. Ты теперь понимаешь, Петя, что наши отношения не настолько хороши, чтобы я могла почувствовать себя счастливой... У него уже завелась какая-то...

— Ерунда! — засмеялся летчик.— Мало ли кто звонит ему?

— Нет, Петя!..

Бобров приблизился к Наташе. Но прежде чем он успел сказать ей о том, что Федору сейчас не до писклявой, не до шепелявой, она строго потребовала:

— Не успокаивай меня!.. Я должна сейчас же уйти... Зачем ты притащил меня?..

Летчик испугался.

— Но не уйдешь же ты, не дождавшись Анастасии Семеновны. Некрасиво получится.

— Не беспокойся, я не собираюсь бежать отсюда сломя голову. Дождусь Анастасию Семеновну, попрощаюсь и уйду,— решительно заявила Наташа, стараясь сохранить самообладание.

И действительно, торопливо простившись с хозяйкой, она почти сбегала по лестнице на улицу.

Пройдя два квартала, немного остыла. И только подходя к своему дому, вспомнила, что ей нужно зайти к Власову. Круто повернула в глухую улочку. Здесь было тихо, пахло садами.

В тишине Наташа почти успокоилась. Мучил только вопрос: в самом деле Федор занят день и ночь или увлекся другой?..

...Когда Власов вернулся домой, жена упрекнула:

— Опять ты опаздываешь, Вася, и обед остыл, и я томлюсь...

— Обедать не буду — был в столовой. Прошлись по городскому парку с Михаилом Казимировичем... Вот и опоздал.

— Но зачем же до позднего времени...

— Капа, не сам же я, задержали,— извиняющимся голосом заметил Василий Васильевич.— А Нина уроками занимается?

— Уроки закончила, сейчас спать уложу.

— Не следует,— устало возразил Власов.— Я врача пригласил.

— Вася! — вдруг воскликнула Капитолина Егоровна.— Ты опять выпил?..

— Для иммунитета,— ответил Власов и ушел в свою комнату.

Прикрыв за собой дверь, он в раздумье остановился перед круглым зеркалом в массивной ореховой раме, засмотрелся на покачивающееся из стороны в сторону свое отражение.

Его весь день сегодня не покидала мысль: выдержит он или вынужден будет согласиться начать работу обыкновенным подручным? Коробило внутри: «Могу ли я допустить такое унижение, чтобы стать простым подручным у Макарова?»

Походив немного по комнате, снова остановился у зеркала и взял гребенку. Долго приводил в порядок прическу, затем собрал с плеча волосы, поднес к свету — все как серебряные. Поморщившись, бросил в пепельницу скомканный клоч.

— Нет, подручным у Макарова не желаю служить,— сказал он, тяжело опускаясь в глубокое мягкое кресло.— Не по возрасту. В мальчики не гожусь, не подойдет это мне.

«А все-таки что у него выйдет из новой затеи? — впервые совершенно беззлобно подумал Власов.— Взялся-то он за новые эксперименты с большой настойчивостью».

И едва он подумал о том, что его бывший ученик не может сделать новую конструкцию хуже той, какая уже есть, как из груди вырвался глубокий вздох. «Тогда не работать мне на заводе. Трунин поднимется, займет мое место... А может, вопреки всему пойти своей творческой дорогой?—как-то вдруг блеснула мысль.— Не спеша, настойчиво пробиваться к «звуковому барьеру» и прео-

долететь... Это еще вопрос, правы ли теперешние ученые в ЦАГИ или неправы. В зоне скорости звука никто еще не был, теоремы могут оказаться несостоятельными. Испытанием машин не раз уже опрокидывались разные предположения и догадки. Моя гипотеза может скорей стать достоверностью, только бы проверить ее фактами испытания...»

Почувствовав, что его клонит ко сну, Власов лег на диван и вытянул ноги, одолеваемый сонливостью. В нем совершенно вдруг пропало желание думать. Даже исчезло ощущение душевной боли. Привалившись к спине, он закрыл глаза и скоро уснул. На его широком лбу выступили капельки пота.

Появившись в комнате мужа и увидев его спящим, Капитолина Егоровна вздохнула, покачала головой и тихонечко вышла из комнаты. Как раз в это время в передней задребезжал звонок.

Минуту спустя Наташа спрашивала ее ровным, как будто немного рассерженным голосом:

— Это квартира конструктора Власова? Я врач. Василий Васильевич просил зайти.

— Проходите, пожалуйста! — пригласила хозяйка.— Он уже дома, но после работы прилег отдохнуть.

— И не будите, побеседуем одни, — посоветовала Наташа.— Нину вашу я знаю.

— Прошу, раздевайтесь. Значит, вы по поводу Нины?.. Будем очень благодарны...

— Где же дочь?

— Она у себя. Хозяйка кивком головы указала на дверь в смежную комнату.— Мы не волнуем нашу девочку. Запретса, сидит вечерами. Очень способная. Но этот ее недуг... Единственная у нас, и такое несчастье!

— Что же она делает в своей комнате? — нахмурилась Наташа.

— Читает.

— Как у нее успеваемость в школе?

Такой вопрос не доставил удовольствия Капитолине Егоровне, но поскольку об этом спрашивал доктор, она вынуждена была признаться, что отметки у Нины бывают разные, попадаютса и двойки.

— А вообще-то у девочки несомненный талант, — загорячилась мать. — Мы намереваемса определить ее в театральный институт.

— Талант талантом, учеба учебой, а здоровье здоровьем.

Хозяйка промолчала, толкуя про себя значение сказанных врачом слов.

Проснувшись, Власов не мог сообразить, где он. Поднялся, подался грудью вперед, вслушиваясь в доносившиеся из соседней комнаты голоса. Когда он вышел в прихожую, Наташа уже одевалась. Здесь же была пятнадцатилетняя Нина.

Переступив с ноги на ногу, Власов спросил:

— Какое ваше мнение, Наталья Васильевна? Что с девочкой?

— Знаете что, Василий Васильевич, я буду говорить в присутствии Нины,— застегивая пуговицы, сказала Наташа и улыбнулась девочке.— Мне кажется, что пора прекратить ограждать ее от труда и считать гениальной. Пусть делает все, что делает мать, она совсем ведь взрослая. Артисткой она сможет стать потом. Между прочим, лекарств никаких не надо.

Власов глядел на Наташу широко раскрытыми глазами. Ему было не только неловко и стыдно, но как-то не по себе. Взглянул из-под нахмуренных бровей на жену. Потом, виновато улыбнувшись Наташе, объяснил:

— Я давно это говорил. Но, видите ли, маме очень хочется видеть свою дочь гениальной артисткой. Вырастет же бездельница!

— Вася!..— взмолилась Капитолина Егоровна.

— Довольно! — оборвал ее Власов.

Чтобы разрядить обстановку, Наташа обняла девочку за худенькие плечи.

— И очень советую тебе, Нина, летом поехать в пионерский лагерь. Хочешь?

Проводив врача, Власов медленно поднял глаза на жену.

— Что теперь скажешь? — спросил бесстрастно, не интересуясь ответом.— Эх!..—махнул рукой и отвернулся.

— Я мать, я лучше знаю, как нужно воспитывать собственное дитя! — сердито ответила Капитолина Егоровна.

Глава десятая

Очутившись на улице, Наташа зашагала по асфальту узенького тротуара, опять думая о той безликой женщине, чей голос услышала по телефону.

Потом ее вдруг осенила мысль: «Федора нет дома, Анастасия Семеновна ко мне всегда относилась хорошо. Почему бы мне не зайти сейчас к ней?»

На пути к цели неожиданно встало небольшое препятствие. Это случилось почти около самого дома, где жил Макаров. Наташа увидела в садике парочку молодых людей, сидевших рядом на скамейке. Это были Петр Бобров и Люда Давыдович. Узнав их, Наташа смутилась, быстро прошла в парадное и почти бегом поднялась наверх.

У дверей квартиры Макаровых, переводя дыхание и сдерживая биение сердца, остановилась, не решаясь постучать. Мучительное предчувствие отсылало ее обратно. Но Наташа была не из тех, кто отступает от принятого решения. Чтобы лишить себя возможности убежать отсюда, постучала. «А что если он дома? Что же мне сказать, когда он сам откроет дверь?..»

В коридоре стояла такая тишина, что Наташа слышала, как колотилось сердце. Второй раз она уже не могла постучать и почти радовалась тому, что ей не открывают. Но дверь неожиданно распахнулась.

Наташа инстинктивно отшатнулась от незнакомой женщины, открывшей дверь.

— Простите, мне Анастасию Семеновну нужно видеть...

Женщина вежливо ответила:

— Она здесь, на кухне...

— А Федор Иванович дома? — почти беззвучно спросила Наташа, тотчас узнав голос женщины. — «Это она звонила Макарову по телефону...»

— Нет. Но он скоро будет. Я жду его.

Наташа, стремясь не обнаружить волнения, искренне раскисалась, что пришла сюда. «Я жду его»...

— Заходите, будем вместе ждать, — сказала женщина, как говорят, когда вопреки своему желанию оказывают любезность.

— Нет, мне только к Анастасии Семеновне на минутку...

Наташа почти вбежала в кухню. Анастасия Семеновна готовила что-то у плиты. Когда подошла Наташа, она вздрогнула.

— Ой, это вы, Наташенька?..

— У вас гостя... Родственница, должно быть...

Анастасия Семеновна оглянулась и тихо объяснила:

— К Феде пришла по какому-то делу. Ждет... Он уже скоро будет. Садитесь...

— Нет, нет! Зачем?.. — тщето стараясь казаться безразличной, торопливо ответила Наташа.— Я думала, он дома...

«Боже, до чего я глупая! — упрекала себя Наташа на улице.— До чего неразумная!..»

Дома встретила обеспокоенная мать.

— Что так поздно сегодня, дочка?

— Ходила по вызову — у Власовых была,— вяло ответила Наташа.

— Ты чем-то расстроена? — допытывалась Мария Ивановна, присматриваясь к бледному лицу дочери.— Может быть; с Федором поссорилась?

— Ну что ты, мама! — стараясь улыбнуться, ответила Наташа.— Я его теперь редко вижу. Он все на работе, даже ночует в конструкторской. Когда же нам ссориться?

— Вот уж какие вы занятые люди! — вздохнула мать.— И поссориться вам некогда. А мы с твоим отцом, бывало, для такого дела всегда находили время.

Наташа понимала, что мать ждала объяснений. Но что она могла сказать? Сама ничего не знала... Подошла к вешалке, сняла шубу.

— Надо пуговицу пришить. В трамвайной давке утром оторвали.

...После этого много дней подряд Мария Ивановна внимательно присматривалась к дочери, но не находила на ее лице признаков успокоения.

Однажды, когда Наташа вернулась с работы раньше обычного, Мария Ивановна подошла к ней, заглянула в глаза и спросила участливо:

— Объясни мне, доченька, что у вас произошло с Федором. Я ведь все вижу...

— Право, ничего, мама. Я же говорила тебе — он все работает... и мы не видимся.

Мать только вздохнула. На этом и закончился разговор.

«Нет, я должна повидаться с Федором,— решила Наташа.— Должна поговорить с ним откровенно. Он обязан честно рассказать мне все... Мне бы давно следовало так поступить, пренебречь самолюбием, потребовать у него ясного ответа...»

Обычно Наташа ложилась спать рано и тотчас засыпала. Но сегодня сон улетел далеко. В комнате было душно. Она сбросила с себя одеяло, подошла к окну и тихонько раскрыла. В комнату пахнула ночная свежесть. Спокойно стояли деревья в саду, с двух сторон обступали ту дорожку, по которой бежал ей навстречу Федя в день возвращения из института. Наташа живо вспомнила эту встречу до мельчайших подробностей, будто сейчас видела, как блестели тогда его карие глаза под темными бровями... И вдруг рядом с воображаемым Федором Наташа на мгновение увидела изящную фигурку той красивой женщины, которая звонила Федору по телефону, которая встретила ее в его доме...

В душе похолодело от страшной мысли, что она и Федор стали чужими друг другу.

Поспешно прикрыв створки окна, Наташа бросилась в постель, закрыла руками лицо: «Нет, он не может меня разлюбить. Ведь совсем недавно я прочла в его глазах, что он любит меня...»

Но ни завтра, ни послезавтра ей не удалось встретиться с Федором.

Наташа сидела в своем кабинете, откинув голову на спинку кресла, глядя точно сквозь слезы на игру солнечных лучей в густой листве, и все думала об одном и том же. Услыхав стук, она вдруг вскочила, открыла дверь.

— Здравствуй, Наташа! — воскликнул Бобров, тряся ее руку.

— Ты не заболел, Петя?

— Грешно болеть в такую чудесную погоду! Спешу в город. Зашел проведать, не зачахла ли наша Наташа в своей каморке? Я завтра твоего милого к богу в гости повезу.

— С утра полетите?

— Ну, а как же! Иначе на блины опоздаем... Но если бы ты знала, как он скучает по тебе — ужас!

Короткий искренний разговор с Бобровым немного развеял грустные мысли Наташи. В груди затеплился огонек надежды.

...Мария Ивановна обрадовалась, заметив перемену в дочери.

А Наташа в тот вечер не знала, как скоротать время. Взялась за вышивание, но тотчас отложила, села к роялю и тихо-тихо заиграла, думая о завтрашней встрече. Хотя бы скорее наступал рассвет...

Утром в поликлинике ее встретила Федосеевна.

— Наталья Васильевна, — настороженно заговорила она, — что с вами, голубчик?..

— Вы о чем? — коротко спросила Наташа.

— Лицо будто изменилось... Будто не спали ночь...

— Это вам показалось.

Надев халат, Наташа вызвала санитарную машину и уехала на заводской аэродром. Вскоре увидела идущих сюда Федора и Боброва. Они спорили о чем-то на ходу. Наташа уже различала легкую смуглость усталого лица Федора. Вот он поднял голову, устремил взгляд на дальние, редкие облака. Солнце нагрело бетон взлетных дорожек, ярко поблескивало в лужицах. Вдали за аэродромом зеленели всходы яровых хлебов, синели вершины елей. Но вдруг тучка заслонила солнце и все кругом потускнело. Подул сильный ветер.

— Да не гляди ты на небо, — вдруг рассмеялся Бобров. — Уверяю тебя, там совершенно спокойно. Ты лучше вон куда посмотри!..

Федор посмотрел в ту сторону, куда указывал летчик, и увидел возле санитарной машины Наташу. Ветер чуть не срывал с ее головы косынку.

— Здравствуй, Наташенька! — побежал к ней Федор с протянутыми руками. — Здравствуй!..

«Нет, я сейчас ни о чем не спрошу его, ничего не скажу, — мелькнула у нее мысль. — Не надо волновать перед полетом...»

— Здравствуй, Федя!

— Друзья, создаю обстановку, — лукаво подмигнул им летчик и широкими шагами пошел к самолету.

— Как ты себя чувствуешь, Федя? — тихо спросила Наташа, присматриваясь к его похудевшему лицу.

— Превосходно! — с искусственной бодростью ответил Макаров и шутливо козырнул: — Жалоб никаких не имею, товарищ врач! Наташенька, пожелай нам счастливого полета.

— Буду волноваться, Федя... — тихо ответила Наташа, с любовью глядя в его лицо.

Когда он побежал к самолету, Наташа села в машину и приказала шоферу ехать к зданию командного пункта.

Легко взбежала на третий этаж. Там ее встретил дежурный по пункту Бунчиков.

— О, Наталья Васильевна, из вас мог бы выйти отличный спортсмен! Бег с препятствиями...

— Спасибо! Но я пока стремлюсь быть отличным врачом, товарищ майор.

Бунчиков взглянул в широкое окно и покачал головой.

— Эх, черт Петька!.. Взлетел как! Артист...

Наташа подошла к окну. Ее оглушил пронзительный визг реактивного мотора.

Серебристый самолет оторвался от земли и свечой унесся в нахмурившееся небо.

— Это не опасно, товарищ майор?.. — повернувшись к дежурному летчику, с тревогой спросила Наташа.

— Как сказать... Вообще-то на земле, конечно, безопасней.

— Я серьезно спрашиваю! — вспыхнула Наташа.

— Понимаю, понимаю... Но вы не волнуйтесь, Наталья Васильевна. Макаров не только конструктор, но и пилот превосходный.

— Кто же машину повел — он или Бобров?

— Бобров.

Наташа вздохнула облегченно и, резко повернувшись, побежала вниз.

Глава одиннадцатая

Экспериментальный полет конструктора с летчиком длился недолго, не больше получаса. Но Наташе это время показалось вечностью.

Как только самолет приземлился и, пробежав по аэродрому, подрулил к ангару, она быстро направилась к нему.

Макаров и Бобров вышли из машины усталые и чем-то недовольные. Однако, только увидев Наташу, заулыбались, как по команде.

— Все в порядке, товарищ доктор! — смеясь отпортовал летчик.

И Наташа невольно улыбнулась. Почти бегом возвратилась к машине, села в кабину и уехала.

Макаров и Бобров обошли вокруг самолета, остановились друг перед другом.

— Да — «звуковой барьер»... — задумчиво сказал Макаров. — А ведь стоит задача не только догнать звук, но и опередить, развив скорость тысячи в полторы километров в час!

Бобров хлопнул рукавицей по рукавице.

— Давай-ка, Федя, закурим, чтобы дома не журились!

Макаров раскрыл коробку папирос.

— Ты что косо посматриваешь на пилотский фонарь? — спросил через минуту Бобров.

Макаров затаился, выпустил изо рта струю дыма.

— Поглядываю... Вот думаю я, Петя, давно ли это было, когда внебо поднялись первые наши самолеты без поршневого двигателя? В сорок шестом. Прошло совсем немного времени... и они уже не годятся... Мы уже ищем возможность летать быстрее звука. И я верю — найдем, полетим!..

— О чем речь!

— А там новый «барьер»...

— Тепловой?

— В ЦАГИ возрастание температуры при полете со сверхзвуковой скоростью называют по-разному: одни «тепловым возвышением», другие — «тепловой чашей».

— Хрен редьки не слаще! А дальше, Федя? Что за ним?

— Ученые толкуют, что этот самый тепловой барьер мы никогда не прорвем. Чем дальше, тем хуже...

Бобров подумал и опять спросил:

— А почему ты так зло посмотрел на пилотский фонарь?

— Мысль одна появилась... Но надо подумать. Хорошо бы пилоту в случае необходимости отделяться от самолета вместе с кабиной и спускаться на парашюте... Загляни-ка, Петя, ко мне вечером, посоветуемся.

Макаров пожал руку летчику и пошел в сторону за- вода.

Несколько минут спустя он был в кабинете главного инженера. Грищук встал из-за стола, ступил навстречу. Когда они здоровались, невозможно было определить сразу, что чувствовали эти два разных по характеру человека, пытливо глядевшие друг другу в глаза. Грищук последнее время заметно охладел к Макарову, но все еще не высказывал своего окончательного мнения по вопросу изменения конструкции. А это как раз и смущало конструктора, нуждавшегося порой не столько в помощи главного инженера, сколько в его участии, в добром отношении.

— Павел Иванович,— начал Федор,— без вас, без вашего сочувствия дело у нас...

— Не двигается? — перебил Грищук, с усмешкой глядя в осунувшееся лицо Макарова.— Дело в том, Федор Иванович, что я, признаться откровенно, не совсем понимаю, что вы предлагаете, в чем существо вашей новой идеи. Садитесь, давайте потолкуем.

Грищук вернулся за свой стол и грузно опустился в кресло. Усаживаясь напротив, Макаров с досадой подумал: «Не ахти как любезно встретил...»

По осунувшемуся лицу конструктора главному инженеру нетрудно было догадаться, что дела у него подвигаются не очень успешно. Но это не огорчало. Наоборот, он даже был доволен, надеясь, что чем скорее молодой конструктор поймет свою ошибку, тем скорее образумится и вернется к схеме уже созданной конструкции. «Конечно,— как бы оправдывая самого себя, думал он,— я был бы рад творческой удаче Макарова. Но, видать, этого не случится».

— Слушаю вас, Федор Иванович,— после короткой паузы сказал Грищук таким тоном, точно искренне хотел приободрить своего собеседника.

Макаров испытывал смутное чувство обиды, но старался этого не обнаруживать. На короткий миг щеки его немного вздулись, будто он задерживал во рту воздух, чтобы высказать сразу все, в слегка прижмуренных глазах вспыхнули искры. Прежде чем заговорить, он невольно вздохнул, как ребенок, которому крайне чего-то хотелось, но нехватало смелости попросить.

— Я вот о чем, Павел Иванович... режут меня сплавы металла.

— Но я думаю, это не главное в ваших трудностях?

— Нет, я говорю о самом главном,— продолжал Макаров, делая вид, что не уловил иронии в голосе главного инженера.— С увеличением скоростей резко будут нарастать температурные трудности.

— Да, разумеется. Но металлурги не прекращают поисков. Когда найдут новые сплавы — вы сможете воспользоваться. А пока...

— А пока я проектирую довольно сложную систему охлаждения самолета,— быстро взглянул на Грищука Макаров, стремясь угадать по выражению лица, что он на это скажет.

— Сколько же она будет весить — ваша сложная система? — спокойно спросил главный инженер.

— Побольше тонны.

— О-о!.. И это несмотря на то, что все конструкторы мира борются за уменьшение веса машины? Оригинально!

Равнодушие Грищука раздражало Федора. Он уже искренне жалел, что пришел сюда. Опасаясь, как бы не наговорить глупостей, Макаров встал и, в упор глядя на Грищука, сказал:

— Хотелось мне, Павел Иванович, поговорить с вами откровенно, хотелось попросить подключиться к нашему делу, как всегда прежде было... Ведь речь идет не о Макарове, а о хорошей машине! Но я, должно быть, ошибся. Извините, скажу откровенно: удивляет меня ваше безразличие. Лучше зайду как-нибудь в другой раз. До свидания!

Когда Грищук с деланным недоумением пожимал плечами, на губах у него промелькнула одна из тех грустных улыбок, которыми люди стремятся подчеркнуть свое разочарование.

Проводив Макарова, он задумался, удивляясь тому, что все еще никак не может определить своего отношения к новой работе конструкторского бюро.

Ему уже не нравилась роль «незаинтересованного» в решении вопроса. Он за или против Макарова? Во всем, что только что сказал молодой конструктор, чувствовалась угроза и ему лично. В то же время ему очень не хотелось быть пристегнутым к этому делу в качестве опре-

деленной стороны. Гораздо лучше оставаться чем-то вроде арбитра, а в конце примкнуть к победителю.

«Быть может, наш ретивый конструктор уже раскаивается, что взялся за маловероятное, и теперь ищет выхода из тупика? — подумал Гришук, ударив себя пальцами по лбу. — Ах ты черт!.. Нужно бы поласковой с ним. Нелишне сейчас позвонить, пожалуй...»

Он придумал несколько мягких слов, какими полагал начать разговор, но только услышал в телефонной трубке голос Макарова, тотчас позабыл их и начал с признания своей вины:

— Федор Иванович, мне не хочется, чтобы вы превратно поняли мое отношение к вам... Ну, разумеется, не только к вам — к делу, конечно... Я как раз и хочу сказать об этом. Ошибаться каждый может... Да, само собой. Но мне показалось, что вы уже ищете разумный выход из тупика... Из какого? Из того, в который ведут нас «дерзания» со стреловидной машиной...

Услышав ответ, что конструкторское бюро придерживается совсем иного мнения, Гришук открыл было рот, чтобы задать еще вопрос, но удержался, пожелал Макарову успехов и повесил трубку. После этого наклонил голову к букету цветов, стоявшему у него на столике в красивой фарфоровой вазе, вдохнул аромат весны.

Походив минут пять по кабинету, Гришук решил заглянуть к директору и поговорить с ним. «В самом деле, Макаров будет копать в своих фантазиях год, два... а что скажут сверху? Нельзя же ставить завод в зависимость от сумасбродства этого мальчика!..»

Когда он вошел в кабинет директора, Соколов как раз беседовал о работе конструкторов с парторгом Григорием Лукичем Веселовым.

У Гришука облегчалось положение. Он решил прислушаться и оценить суть разговора, который принимал форму крупного спора.

— Вы думаете, озадачили меня внезапным вопросом о Власове,— заговорил директор, глядя на сухопарого Веселова, оттачивавшего карандаш перочинным ножиком.

— При деловых, хороших взаимоотношениях, то есть при таких взаимоотношениях, какие у нас были прежде, я убежден, что оба конструктора могли бы дополнять и взаимно обогащать друг друга,— ответил Веселов и, по-

вернувшись к Грищуку, спросил: — Правильно я говорю, Павел Иванович?

— Что правильно, то правильно,—ответил Грищук.— Но, по правде сказать, Власов сам не отозвался на призыв Макарова. Федор Иванович не раз призывал его к совместной работе.

— Ну, а я вам, Григорий Лукич, что говорил? — воскликнул Соколов, точно обрадованный поддержкой Грищука.

— Но, Семен Петрович,— тихим голосом продолжал Грищук,— не следует окружать вниманием только одного человека.

— А я что, других притесняю? — удивился Соколов.— Когда вы это заметили?.. В своем отношении к людям я руководствуюсь служебными обязанностями.

— Семен Петрович...

— Нет уж, извольте выслушать! — энергично перебил Соколов.— В том, что на заводе работники для меня не символы, а живые люди, в этом нет надобности убеждать вас. Но в практике мое внимание не может быть одинаковым к каждому. Одни более весомы в деловой жизни завода, другие же...

— И все-таки, Семен Петрович,— возразил Веселов,— даже лучшие, постоянно растущие люди не могут походить друг на друга.

— Совершенно согласен с вами,— подтвердил Соколов и снова заходил по кабинету; вот он остановился у фикуса, достал из кармана перочинный нож, срезал засохший стебель и поднял его на уровень лица.

— Сохнет фикус... не весь, но сохнет. А другие стебли здоровые, хотя произрастают в одной и той же почве...

— Влаги недостаточно,— заключил Веселов.— Поливать надо почаще, не засохнет.

— Нет,— быстро возразил директор,— тут что-то совершенно другое. Видать, от рождения слабее других. Вот в чем суть дела, Григорий Лукич.

Грищук невесело усмехнулся, поняв ход мыслей Соколова, но даже не шевельнулся, стремясь казаться безучастным, продолжая глядеть на подвижную фигуру директора.

Соколов еще несколько раз прошелся взад-вперед, затем остановился, окинул беглым взглядом главного инженера, задержав взгляд на его выбритой голове. Подойдя

к столу, опустился в кресло. Он хотел что-то сказать, но Веселов, не следивший за ним, сообщил, достав лист бумаги из нагрудного кармана:

— В партийный комитет поступило заявление от Власова. Жалуется на плохое к нему отношение. Спрашивает, как поступить. Намекает на уход с завода.

— Что же вы ответили ему?

— Прежде следует самим себе ответить. Ведь все наши трудности в разное время и в разных ситуациях без его участия никогда не преодолевались. Нельзя забывать, что у Власова имя конструктора не вымышленное, Семен Петрович.

— Хватит нам, однако, с этими вечными «ситуациями»,— резко произнес директор.— Дело вовсе не в том, что Власов увидел, будто я хвалю и поддерживаю только молодого конструктора.

Гришук тяжело поднялся с дивана и тихо проговорил:

— Я зайду немного позже, Семен Петрович.

Он уже пошел к двери, но Соколов окликнул его:

— Подождите, Павел Иванович! Что вы бежите? Надо решать вопрос.

Глава двенадцатая

Макаров не ночевал больше в своем кабинете, но домой, как правило, из конструкторского бюро уходил поздно. Он любил, заложив руки за спину, пройтись неторопливо пешком, подумать по дороге. Так и сегодня сделал.

Солнце скрылось за лесом, давно надвинулись мягкие сумерки. Чудесный, сильный аромат цветения разливался над полями.

«Куда же мне в такую пору? — оглянувшись вокруг, подумал Макаров.— Неужели сразу домой? А если к Наташе?..»

Было уже одиннадцать часов. Наташа, наверное, спит. Нет, сейчас никак не годится к ней, решил он и тотчас поймал себя на мысли: «Неужели я намеренно думаю о том, что она спит, чтобы оправдать самого себя?»

Подойдя к своему дому, он не вошел в парадное, а обогнул угол и очутился на зеленой площадке, отделяв-

шей здание от обрыва. Опустился на скамейку и стал глядеть на звездное небо. Дул мягкий, теплый ветерок, трепля по щеке, заползая за расстегнутый воротник рубахи. В лицо билась мелкая мошка. Соловей в зарослях то выводил замысловатые коленца, то вдруг умолкал, точно прислушиваясь к чему-то.

Во всем теле Федор испытывал приятную легкость. Но чувство неловкости перед Наташей не проходило. Хотелось, чтобы сейчас она была рядом, чтобы они сидели и молча угадывали мысли друг друга.

Затем Федор прошелся к обрыву, постоял у самого края, где росла ветвистая акация. Невдалеке была скамейка. Оттуда слышались голоса. Макаров прислушался и узнал Боброва и Люду. «Спорят...» Он улыбнулся. Спорили они по любому поводу. Казалось, они скучали, когда не было причины для спора.

— Смотри! — слышался голос Люды.

По небу сверкнула длинная огненная черта.

— Звезда покатила! — проговорил Бобров.

«Такую бы скорость машине», — подумал Федор. Неожиданно у него под ногами хрустнула сухая ветка. Бобров оглянулся, потом быстро подошел.

— О, Федя!.. Тебе письмо! — сказал он, подавая сложенный треугольником лист бумаги...

Федор взял записку, помолчал, потоптался неловко на месте и, не простившись, зашагал к дому.

Первый раз в жизни Анастасия Семеновна не встретила сына. Она лежала на тахте и не встала, не пошла навстречу, как это бывало обычно. Должно быть, крепко спала. Не желая беспокоить мать, Федор бесшумно прошел в свою комнату, включил свет и сел к письменному столу. Положив перед собой листик бумаги, начал читать:

«Некоторые товарищи, — загадочно начиналось письмо, — готовы порой считать любовью чувство, возникшее в результате коротких и случайных связей. Но мне кажется, такое чувство имеет мало общего с серьезной любовью. Крайне нуждаюсь в твоём мнении по этому поводу, Федя. Завтра в семь утра жду тебя в парке возле голубого фонтана». И внизу коротенькое слово: «Наташа».

Долго он не мог уснуть в эту ночь, теряясь в догадках. «Неужели она намекает на мое знакомство с Нескучае-

вой?» Он чувствовал, что завтра ему будет стыдно глядеть Наташе в глаза.

На рассвете, когда солнце только начало всходить, Федор вскочил с постели, открыл окна и побежал в ванную. Мускулистое смугловатое тело содрогнулось под холодным душем. Но он сразу почувствовал себя удивительно бодро. Однако стоило ему выйти из дома и окинуть взглядом пустынную улицу, как им вдруг стало овладевать тревожное предчувствие.

Очутившись в городском парке, он несколько раз прошелся вокруг голубого фонтана, бросая косые взгляды на смежные аллеи. Наташи нигде не было. Посмотрел на часы — было ровно семь. «Сейчас придет». Достал портсигар, закурил. Вдруг... он чуть не обронил портсигар, увидев Наташу.

Растерянность Федора рассмешила девушку. На короткий миг ее лицо озарилось нежной улыбкой.

— Наташа, здравствуй! — протянул руки Федор.

Через минуту они очутились в узкой аллее. В этот ранний час здесь никто не мог ни увидеть их, ни услышать. Сели на скамье. Федор прислушивался к дыханию Наташи, ждал, что она скажет. Сам он не знал, с чего начать разговор.

— Наташка! — не выдержал, наконец. — Ты мне писала, я получил...

Федор полез было в карман за запиской, но Наташа остановила его.

— Писала... — ответила тихо, повернувшись к нему лицом. — Не доставай, я знаю, что ты получил.

— Но тут какие-то странные слова...

— Они тебе не понравились? — удивилась Наташа; потом грустно вздохнула: — Федя, я потеряла тебя из виду... вот и решила написать, верила, откликнешься... Эх, Федя, Федя! Ты забываешь свои слова. Помнишь, как-то говорил мне: «Дружба и любовь окрыляют, удесятерят силу»... Я тогда была согласна с тобой.

— Об этом говорить как-то неудобно, — молвил он тихо, потупясь. — Честное слово, Наташа, неужели ты могла подумать, что я забыл о тебе? О твоём существовании?

— Нет, зачем, я верю, что ты не забыл. Но подожди... — в глазах Наташи блеснули слезы. Я «существую», а мне хочется жить. Надеюсь, ты понимаешь

меня? Иногда мне кажется, что я начинаю стареть. Ты во мне не замечаешь этого? А вот мама твоя заметила... Дома считают меня девочкой, а мне скоро двадцать шесть лет...

— Наташенька, одно прошу — не обвиняй меня ни в чем,— горячо ответил ей Федор.— Мне так трудно сейчас на работе!.. Но я, кажется, буду самым счастливым человеком на свете. Прости меня, Наташа!..

Она не могла не верить ему. Она готова была все простить. Вот если бы только он развеял сомнения... Кто та женщина? Что ей надо от него? Как он относится к ней?

Но Макарову в эти минуты и в голову не приходило, что Наташу мучит тупая ревность. Он чистосердечно признался, что скучает по ней, видит во сне. Наташа жадно ловила каждое его слово, но боль в сердце не утихала. Ей казалось, что он нарочито отвлекает ее внимание, чтобы ничего не сказать о той, о его знакомстве с другой девушкой.

— Тебе к которому часу на завод? — вздохнув, спросила Наташа.

По тону голоса Федор инстинктивно угадал внезапную перемену в ее настроении. Он наклонился немного, заглянул в глаза, объяснил:

— Мне еще нужно домой забежать.

— И мне тоже,— сказала чуть слышно Наташа и тотчас поднялась.

— Идем, Федор Иванович,— предложила она и первая сделала несколько шагов по направлению к выходу.

Федора ошеломил холодный тон ее голоса. Он не двигался с места.

— Наташа, неужели между нами уже нет ничего общего?

— А разве есть?..— спросила она.— Не моя вина, что между нами так, а не иначе...

— Значит, не веришь мне? — упавшим голосом спросил Федор.

— Верю тому, что ты очень занят работой. Но не верю, что настолько, чтобы не было минуты для меня. Очень странно, Федя, что у тебя не хватает мужества сказать мне всю правду в глаза. Я же учинять допрос не стану.

— Мне учинять допрос? — вскочил Макаров.

— Не делай, пожалуйста, трагической позы,— На-

таша машинально поправила на руке ремешок сумочки. — Скажи лучше, что та... другая — интереснее меня, и я пойму.

— О чем ты?.. — Федор подбежал, схватил обе руки.

— Пусти, мне больно! — укоризненно посмотрела она ему в глаза.

— Наташа, что за глупость! Ты в чем-то подозреваешь меня?

— Ты еще спрашиваешь!.. Не иди со мной, не могу!.. — и побежала прочь.

С тоскливым чувством провожал он ее широко раскрытыми глазами, пока она не скрылась за углом сада. Но даже тогда, когда он потерял ее из виду, ему казалось, что он видит ее опущенные плечи, торопливые шаги и лицо, бледное, но бесконечно милое. В ее высокой фигуре в последнюю секунду он увидел и почувствовал что-то скорбное.

Во время беседы Макарова с Наташей возле голубого фонтана появилась Катя Нескучаева. Время от времени она кидала короткие, но пронизательные взгляды в тенистую чащу парка, прислушивалась.

«В жизни не все легко дается — вспомнились ей сказанные час тому назад слова Марфы Филипповны. — Но ты не смущайся, что между вами такое большое расстояние.. Обстоятельства могут измениться очень быстро в твою пользу. Только не забывай — нужно постоянно тянуться к нему, как тянется зеленый лепесток к солнечным лучам. При каждой встрече ты должна поражать его воображение. Он должен видеть, как горячо ты им увлечена. Покажи непреодолимую силу желаний красивой и страстной женщины. Разумеется, тебе придется проделать долгий обходной путь, пока не приблизишься к нему настолько, чтобы достаточно было протянуть руку, и он твой...»

Нескучаева не очень уверенно ступила из-за поворота на ту аллею, где одиноко сидел погруженный в думы Макаров.

Золотистые, красиво изогнутые брови ее стали постепенно приподниматься все выше. Она хотела сразу выразить и удивление, и радость от встречи с Макаровым в это чудесное майское утро. Но вдруг почувствовала себя слабо вооруженным солдатом перед лицом сильного противника, которого необходимо победить.

Когда она подошла к Макарову и ласково поздоровалась: «Доброе утро, Федор Иванович!» — на лице у него появилось почти мучительное удивление. Кате показалось, что он готов был промолчать и не пожать протянутую руку.

— Что с вами? У вас какая-нибудь неприятность... — после короткой паузы озабоченно спросила Нескучаева.

Макаров встал как бы для того, чтобы достаточно овладеть собой.

— Бывает... Впрочем, с чего вы взяли? Дышу воздухом и только.

— У меня тоже такое бывает... — слегка улыбнулась Катя. — Но как только поразмыслишь об этих житейских мелочах... право, они не стоят того, чтобы отравлять себе жизнь.

Она испытующе взглянула ему в глаза и подумала, что он смеется над ней, догадавшись о ее намерении. Улыбнулась нежно:

— Не надо в такое чудное утро предаваться грусти, Федор Иванович. Какая славная погода!

— Да с чего вы взяли, что я грущу?

— Мне показалось. Но, может быть, я ошиблась.

Федор взглянул на часы и сказал, будто извиняясь.

— Пожелаю вам, Катенька, приятно гулять... а мне пора на работу. Прощайте!

И он стал раскланиваться.

— Почему же прощайте? До скорой встречи, Федор Иванович?

— Возможно... — улыбнулся Макаров.

Глава тринадцатая

Выйдя за город, Макаров обратил внимание, что ночью тут прошел небольшой дождик. Над влажной подсыхающей землей колыхалась едва заметная сизоватая дымка, медленно расстилалась по полю свежим теплым дыханием. Из молодого стройного березняка доносилось протяжно-глуховатое кукование кукушки. Высоко в чистом небе трепыхались неугомонные жаворонки.

Макаров шел не спеша, думая о нелепой размолвке с Наташей. И вдруг ему пришла в голову мысль, что она

намекала на Катю... Да, да, ведь она однажды застала ее в его доме. Фу ты, как глупо!..

На заводском дворе Макаров увидел Грищука и Веселова. Они стояли к нему спиной возле машины и разговаривали. Он решил пройти стороной, но только стал подходить к парадному конструкторского бюро, как его окликнул парторг.

— Здравствуй, Федор Иванович! Почему ты пешком?

Макаров хотел что-то ответить, но только пожал плечами и промолчал. Потом они обменялись несколькими незначительными фразами и вместе вошли в конструкторскую.

— Ну, как дела, ведущий? — сдержанно спросил Веселов, как только они очутились в кабинете у Макарова. — Директор завода надеется на твой успех.

— Да? — только и сказал Макаров, рассеянно глянув в продолговатое с коротенькими усиками лицо Веселова. — Значит, надеется?

— Основательно! В этом я убедился, Федор Иванович. Он верит в тебя, — добавил Веселов, явно стремясь ободрить конструктора.

— Я догадывался об этом, Григорий Лукич. Предполагал, что он верит мне...

Веселову не понравился бесстрастный ответ конструктора, но он пропустил его слова мимо ушей и заговорил о Власове.

«К чему он клонит?» — подумал Макаров, чувствуя, как трудно ему в эту минуту говорить с парторгом. Особенно не хотелось говорить о Власове, и он всякий раз пытался брать за работу, как только Веселов умолкал.

Но парторг тихо делал несколько шагов по кабинету и опять останавливался против него.

— Да-а... Федор Иванович, а все же Василий Васильевич не чужой нам человек.

— Я никогда не говорил этого, — возразил Макаров. — Я всегда, как и вы, Григорий Лукич, был убежден, что у нас нет нужды торопиться с выводами в отношении Власова. Время — лучший доктор. Фактами постепенно докажу, в чем он неправ, и, уверен, он признает свою ошибку.

— Совершенно правильно! А главное, чтобы понял, что к нему никто не питает недоверия. Обидчивый он. Обиженным считает себя. Но, хотя и не время сейчас рас-

сыпать церемонии, все же как-то помягче следует с ним...

В конструкторской стояла обычная рабочая тишина, и, занятые разговором, они не услышали, как в кабинет вошла тетя Поля с двумя стаканами чая на подносе.

Мельком глянув на уборщицу, Веселов улыбнулся в знак благодарности. Тетя Поля поставила на край стола поднос и так же неслышно вышла.

Через несколько минут парторг тоже собрался уходить.

— Ну, не буду мешать. Желаю тебе, Федор Иванович, успехов. От всего сердца желаю!

— Спасибо, Григорий Лукич! Хотя бы все мне так желали.

— А что, есть и недоброжелатели? — заинтересовался Веселов. — Кого имеешь в виду?

Макаров уже пожалел, что вырвалось это. Он имел в виду главного инженера Грищука. Но жаловаться не хотелось.

— Что же ты молчишь?

В его мыслях уже готовы были слова о том, что конструктор — создатель современного самолета — не только ищет сам, но и руководит поисками всего коллектива инженеров самых различных специальностей. Он обобщает труд исследователей. Конструктор должен уметь разобраться в ошибках своих отдаленных и близких предшественников, но в первую очередь в своих собственных. Однако все эти слова вдруг показались ему сейчас неуместными. Он начал с конца.

— Григорий Лукич, современному конструктору приходится ставить перед собой и перед коллективом одну задачу: создать машину лучше той, какая есть... Идя в этом направлении, я стал перед фактом, что новая машина потребует дополнительного оборудования. А значит, самолет будет утяжеляться. Но этого надо избежать во что бы то ни стало! Где же выход?

— В облегчении веса деталей при сохранении прочности.

— Именно с этим вопросом я и обратился к главному инженеру. Хотел поделиться с ним, как с опытным человеком. Разговор же получился грустный...

— Почему?

— Я про облегчение материалов, а он: «Что, в тупик зашли? Вас предупреждали...» Оказывается, главный

инженер совершенно не понимает основной идеи конструктора...

Веселов нахмурился. Он отлично понимал, что в душе Макарова гораздо больше обиды, чем он сейчас высказал. Вернулся к столу, посмотрел внимательно в глаза.

— Не тяни, Федор Иванович. Выкладывай все на чистоту.

...В это время Власов с тревогой подстерегал, когда парторг выйдет из кабинета ведущего конструктора. Хотелось узнать, решило ли что-нибудь партбюро по его заявлению.

Как только дверь распахнулась, он тотчас двинулся навстречу Веселову, поздоровался, пригласил к своему столу.

— У тебя, Василий Васильевич, нет закурить? — неожиданно спросил парторг.

Взяв папиросу, он на мгновение задержал внимательный взгляд на Власове. Конструктор сильно изменился за последнее время, лицо словно обтаяло, осунулось, постарело.

— Значит, сидим и созерцаем? — раскурив папиросу, спросил парторг.

Власов сделал вид, что не понял намека. Впрочем, его и не смутил этот прозрачный вопрос. Его больше интересовал результат разговора, только что состоявшегося в кабинете Макарова, и судьба заявления.

— Что же ты молчишь, Василий Васильевич?

— Я рассчитывал услышать ваш ответ, Григорий Лукич.

— На незаданный вопрос?

— На мое заявление.

— Вот о чем! Оказывается, ты еще не забыл о своей «грамоте», — усмехнулся Веселов и потянулся рукой к нагрудному карману. — На, возьми обратно и подальше спрячь! Василий Васильевич, вранье, что дранье: того и гляди — руки занозишь. Это, брат, русская пословица.

— Что вы этим хотите сказать, Григорий Лукич?

— Хочу попросить: никогда никому не говори, что такое заявление когда-то было тобой написано. Подружески советую. А то люди узнают, подумают, как мог такой почтенный, убежденный сединой человек заниматься, мягко говоря, сочинительством? Я довольно

внимательно и не один раз прочитал твою писульку. Она, брат, того — плохо написана, сказать по правде!

Власов словно онемел, как будто рот ему сковало холодом. Все мысли сразу выскочили из головы. Некоторое время он не знал, с чего возобновить разговор. Но и молчание становилось невыносимым. Наконец собрался с духом.

— Это ответ партбюро или ваш личный?

— Разве ты не согласен?

— Но чей это ответ? — настаивал Власов, обретая уже и дар речи, и нужные интонации, которыми хотел подчеркнуть свое возмущение.

Веселов размял окурки в пепельнице и медленно поднялся.

— Я дал тебе добрый совет, Василий Васильевич, — сказал он укоризненно. — Напрасно ты клеветешь на Макарова. Он делает большое государственное дело. Радуйся же, что он твой ученик, и прекрати становиться в «оппозицию». Знаешь, кое у кого создается мнение, что твоими поступками двигает этакое скверное самолюбие. Ей-богу, не вру, сам слышал.

— Благодарю за наставление, — потупившись обронил конструктор.

А когда приподнял голову, увидел Веселова уже около двери. Стиснул зубы, чтобы не заскрежетать от возмущения.

Перед концом рабочего дня в конструкторскую вошел Петр Бобров. Широко ставя ноги, словно под ним покачивался пол, направился в кабинет Макарова.

— Вот, может быть, окажусь полезным, — сказал он и положил на стол альбом. — Расчленение фигур высшего пилотажа. Уясни-ка свойства этих геометрических линий, Федя.

Макаров кивком головы предложил ему сесть и открыл первую страницу альбома. Увидев завитушки, кривые и прямые линии, аккуратно нарисованные простым карандашом на плотной бумаге, усмехнулся.

— Что это?

— Как что? — обиженно переспросил летчик. — Каждая фигура — маневр в воздушном бою. Учет летнего качества истребителя. Ты что, не понимаешь разве? — Он ткнул пальцем в первую фигуру и добавил с гордостью: — Вот эта сделана после первого воздушного боя.

Тогда я удачно «пуганул» очередь «мессера». Классически получилось! Тот сразу перешел в штопор и врезался в землю.

Листая страницу за страницей, летчик объяснял каждую зарисованную фигуру. Слушая его со вниманием, Макаров кивал головой, а когда тот умолк, вопросительно посмотрел другу в лицо.

— Видишь ли, Петя, полет в звуковой зоне качественно отличается от зафиксированных тобою моментов поведения истребителя, рассчитанного еще по законам старой аэродинамики.

— Мы сегодня спорили с Бунчиковым, — сказал летчик. — Он верит Власову. Говорит, что эту чертову зону звуковой скорости попросту прорвет усовершенствованный, мощный реактивный двигатель.

— Что же ты ему ответил? — с любопытством спросил конструктор. — В словах Бунчикова есть доля правды.

— Да-а... — вздохнул летчик, — есть доля правды, но мне нужна вся правда! Я хочу знать, а как же за этим «звуковым барьером» — сохранится ли устойчивость машины?.. Может получится — перепрыгнешь «барьерчик» и плюхнешься на землю с высоты километров двенадцать... И черт бы с ней — я готов! Но останутся ли какие-нибудь следы, которые помогли бы конструкторам разгадать таинственный закон преграды?

Федор нахмурил брови и ничего не сказал в ответ. Поднялся, тихим шагом обошел вокруг стола, медленно повернулся к Боброву. В его лице было что-то по-детски милостливое, хотя оно и оставалось сердитым.

— Петя, в крайнем случае мы укрепим специальный прибор на пилотской ручке, чтобы он фиксировал твои действия при управлении машиной. Если ты «плюхнешься», я буду знать, что произошло в части вибрации и прочее. Но у меня нет самозаписывающего прибора, который бы мог объяснять глупость. Предупреждаю, если ты еще один раз скажешь: «я готов», то я просто не допущу тебя к машине!

— Да я лишь к слову, чего вдруг пузыришься... С закрытыми глазами не летаю. Шучу, а ты панихиду по мне!..

— Мне сейчас не до шуток, Петр! — серьезно сказал Макаров.

Глава четырнадцатая

По заводскому двору шли директор, главный инженер и парторг. Направляясь в сторону заводууправления, Соколов и Веселов негромко разговаривали между собой. А Грищук слушал, и усмешка кривила его губы. «Не в том ли состоит его вера в Макарова, что он менее устал, чем я», — думал он о директоре завода. Ему не хотелось обострять начавшийся еще с утра спор.

— Жалоба Власова — это попытка замутировать чистую воду, Павел Иванович, — повернув голову к Грищуку, сказал Соколов. — Твердя: «мой ученики», он стремится обеднить индивидуальность каждого из них. И вам давно бы следовало сказать ему: перестаньте пыжиться! И вообще, думается, хватит уже! Высказался он в своем заявлении совершенно исчерпывающим образом. А ваше мнение, Григорий Лукич?

— Мое мнение, Семен Петрович?.. — переспросил парторг. — На ваш вопрос хотелось бы ответить стихами. Можно?

— Любопытно? — усмехнулся Соколов. — Не вы ли их сочиняете?

— Нет. Но послушайте. Стихи очень хорошие!

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.
Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую, —
Каким идти?

— Вот как! — проговорил Соколов.

Одна просторная,
Дорога — торная.
Страстей раба...

— А другая? — усмехнулся Соколов и сам уже продолжил:

Другая — тесная
Дорога, честная,
По ней идут
Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд.

— Да, вспомнилось!.. — вздохнул директор. — «На бой, на труд!..» Это и нас касается. Слышите, Павел Иванович?

— Я все слышу, Семен Петрович, — невесело усмехнулся Гришук. — Но вот от Макарова не слышу, какие у него результаты с его новыми экспериментами. А время бы уже поделиться ими. Когда-то всем нам думалось, что мы на верном пути. Кто из нас не думал, что именно наш завод первым прорвется за «звуковой барьер». А тут вдруг — все не так, не тем, оказывается, путем мы шли!..

— Я лично никогда не думал, что стоит протянуть руку — и желаемое в нашем распоряжении, — возразил директор. — Славу добывают напряжением ума и нервов, как в битве!

— Зачем же тогда было выходить с поля боя?..

— А затем, чтобы собраться с силами и с другой стороны ринуться на противника. Вы говорите — прорвись мы к «звуковому барьеру» — и слава! Бунчиков однажды почти вплотную подошел к нему, но, перемахнув тысячу километров скорости, перестал чувствовать машину, лишился с ней взаимосвязи, потерял управление. Не обладал он хладнокровием, его не спас бы парашют.

— Но ведь обломки самолета, Семен Петрович, многое нам подсказали. Изучив их, мы скорректировали...

— Да, конечно, — перебивая Грищука, воскликнул Соколов, — изучив их, мы построили два новых пробных испытателя. Один из них выдержал разрушительные испытания в лаборатории прочности. Второй был поднят в воздух. Уже не Бунчиковым, а Бобровым. Этот испытатель менее хладнокровен, но более осторожен и расчетлив. Но и у него неудача!.. Произошло что-то совсем невероятное: машина стала ломаться на части. Макаров поэтому правильный сделал вывод — нам не следует торопиться поднимать в воздух третью машину, полагаясь только на одну силу тяги двигателя. Надо искать причины вибраций в самом теле фюзеляжа. Вот на какое «счастье» мы должны рассчитывать.

— А то «счастье», которое готово или почти готово, так и останется стоять в конструкторской? — подумав, спросил Гришук. — Я совершенно не могу подобрать оправдание тому, что мы не пробуем его в воздухе...

— Вы отлично знаете, почему мы не пробуем готовую или, как вы говорите, почти готовую конструкцию, — стро-

го сказал Соколов.— Я не хочу утверждать, что она хуже тех, которые мы имели в послевоенное время. В конструкции много оригинального. Но она не нова в принципе. Это вы, Павел Иванович, отлично знаете. Сколько же нам топтаться вокруг себя?

Директор поглядел на парторга.

— Ну, а вы, Григорий Лукич, разве не согласны со мной?

— Я хочу сказать насчет «топтаний», Семен Петрович,— почесал затылок Веселов.— Может, не такие уж они страшные, ей богу!.. Крупные открытия сами по себе никогда вдруг не валяются с потолка.

— В том-то и дело! — быстро подхватил Грищук.— Вы правы, Григорий Лукич. Именно, как вы говорите, успех подготавливается многими удачами и неудачами. На этой точке зрения стоит и Власов, я с ним вчера имел продолжительную беседу.

— Чепуха! — с сердцем возразил Соколов.— Вы имели продолжительную беседу с Власовым, а я вчера просидел в кабинете Макарова до пяти утра. Много интересного услышал там. Советую и вам, Павел Иванович, познакомиться с тем, что уже сделано Макаровым. Впрочем, зачем откладывать? Идемте в конструкторскую сию же минуту!

Грищук взглянул на часы.

— Извините, Семен Петрович, у меня люди вызваны из цехов. Освобожусь через пятнадцать минут.

— Превосходно! — согласился Соколов.— Мы с Григорием Лукичом подождем вас у Макарова.

Через несколько минут директор и парторг были в кабинете Макарова. После коротких взаимных приветствий и обмена мнением насчет дружной весны Соколов сел в кресло в углу и предложил:

— Давай-ка, Федор Иванович, выкладывай все, что у тебя на душе. Надо кончать с разговорами, пора приступить к делу.

Макарова немного смутила такая постановка вопроса.

— Семен Петрович, вы просите выкладывать все, что у меня на душе... А если я вам покажу то, что у меня уже есть на бумаге?

Вдруг, раньше обещанного времени, в кабинет вошел главный инженер. Поздоровавшись с конструктором, сел рядом с Соколовым.

Макаров повернул к гостям стоявшую у стены большую копировальную доску и сдернул с нее голубенькую шторку.

На листе ватмана все увидели очертания конусообразного корпуса истребителя. Оттянутые назад и немного пригнутые к низу стреловидные крылья придавали самолету вид спортсмена, приготовившегося к прыжку в воду.

Соколов, Грищук и Веселов тотчас поднялись со своих мест, подошли к доске. Макаров отступил на шаг и, стараясь не обнаружить собственного волнения, стал украдкой наблюдать за их лицами.

В кабинете наступила тишина, только мерно тикали огромные, в рост человека, часы в простенке между окон.

В большом зале, рядом с кабинетом, конструкторы были заняты своими делами. Власов, вычерчивая какую-то деталь, время от времени поглядывал на дверь кабинета ведущего, как бы пытаясь угадать, о чем там говорят руководители завода.

Вот из кабинета вышли Соколов и Грищук. Власов взглянул в лицо директора и убедился, что в эту минуту настроение у него было гораздо лучше, чем тогда, когда он шел к Макарову; у Грищука, наоборот, на лице была растерянность.

Власов стал ждать, когда выйдет парторг. Что это он опять задержался у Макарова?.. Вдруг открылась дверь, в ней стоял Веселов.

— Василий Васильевич, зайди, пожалуйста!—предложил он конструктору.

Войдя в кабинет, Власов не сел на предложенный Макаровым стул, а стоя сухо спросил:

— Чем могу служить, Григорий Лукич?

Веселов подошел к нему, посмотрел в глаза и попросил:

— Василий Васильевич, все ждут, что ты поможешь Макарову...

Власов пожал плечами.

— Я однажды хотел было помочь, да не впрок пошло. А сейчас тем более едва ли окажусь полезным.

— Но почему? Объясни.

— Дело в том, Григорий Лукич, что я не вижу той точки, на которой могли бы сойтись наши с Федором Ивановичем взгляды.

— Не видишь?—с сожалением спросил парторг.—

Посмотри же внимательнее. Вот она, та «точка», на которой непременно должны сойтись ваши взгляды!

С этими словами он сдернул шторку с доски и показал широким жестом.

— Полюбуйся, Василий Васильевич, какая рождается машина!

Власов мельком взглянул на чертеж и отвернулся. Затем медленно подошел ближе к доске и стал понимающими глазами пристально всматриваться в стреловидные очертания самолета.

... В этот день Власов ушел с завода вместе с рабочими первой смены. Войдя в трамвайный вагон, сел в углу на боковой скамейке.

Вскоре в этот же вагон вошла Мария Алексеевна Аксенова — сестра летчика Боброва. Власов притронулся было к своей шляпе, чтобы поздороваться, но трамвай резко тронулся с места, и Мария Алексеевна, пошатнувшись, оказалась далеко впереди.

Власов обрадовался, что она не заметила его. Он не сомневался, что она знала о его теперешнем положении. И брат мог рассказать, и Веселов, как члену партбюро. Ему было стыдно сейчас перед женщиной, которую когда-то в молодости любил и к которой до сих пор у него сохранилось светлое чувство. «Может быть, сойти мне незаметно?..» — мелькнула мысль.

На душе было тяжело. Еще вчера он лелеял мечту о славе и личном благополучии. Он был уверен, что Макаров «сорвется», что у него не хватит сил прошибить стену, что созданная конструкция самолета, уже воплощенная в зримую модель, будет построена и поднята в воздух... Но все рухнуло! То, что он сегодня увидел на чертежной доске в кабинете Макарова, убило его мечту.

На первой же остановке Власов вышел из трамвая. Спускаясь с передней площадки, он даже не оглянулся, боясь, что Аксенова спросит, почему он сходит. Но едва он прошел десяток шагов, как вдруг услышал сзади знакомый голос.

— Василий Васильевич, здравствуйте! Решили пешком прогуляться? Я тоже...

Власов вздрогнул и остановился. Рядом с ним стояла Мария Алексеевна, всунув руки в карманы коричневой тужурки. На ее усталом, все еще красивом лице теплится ласковая улыбка.

— Здравствуйте! — проговорил он. И затем ни к чему добавил: — Пожалуйста!.. Погода такая чудесная...

Поздоровавшись, Мария Алексеевна объяснила:

— Я, собственно, живу недалеко, вон, посмотрите, — показала она на пригородный домик, терявшийся в зелени молодых тополей, тесным кольцом обхватывавших его с трех сторон. — Проведали бы, Василий Васильевич...

Власов приподнял глаза, посмотрел в умное лицо Марии Алексеевны и невольно сравнил ее со своей женой. Вывод был сделан не в пользу жены. Это неприятно смутило. И вместе с тем возникло сильное желание побыть немного наедине с этой далеко не безразличной ему когда-то женщиной, поговорить по душам, может быть, даже пожаловаться ей на судьбу. Хотелось успокоиться и как-нибудь позабыть хоть на время этот обидный день в его жизни.

В комнате Марии Алексеевны было тихо и уютно: вокруг стола, покрытого зеленой скатертью, стояло четыре стула. У одной из стен — диван, у другой — кровать с пышной горкой подушек. На письменном столе в углу аккуратными стопочками сложены книги, возле них красивый малахитовый чернильный прибор, развернутая книга, у самого края — радиоприемник.

— Живете в одиночестве, Мария Алексеевна... — заговорил Власов, присаживаясь к столу.

— Да вот так... — ответила уклончиво. — Посидите, я сейчас согрею чай.

Власов вдруг поднялся, приложил руку к груди.

— Извините, Мария Алексеевна, я, пожалуй, не стану вас затруднять... И работы у меня дома много. Поверьте слову, — поспешил он заверить ее. — В ближайшие дни навещу вас. Не сердитесь, пожалуйста!

Мария Алексеевна подступила к нему так близко, что ему стало слышно ее ровное дыхание.

— Что с вами, Василий Васильевич? — участливо спросила она.

Власов беспомощно повел глазами, насупился.

— Разве я не друг ваш? — ласково упрекнула Мария Алексеевна.

Власов виновато усмехнулся, но продолжал молчать, не знал, что ответить.

— Вы, верно, знаете, что на работе у меня «нелады»? — спросил после небольшой паузы.

— Знаю.

— Меня превратили в подручного! — повысил он голос. — Подмастерье верховодить стало.

— Но ведь это же ваш ученик!

Не столько словами, сколько ласковой улыбкой Мария Алексеевна все же усадила Власова за стол, сама села напротив, заговорила первая:

— Я все знаю, Василий Васильевич... Но перед тем скажу: как мы когда-то радовались, видя единокровные конструкторов. У всех было такое чувство, что сердце завода бьется ровно, красиво. Приятно было видеть, ощущать упорную настойчивость. И вдруг...

— Вы говорите, Мария Алексеевна... будто на митинге, — усмехнулся Власов. — Разве уж так волновали всех наши дела?

Мария Алексеевна ответила с жаром:

— Да, да! Если бы вы только знали, как ждал весь завод, как сейчас ждет того дня, когда будет отдан приказ строить новый самолет! Верили — это будет прекрасная машина Власова и Макарова. А сейчас...

— Уже не верят? — со страхом спросил Власов.

— Вам — почти... А Макарову верят.

Власов поднялся, взял шляпу.

— Мария Алексеевна, — сказал угрюмо, — я не принадлежу к той категории людей, которые спокойно выслушивают несправедливости даже от очень близких друзей. Не надо уговаривать меня! Жизнь покажет, кто из нас прав. Прощайте! Не сердитесь...

Он надел шляпу, кивнул и вышел.

Глава пятнадцатая

Очутившись дома, Власов устало повалился на диван. Тяжелый был нынешний день. «Никто мне не верит, но все охотятся за моей душой... — подавленно думал он, вспоминая сегодняшние встречи с парторгом, с Марией Алексеевной и другими. — И что предлагают?.. Плунуть на себя, идти в услужение к ученику...»

Он полулежал и смотрел в окно на шевелящиеся от легкого дуновения ветви сирени. Из сада в комнату доносился тихий загадочный шепот, сразу пропадавший, как только Власов, напрягая слух, настораживался.

Встал, подошел к окну, приложился лбом к холодному стеклу и отпрянул. Ему показалось, что собственное лицо мрачно глянуло на него из сада, глянуло и сразу исчезло. Нет, что-то темное промелькнуло в саду... Постояв немного в недоумении, Власов опять выглянул. «Всякая чертовщина мерещится», — мысленно произнес он и хотел уже было крикнуть: «Нина, это ты?» — но звук голоса замер у него на губах; где-то за углом хрустнули сухие сучки. И снова все стало тихо.

Постояв немного, Власов отошел к столу. «Нет, это не привидение... Кому, однако, взбрело в голову бегать по саду?» — спрашивал себя, чувствуя легкую дрожь от непонятного волнения.

Вечер был тихий, темный, даже очертаний дальних кустов сирени не было видно. И жены нет. Вечно торчит на улице. Переливают с бабами из пустого в порожнее...

Неожиданно дверь распахнулась и в комнату мягко вкатился Давыдович с непокрытой лысеющей головой, с улыбающимися глазами. Одет он был в светлосерый костюм, длинный, чуть ли не до колен, пиджак выгодно скрадывал круглый живот.

— Добрый вечер, Василий Васильевич! — потирая короткие руки, певуче сказал он. — Вы одни?.. Так сказать, суммируете итоги трудовых усилий за день.

Едва только адвокат переступил порог, Власов быстро встал. Внезапное появление этого человека смутило его и вызвало чувство досады.

— Не вы ли под окном у меня были, Михаил Казимирович? Вот только-только?..

— На огонек заглянул, — уклонился от прямого ответа Давыдович. — Ну, как дела ваши? Право, Василий Васильевич, мне очень хочется быть вам чем-нибудь полезным. Подумайте, я бы из чувства дружбы с радостью помог бы... как юрист, разумеется.

— Пока судиться ни с кем не собираюсь, — холодно ответил Власов.

— Вы не так поняли... Может быть, совет какой вам нужен, — обеспокоенно говорил Давыдович. — Я подумал однажды и скажу откровенно: мне кажется, вы не угадываете конечного результата своей борьбы. Насколько известно, идея противной стороны полюбилась директору. А если уж так случилось, трудно вообразить вашу победу.

— Так что же — смирись и терпи? — удивился Власов. — От вас ли я это слышу, Михаил Казимирович?

— От меня, очень даже от меня...

— А труд, который был мной затрачен?

— Вот именно! — оживился адвокат. — Должен сказать вам прямо: коль скоро дело у Макарова пошло на лад, вы должны в него включиться на прежних условиях. Это вам необходимо как воздух. Иначе, поверьте моему доброму слову, вы перестанете существовать как конструктор. После единоличной победы Макарова вам не поручат конструировать даже ведра, а не то что сложнейшей современной машины.

Логика в рассуждениях адвоката была железная. Все же Власов хмуро спросил:

— Михаил Казимирович, скажите честно, не Макаров ли вас подговорил, чтобы вы явились ко мне и затеяли эту агитацию? Кстати, вы с ним соседи по квартире. Или, может быть, ваша, дочь — Людмила? Она переметнулась к Макарову окончательно.

Давыдович картинно приложил руки к груди, ответил немного обиженно:

— Единственное, что руководило мной, — это искреннее желание помочь вам. Но вы не верите в мои добрые чувства. Бог с вами...

— Вот и обиделись! — вздохнул Власов, раскаиваясь, что огорчил гостя.

Проводив через час Давыдовича, Власов вернулся к себе и сел за стол с твердым намерением сейчас же написать жалобу министру. Обмакнув перо, он задумался на минуту. Вот он сочинит письмо, в нем все изложит пространно и убедительно, попросит отпуск на несколько дней, поедет в Москву, попадет на прием и вручит... Конечно, министр и его эксперты все поймут. Не больше, чем через неделю на завод поступит ответ: «Никто не возбраняет вам, товарищи, мечтать о полете даже на Луну, однако этим заниматься следует на досуге. В рабочее же время благоволите заниматься реальными делами, а именно — завершать работу над первоначальной конструкцией Власова и...»

Иного ответа, конечно, быть не может!

И Власов четким почерком вывел на листе бумаги полный титул, имя-отчество и фамилию министра.

Совет Давыдовича — наступить ногой на собствен-

ное самолюбие и срочно подключиться к работе, чтобы вести ее совместно с Макаровым — теперь уже не просто раздражал, но вызывал возмущение. Конечно, Макаров подговорил адвоката...

Власов неожиданно медленно опустил перо, точно оно вдруг стало непомерно тяжелым. Да, но не мог же Макаров подговорить всех!.. То же самое предлагают директор, парторг, конструкторы, Мария Алексеевна, летчик Бобров...

И Власов вдруг поймал себя на мысли: «А что если все они правы, а я...» Но не хватало силы даже мысленно договорить: «а я неправ». Вспомнились только что сформулированные Давыдовичем слова: «Разница между вами и Макаровым сейчас заключается в том, что вы остановились на полдороге, а Макаров пошел вперед!..»

Встав из-за стола, Власов подошел к раскрытому окну. «Нина, пойдем уже спать», — услышал он голос жены. Нина с девочками быстро говорила о чем-то за оградой сада. Наконец дочь и жена вошли в дом. Власов же все еще продолжал глядеть перед собой, в густую листву, словно покрытую серебристым инеем. От чувства одиночества мучительно стискивалась грудь, трудно было дышать.

Прикрыв окно, Власов стал лениво ходить по комнате, он уже начинал понимать, что написать министру жалобу — дело очень сложное. На ум то и дело приходили слова Давыдовича: «Трудно вообразить, как вы победите...»

Через полчаса в доме наступила тишина. Власов пошел в спальню. Круглый месяц смотрел в окно, освещал кровать. Под тонким байковым одеялом лежала жена, разбросав по белой подушке распушенные волосы.

Подойдя ближе, Власов постоял минуту, потом осторожно присел на край постели и начал растирать ноги, болевшие от ревматизма.

— Ложись, Вася, — тихо попросила жена. — О чем ты так много думаешь?..

Власов повернул к ней голову, посмотрел хмуро и ответил:

— Думаю, как дальше жить на свете! Ясно?

Глава шестнадцатая

Люду Давыдович удивляло безразличие Власова ко всему, что делалось в конструкторском бюро. Ее коробили постоянные его насмешки над Труниным. Между этими одинаково пожилыми конструкторами уже давно установились какие-то непонятные, почти враждебные отношения. Было такое впечатление, что Власов издевается над товарищем по работе. «Почему он мне не скажет какую-нибудь колкость с ужимочками и усмешечками?» — выходила из себя девушка, издали прислушиваясь к голосам споривших Власова и Трунина.

— Кто видит неудачи и злится на них — тот обязательно победит их, — отвечал Трунин на едкое замечание Власова. — Можете говорить, что вам угодно, Василий Васильевич, а я убежден, что теперешняя форма фюзеляжа раздвинет воздушную массу и «барьер» отступит за хвост истребителя!

— От того, что все конструкторы толпой будут крикивать красивые слова, вряд ли дело подвинется хоть на шаг, — небрежно махнул рукой Власов.

Прислушиваясь к разговору, Люда все время сдерживалась, закусив губу. Но вот она медленно подняла голову, кинула взгляд на Власова и спросила сердито:

— Вы считаете себя окруженным толпой, Василий Васильевич?

— Люда! — воскликнул Трунин, смущенный прямолинейностью девушки.

Но Люда точно не слышала этого восклицания.

— Наша среда вам не нравится?

Приподняв брови, Власов некоторое время не мог произнести ни слова; никто здесь никогда не говорил с ним таким тоном.

— Вот как!.. — наконец, вымолвил он. — Редкое удовольствие доставила мне ваша откровенность, Люда. Можно прийти в восторг от темпов вашего роста, Людмила Михайловна! Когда вы так выросли?

— Когда вам было заметить это?.. — раздраженно упрекнула Люда. — Вас ведь сейчас беспокоит только собственная персона, Василий Васильевич.

— Зачем вы так, Людмила Михайловна? — пожал плечами Трунин, как только Власов отошел от него.

— Платон Тимофеевич, — быстро проговорила она, —

но он же сам!.. Он нас олухами считает! Вы этого разве не замечаете?

— И замечать не хочу. Опомнися! Я уверен.

— Чем скорее, тем для него же лучше,— отвернувшись, ответила девушка.

После разговора с Труниным и Людой Власов пошел к главному инженеру. Хотел посоветоваться с ним — писать жалобу министру или не следует.

— А-а, Василий Васильевич! — удивленно встретил его Грищук.— Что у вас нового? Вы не заболели?

Власов объяснил, что он всю ночь не спал, думал о письме министру. Едва дослушав до конца, главный инженер вскочил и забегал по кабинету.

— Нет, Василий Васильевич,— возмутился он,— вы делаете одну глупость за другой!

Слова Грищука огорошили Власова. Вместо одобрения, которое он рассчитывал услышать, вдруг такое обвинение.

— Я ничего не понимаю, Павел Иванович,— собравшись с силами, проговорил Власов.— Что-нибудь случилось? Я никогда не видел вас таким раздраженным. В чем дело?

— Дорогой мой друг,— все так же резко продолжал Грищук,— теперь у нас с вами совершенно иная задача. Дело идет о нашей личной чести. Судьба имеет свойство поворачиваться то лицом, то спиной, да будет вам это известно. Одним словом, мы обязаны изменить наши с вами точки зрения, если не хотим оказаться смешными. Вот так!

— Даже если для всего этого мне пришлось бы встать на колени перед Макаровым? — с чувством тревоги спросил Власов.

— Слушайте, Василий Васильевич!.. Я не думаю, чтобы вы не поняли меня.

— Но я хочу получить ваш ответ прямо.

— Ну что ж, я не заставлю упрасивать себя — Макаров выходит на большую дорогу, он становится большой величиной!

Власов почувствовал, что силы покидают его; с минуту он стоял недвижимо. Потом приоткрыл было рот, но Грищук предупредил его желание заговорить:

— Сегодня, кажется, выдают зарплату, идите-ка получайте...

— Пока еще платят, хотите сказать? — еле сдерживаясь, проговорил Власов.

— Разумеется. Впрочем, не «пока». Вас ценят за заслуги в прошлом. Получайте!

— Получать зарплату, не спрашивая за что? — переспросил Власов.— Господи, до чего я дошел!..

На некоторое время воцарилась неприятное молчание. Грищуку хотелось как можно скорее выпроводить Власова.

— Вот так, дорогой мой. Идите, Василий Васильевич, развейтесь немного и подумайте...

— О чем?.. Кажется, я больше не в состоянии ни думать, ни принять какое-либо решение. Возня с Макаровым вымотала все мои нервы, а ваш совет выбил из меня последние силы. Совсем недавно вы уговаривали меня сопротивляться, а теперь...

Гришук приподнял руку, желая остановить его.

— Это вы преувеличиваете. Я вас не уговаривал. Прошу не путать разных вещей. Я советовал спорить, доказывать. Это верно! В споре рождается истина. И действительно, вы много спорили, но, к сожалению, доказать ничего не смогли. А раз не смогли, нечего хватать Макарова за горло!

Власов отлично видел, что на Грищука больше не оставалось никакой надежды. Главный инженер демонстративно отмежевался от него, в этом не было сомнения.

— Так что, советуете идти получать зарплату? Ну, что же, получу, если уплатят и на этот раз,— вымолвил Власов таким подавленным голосом, каким о чем-нибудь говорят последний раз в жизни, и тотчас почувствовал, что Гришук ведет его к дверям, видимо желая поскорей выпроводить из кабинета. Отстранив руку главного инженера, не сказав больше ни слова, Власов вышел за двери.

...В тот день Люда избегала встречаться взглядом с Труниным. Молча выполнила все его поручения, ничего при этом не говоря ему, ни о чем не спрашивая. Вечером, когда они, как обычно, вместе шли домой, Трунин заговорил первый:

— Людмила Михайловна, как я вижу, вы сердитесь на меня? Почему?

— Потому что вы позволяете Власову говорить всякую грубость,— заявила она.— А он торжествует.

— Пусть... если это доставляет ему удовольствие. Я не обидчив.

— А я на вашем месте ни за что не позволила бы!..— и вдруг попросила:— Давайте поьем холодной водички.

Трунин согласился. Они пошли к киоску, что прижался под топодем неподалеку от проходной. Вдруг Люда увидела, как из заводских ворот вышел Власов. Он не пошел по тротуару к трамвайной остановке, а двинулся через дорогу прямо к киоску. Трунин и Люда заблаговременно посторонились, уступая ему место у окна.

— Обслужите, дорогая Марфа Филипповна,— тоном приказа молвил Власов и положил на прилавок деньги.

Продавщица, взглянув на две пятирублевые бумажки, удивленно спросила:

— Вам чего же налить?

— стакан московской.

— Не много ли?

— Я плачу деньги! — резко возразил Власов.

Выпив полстакана, он передохнул.

— Василий Васильевич,— несмело сказала Люда,— не надо больше...

Власов криво усмехнулся:

— Людмила Михайловна, позвольте хоть этот вопрос решить самостоятельно. Сделайте божескую милость! Уважьте...— Ваше здоровье, Платон Тимофеевич! Живите и процветайте!..

Трунин ничего не ответил, только нервно поморщился, услышав, как дробно застучали зубы по стакану; переступив с ноги на ногу, он взглянул на Люду, как бы умоляя ее уйти отсюда.

— Покатился Василий Васильевич...— отойдя от киоска, уныло проговорила Люда.

Трунин вздохнул.

— Больно видеть это, Людмила Михайловна...

— Проснулось в нем что-то, чего мы раньше не замечали.

— Да, пожалуй... Проснулось то, чего мы не подозревали. В общем, чертовщина какая-то в его душе,— со вздохом закончил Трунин и умолк.

Неожиданно рядом с ними остановилась машина. Макаров открыл дверцу.

— Подвезу!..

— Вот кстати, Федор Иванович! — рассмеялся Грунин.— Я ведь сегодня в театр иду.— Он помог сесть Люде и сам залез в машину. Через минуту будто пожаловался Макарову:— А Власов у пивного киоска... Вы не заметили?

— К сожалению, видел...— хмуро ответил Макаров. На окраине города он вдруг остановил машину и оглянулся.

— Тут вам уже недалеко, друзья... Я возвращусь за Власовым.

...Поднявшись к себе наверх, Люда открыла дверь в прихожую и сразу услышала ворчливый голос матери:

— Ни в какой театр я сегодня не пойду. Ты должен был предупредить заранее. Мне одно платье надо два часа гладить...

— Как ты мне всегда действуешь на нервы, мамочка!.. — возмутился Давыдович.

Проходя к себе в комнату, Люда на ходу иронически спросила:

— Опять философствуете?

Взглянув на дочь, Давыдович объяснил:

— Я купил в театр три билета. Так сказать, рассчитывал на всю семью. Но у мамы нет желания. Ты бы воспользовалась, дочка... Пригласи Петра Алексеевича. Если хочешь, один предложи Федору Ивановичу. Эх, какая вы теперь несурзная молодежь!.. Жизни культурной не видите. Идите втроем, а мы с мамочкой побудем дома, нам уже все равно...

Люда подумала. А ведь это, пожалуй, хорошая идея, чтобы Федора Ивановича затянуть в театр. Измучился он в последнее время...

— Значит, воспользуешься случаем? — спросил отец.

— Что ж, могу выручить.

После обеда Давыдович вручил билеты. Причем сделал это с такой комичной торжественностью, что Люда от души рассмеялась и вместо словесной благодарности звонко чмокнула отца в щеку. Потом, взглянув на часы, вдруг потребовала:

— Тихо! Раз, два, три...

И действительно, тотчас кто-то трижды постучался в дверь.

Петр Бобров был точен, как хронометр. Люда побежала, чтобы впустить его.

После того как летчик поздоровался с родителями, она потянула его в гостиную и там, усадив на стул, потребовала:

— Только слушай меня внимательно, не перебивай. Сегодня московский театр дает у нас первое представление. Папе удалось достать три билета. Но на твое счастье, — слышишь? — мама захандрила и отказалась. Ты понял? Все три билета в моем распоряжении...

— Постой, Людочка, — вскочил Бобров. — Значит, идем в театр? Красота! Но, мне думается, нам и двух билетов достаточно...

— Это ты так молчишь? — нахмурилась Люда.

— Виноват, виноват!

— Немедленно ступай к Федору Ивановичу и уломай его во что бы то ни стало!

— Люда!.. Очень трудно мне будет осуществить это, — взмолился Бобров. — Он сейчас злой, как черт! Мы только что нянчились с Власовым, отвезили его домой — пьяного, грубого. Федор сказал, что у него еще никогда так не болело сердце...

— Боже, я сама видела, как Власов пил!.. Все равно, иди к Федору Ивановичу и уговори. Пусть он развееся с нами...

Через несколько минут Бобров уже был в квартире Макарова.

— Федя, пойми ты, какой театр! А какие билеты — партер!..

— Я все понимаю, — отбивался от него Макаров, — решительно все! Но пойми же и ты, голова садовая! Ровно два часа тому назад, еще на заводе, ко мне приходил парторг Веселов и предлагал то же самое. Он взял билеты для себя, жены и для нас с Наташей. Но меня черт дернул отказаться. Я полагал сейчас сесть и поработать вечер. Как же мне теперь идти? Хотя, честно говоря, потом стало жаль — опять обидится Наташка. Сколько дней не виделись...

— Конечно, обидится! — тотчас согласился летчик. — Еще как! Собирайся быстрее... Вот обрадуется она!..

Макаров колебался несколько минут, потом вздохнул и поднялся.

— Ну,— будь что будь!..

Когда Люда, Бобров и Макаров вышли из парадного подъезда на улицу, они почти лицом к лицу столкнулись с женщиной в коричневом макинтоше. Люда тихо сказала Боброву:

— Эта наливала Власову водку...

— Да, продавщица киоска,— брезгливо подтвердил Бобров.— Власов эту дрянь уже по имени-отчеству величает — Марфой Филипповной. Ну, я ему завтра скажу пару теплых слов!..

— Друзья, давайте о чем-нибудь другом,— попросил Макаров.— Обратите внимание, как чудесно расцвела акация!..

И они, заговорив о весне, о цветах, пошли в сторону центра города.

Если бы кто-нибудь из них оглянулся, то мог бы заметить, что женщина в коричневом макинтоше через минуту после встречи с ними вдруг резко повернула за угол и быстро, насколько позволял ей солидный возраст, пошла по узкому переулку в сторону городского парка.

Рядом с многоэтажным новым зданием мелиоративного техникума, видно, еще из старых времен остался небольшой домик, обшитый досками и покрашенный зеленой краской. На парадной двери была прибита небольшая новенькая табличка.

Женщина поднялась на крылечко, машинально прочла: «Д-р М. И. Свидерский. Лечение и удаление зубов»,— и нажала кнопку звонка. В дом ее впустили сразу. Видно, у зубного врача был порядок и он не заставлял своих пациентов звонить дважды.

Оказавшись в тесной комнате, где обычно посетители дожидались приема, женщина смиренно присела на стул и приложила ладонь к щеке, как это делают люди с больными зубами.

Через минуту сюда выглянул из соседней комнаты пожилой мужчина в белом халате с такой же белой шапочкой на голове.

— Прошу вас!

Женщина сняла макинтош и привычно села в кресло перед стеклянным столиком с зубоврачебными инструментами.

— Что у вас болит, Марфа Филипповна? — спросил доктор и, отодвинув немного в сторону бормашину, ступил ближе к больной.

— Мне нужны деньги, Модест Иванович, — ответила женщина.

— Старая песня!.. — нахмурился тот.

— И не тяните долго. Я сейчас же должна уйти!

Но Модест Иванович был не из робких. Сдернув с носа очки, спросил властно:

— Как работает «девочка»? Долго вы будете морочить мне голову? Дармоеды!..

Его гневный голос немного успокоил Марфу Филипповну. Таким тоном мог говорить только человек, у которого дело поставлено прочно. А это для нее было самое главное.

— Пока нечем похвастаться особенным, — ласковее заговорила она. — Но продвижение вперед есть, Модест Иванович. Сегодня Катя должна выполнить еще одно маленькое задание...

— Маленькое, маленькое!.. Когда же будут большие дела?

— Не сразу, дорогой мой.. Торопиться нечего... — И вдруг сверкнула глазами: — Успеем на виселицу! Если бы я была одна...

— Хозяин не для того покупает собаку, чтобы самому лаять! — зло бросил Модест Иванович, направляясь в смежную комнату, похоже, служившую ему спальней.

Через несколько минут он вернулся оттуда с тугим свертком. Марфа Филипповна спрятала сверток в прорезиненную авоську, из которой торчали перья зеленого лука и корявый корень хрена. После этого молча поставила начальную букву своей фамилии против крупного числа в старом учебнике арифметики и так же молча попрощалась с Модестом Ивановичем.

На дворе сгущались весенние сумерки. Перейдя улицу, Марфа Филипповна быстро пошла вдоль невысокой ограды городского сада.

Затаив дыхание, она подошла к подъезду своего дома. Вокруг было тихо, и эта тишина почему-то всегда пугала, ей казалось, что в полутемном парадном, на любой лестничной клетке могли скомандовать: «Стой!»

Неторопливо, ступенька за ступенькой, поднялась на

четвертый этаж и своим ключом открыла дверь в коридор общей квартиры. Здесь шумели примусы, пахло чем-то жареным. Это совсем успокоило Марфу Филипповну.

Войдя в свою комнатку, она вздохнула, спрятала сверток под легко отделившуюся от пола паркетину, после этого зажгла свет и начала раздеваться. Прислушавшись к женским голосам в коридоре, открыла дверь.

— Раиса Михайловна, получите должок...

На пороге остановилась худенькая старушка.

— Я брала у вас лук и картошку...— объяснила Марфа Филипповна, подавая авоську с овощами.— Возьмите, пожалуйста! Благодарю вас очень! А племянница ваша, Катенька, дома?

— Дома,— входя в комнату, вздохнула старушка.— Скучает девочка. Отсидит на своем телеграфе смену и все...

— Что ж еще? — удивилась Марфа Егоровна.

— Замуж ей надо,— призналась старушка.— Годы-то ведь проходят... Красивая такая... А красота, что вода — сплывет, не заметишь.

— Пусть зайдет ко мне, я веселенький ситчик приглядела в магазине, хочу посоветоваться.

Забрав авоську, старушка ушла. Через минуту сюда явилась Катя.

— Здравствуйте, тетя Марфа! — поздоровалась она громко и весело, будто очень обрадовалась.

Когда дверь была плотно прикрыта, Марфа Филипповна тихо приказала:

— Немедленно собирайся в театр! Вот сто рублей, билет купишь у спекулянтов. Он будет сидеть в партере, десятый ряд... Да не суетись! Из дому выйди спокойно. Вот еще сто рублей, на всякий случай...

Глава семнадцатая

В залитый мягким светом вестибюль городского театра Катя Нескучаева вошла за несколько минут до начала спектакля. Как и другие дамы, она подступила к огромному зеркалу и начала прихорашиваться. Проходящие сзади молодые мужчины невольно заглядывали

в зеркало — красива она была в этот вечер, прекрасно лежало на ней темнолиловое бархатное платье.

Проходя через фойе, Катя неожиданно вздрогнула. Почти рядом с ней шла в зрительный зал Наташа Тарасенкова. Этого еще не доставало!..

Возле широко раскрытых в зал дверей Наташа отступила на шаг и осмотрела Катю презрительным взглядом с ног до головы. Катя сделала вид, что не узнала соперницу, и осуществила это превосходно, прошла мимо с приятной улыбкой на лице, даже не моргнув глазом.

Веселов сидел в третьем ряду. Он угощал жену конфетами и тихо рассказывал ей что-то смешное. Когда к ним приблизилась Наташа, спросил удивленно:

— Ты отчего побледнела, загадочное существо?

Наташа отмахнулась, мол, нечего выдумывать. Села на свое место рядом с сестрой, потянулась за конфетой.

— Не заболела ли вдруг? — беспокоился Веселов.

— Да отстань! — вмешалась сестра. — От твоих вопросов можно заболеть. Ну где он, Наташа? Макаров твой... Я сама видела!

Наташа подавила вздох и ответила чуть слышно:

— Я тоже видела... его возлюбленную.

— Наташка!..

— Не волнуйся, Саша. Ведь я спокойная, ты же видишь...

В это время поднялся занавес. В зале наступила тишина, показавшаяся Наташе ненужной, жуткой. Она смотрела на сцену — там ходили люди, что-то говорили, — но ничего не понимала. В душе kloкотало возмущение, готово было прорваться наружу. И в то же время злилась на себя. «Раскисла!.. Чего, зачем?..»

— Но он знает, что ты в театре? — наклонившись к ней, спросила Саша, имея в виду Макарова.

— Да, — почти беззвучно ответила Наташа.

— Странный человек...

Потом Саша повернулась к мужу.

— Ты бы поговорил с ним, Гриша...

— Прекрати!.. — слегка толкнула ее Наташа.

Ей мучительно хотелось оглянуться и разыскать в запершем партере Макарова. Но она не решалась даже шевельнуть головой. Вдруг он сидит где-то совсем близко и пожимает руку той...

Чтобы найти Наташу, Макаров со своего десятого

ряда начал по порядку присматриваться ко всем, кто сидел впереди. И сразу узнал ее по прическе, по плечам. Рядом было свободное место, принадлежавшее ему... В душе возникло такое чувство, будто он совершил что-то очень непристойное, низкое. Он уже начал подбирать слова извинения, которые скажет Наташе в первом же антракте.

— О, даст тебе Наташка прикурить!..— шепнул ему сидевший рядом Бобров.

— Мы ей все объясним, Федор Иванович,— успокоила Люда.

Как только окончилось первое действие и огромный зал наполнился шумными аплодисментами поднявшейся публики, Макаров стал проталкиваться к центральному проходу. Он обошел вокруг фойе по длинному, уже заполненному людьми коридору и стал ждать Наташу возле боковых дверей.

Но что такое?.. Уже почти все вышли из зала, а ее все не было. Вот идут чем-то недовольные Веселовы. Она ведь сидела рядом с ними.

— Добрый вечер, Григорий Лукич! Добрый вечер, Александра Васильевна! — приветствовал их Макаров.— А я вот Наташу разыскиваю...

— Ушла,— ответил Веселов.

— Как ушла?.. Вовсе? — отступил на полшага изумленный Макаров.— Почему?

Парторг хотел что-то ответить, но жена опередила его.

— Спектакль ей не понравился.

Макаров почти выбежал из театра, посмотрел в одну сторону, в другую, быстро прошел до угла в том направлении, куда могла уйти Наташа, но нигде ее не увидел. А может быть, она и не уходила вовсе?.. Он вернулся в театр, стал искать ее повсюду в двух просторных и шумных фойе. Нет, ее нигде не было. Веселовы сами возле буфета занимались мороженым...

— Здравствуйте, Федор Иванович! — вдруг услышал он за спиной знакомый женский голос.

— Ах, это вы, Катя... Здравствуйте! — ответил он, все еще пытаясь среди публики увидеть Наташу.

Нескучаева осторожно взяла его под руку, спросила озабоченно:

— Вы кого-то ищите?

— Да... но нигде не вижу...

— Убежала, наверно, — тихонько вздохнула Катя, пытливо взглянув на него. — Зато вы меня нашли. Вам нравится спектакль? Как чудесно играют артисты!

— Да, очень хорошо...

Катя отлично знала, почему расстроен Макаров, кого он ищет, и в душе радовалась такому удачному случаю. Она ласковыми словами пыталась успокоить его, разве-селить.

Досаду на Наташу, Макаров уже хотел было уйти из театра, но спектакль москвичей был действительно превосходно поставлен, пьеса новая, увлекательная, и Катя настойчиво уговаривала досмотреть до конца. Конечно, уходить неразумно...

Проводив Катю к ее месту где-то в пятом или шестом ряду, он вернулся к Боброву и Люде.

— Видел Наталью? — тотчас поинтересовался летчик.

— Нет. Ушла... Не понравилась ей постановка.

— А эта фиолетовая кукла кто? — нетерпеливо спросила Люда, глазами показывая в ту сторону, где Макаров оставил Катю. — Ваша знакомая, Федор Иванович? Макаров смущенно улыбнулся.

— Да, слегка знакома...

— Интересная! — сказал летчик. — Я ее где-то видел... Люда пристально взглянула на него.

— Видел? Где это ты уже успел ее видеть?

— Вспомнить надо...

Началось второе действие, в зале воцарилась тишина.

После спектакля, когда шумная публика запрудила широкий тротуар перед театром, Люда начала тормошить Боброва, требуя, чтобы тот немедленно разыскал где-то потерявшегося Макарова.

— Сбежал, черт!.. — ругался летчик, нигде не видя конструктора. — Должно быть, с этой махнул... как ты ее назвала — с «фиолетовой куклой». А почему бы и нет? Интересная штучка!

Возмущенная Люда толкнула его в бок, но сказать ничего не успела. Бобров стукнул себя ладонью по лбу.

— Вспомнил! Вспомнил, где я ее видел... Однажды ночью, над обрывом...

— Что?!

— Да, да! И знаешь с кем? — летчик запнулся, но

отступать уже было поздно.— Кажется, с твоим отцом...

Люда повернула его к себе, посмотрела в глаза, точно сомневаясь, в здравом ли он уме. Взяла под руку.

— Идем! И рассказывай все подробно!

— Да, собственно, рассказывать нечего...— засмеялся Бобров.

Глава восемнадцатая

И вот настал день, когда многочисленные чертежи новой конструкции самолета воплотились в натуральной величины фанерную модель.

Макаров неподвижно стоял перед ней и жадно курил одну папиросу за другой. Кроме него в зале общих видов не было никого.

— Любуешься?..

Макаров вздрогнул. Он не слышал, как сзади подошел парторг Веселов.

— Любуюсь, Григорий Лукич,— вздохнув, ответил конструктор.— Здравствуйте!

— Почему же такой мрачный? — спросил Веселов, пожимая руку: — Смотри, какая красавица-птица! — и он ласково похлопал по гулкому фюзеляжу модели.

Макаров улыбнулся.

— Не мрачный я... Волнуюсь, понимаете?

— Как не понять!

Вдвоем обошли вокруг модели. Постояли немного молча. Спустя некоторое время парторг спросил:

— А что Власов?

— Все то же...— неопределенно ответил Макаров.— Замкнулся, ни с кем не разговаривает. Жалко мне его, Григорий Лукич...

— Не разговаривает, значит?..— задумчиво переспросил Веселов.— А я все же поговорю с ним еще раз. У меня терпения хватит.

...Выйдя в тот день из кабинета парторга, Власов вдруг почувствовал, как он сильно устал. Болели ноги. Душу охватило мучительное уныние.

«Все против меня...— думал он с тоской.— И я ничего не могу сделать. Уже готова новая модель... А ту, в которую столько сил моих вложено, сломали и выбросили в сарай... Нет, надо прощаться с заводом. Не сможем мы идти с Макаровым в одной упряжке...»

Но мысль об уходе с завода испугала его. Сколько лет он проработал здесь!.. И все бросить, бежать?..

В конструкторском бюро неожиданно лицом к лицу столкнулся с Макаровым. Тот остановился, спросил тревожно:

— Что с вами, Василий Васильевич? Не заболели?..

— Нет! — сухо ответил Власов.— Но если разрешите, Федор Иванович, мне нужно в город... позвольте?

Макаров не мог взять себе в толк, что же случилось.

— Если нужно, что ж...— проговорил он таким голосом, каким говорят самые близкие люди, произнося сочувственные слова от всего сердца.— Но что все это означает, Василий Васильевич?.. Лица на вас нет! Здесь у ворот моя машина. Скажите шоферу, он подвезет вас до дома.

Власова подмывало восстать против любезности Макарова, но он воздержался. «Все это опять и опять приведет к спорам. А во рту у меня с трудом язык поворачивается». Не подав руки, он повернулся и направился к выходу.

Немного спустя вслед за ним вышел и Федор, намереваясь проследить — воспользуется ли Власов его машиной. Но только перешагнул порог, как вдруг увидел Наташу Тарасенкову. Она проходила около конструкторской.

— Здравствуй, Наташа! О-о, как ты загорела!..

— Загорела? — переспросила она, медленно подняв на него вопросительный и пристальный взгляд.— Лестно, что ты заметил...

— Ты бываешь на пляже?

— Бываю,— подумав немного, ответила она.— А ты все занят, нигде не бываешь?

— Представь, все как прежде...— сказал Федор, глядя в сторону.— Понимаешь...— проговорил как-то озабоченно,— вот чудак, кажется, уже ушел пешком...

— Я вижу, ты куда-то торопишься? — спросила Наташа.

— Я к воротам и тотчас обратно. Подожди меня, Наташа. Там Власов. Я только к стоянке машин, подожди!..

— Беги! — еле слышно сказала она.

Она взглядом проводила его, затем быстро пошла в сторону одноэтажного, окрашенного в голубоватый цвет

домика, где помещался заводской комитет профсоюза.

На крылечке домика она увидела высокого, пожилого человека, с темными волосами и калено-красным лицом, одетого в белый полотняный пиджак. Председатель завкома, заметив приближающуюся Наташу, улыбнулся. «Кажется, на ловца и зверь бежит».

— Здравствуйте, Сила Иванович! Я к вам...

— Здравствуйте, Наталья Васильевна,— баском ответил председатель заводского комитета. Затем, спустившись на две ступеньки ниже, спросил: — Чем могу служить, доктор?

— Хотела спросить, вы еще не нашли врача для пионерского лагеря? Ну, и для заводского дома отдыха?.. Там это все рядом.

— Очень нуждаемся, но никого нет.

— Отправьте меня, Сила Иванович.

Тот обрадовался предложению. Сощурил глаза, не веря тому, что услышал. Ведь совсем недавно Тарасенкова отказалась от выезда из города по каким-то семейным обстоятельствам, а теперь просит.

— Но нам нужен врач на весь сезон, Наталья Васильевна. Если бы вы согласились...

...Власов отказался от машины. Макаров раздосадованный вернулся в зал общих видов и, стремясь подавить в себе беспокойство, сел напротив модели, у которой возились Трунин и Люда Давыдович, измеряя и высчитывая что-то. Закурил. Папироса запрыгала у него между пальцев. «Нервничаю!...» Подумал о Наташе. Холодно как она встретила. И убежала...

— Н-да!..— удивив Трунина и Люду, произнес он и, поднявшись, поспешно направился к себе.

В кабинете сел за свой рабочий стол, положил перед собой руки, намереваясь сосредоточиться, чтобы, наконец, взяться за работу. Но мысли, как назло, текли не в том направлении, в каком хотелось направить их.

«Сегодня же пойду прямо к ней домой...— внезапно решил он.— Попрошу извинения...» И в то же время ему было немножко страшновато, стыдно показаться у Тарасенковых.

В тот день, как всегда, работа в конструкторской окончилась поздно. Макаров вышел, когда уже стемнело. Постоял немного у парадного, поглядел в сторону поли-

клиники. Не ждет ли Наташа?.. Может, осталась?.. Нет, уже темно в окнах.

Из-за крыш заводских корпусов медленно и величественно поднялся ясный месяц. Его бледный свет на асфальте дробили тени слегка колеблемых ветерком деревьев.

Макаров сел в машину и назвал шоферу адрес Тарасенковых. Через несколько минут автомобиль остановился возле небольшого домика в тихом переулке. Макаров подошел к невысокому забору, прислушался к шепоту деревьев в саду. «Нужно идти дальше, пока это возможно,— подумал он.— У нас с Наташей не так плохи взаимоотношения, чтобы рвать их и позабыть бывшее... Мы с ней выйдем вот сюда, в садик, и сядем рядом. Наташа, спрошу ее, помнишь, как в городском саду я удивился, когда ты сказала, что не намерена учинять допрос? Я тогда сделал вид — ничего-де не понял. Но это вздор! Я кое-что понял. Только прошу тебя, не преувеличивай того, что я скажу. Многие и сам еще не могу объяснить себе. Почему, например, так случилось у меня с этой Катей... Прежде я приписывал встречи с ней обыкновенным случайностям. Но странно, такие случаи, как назло, стали повторяться — то дома, то в саду, то в театре... И все же это случайные встречи. Зачем обращать на них внимание?..»

Он чувствовал, как билось сердце. Подошел к калитке, заглянув во двор. К дому потянулась посыпанная песком дорожка. В трех окнах горел свет. Эх, была не была!..

Его неожиданно встретил Григорий Лукич Веселов. Сидел в одиночестве за чашкой чая.

— О, кто пожаловал!— удивленно произнес парторг.— Заходи, заходи, Федор Иванович!

«Вот некстати принесло сюда парторга...» — с чувством досады подумал Макаров.

— Ну, что ж стоишь на пороге? Заходи, чаем угощу. Ты ведь прямо с работы? — спросил Веселов.

Федор вошел в комнату, испытывая стесненность и ощущение неловкости. Идя навстречу Веселову, он все время опасался, как бы не зацепиться за что-нибудь, не уронить на пол стул или вазон с цветами,— в этой просторной, мило и уютно прибранной комнате все стояло на своем месте в строгом порядке.

— А вы, Григорий Лукич, в гостях? — спросил, лишь бы с чего-нибудь начать разговор.

— Я, Федор Иванович, на данном плацдарме, так сказать, оставлен за начальника гарнизона, — усмехнувшись, ответил парторг. — Теща вручила мне всю полноту власти. Поджидаю тестя Василия Ксенофоновича. На работе задержался старикан... Садись, почувствуй себя вольно. Начальник гарнизона я нестрогий, — шутливо продолжал Григорий Лукич.

Макарову показалось, что Веселов словом «нестрогий» как бы намекал, что в этом доме живет человек, который, пожалуй, и стула не предложил бы ему. Достав платок, поспешно вытер вдруг вспотевший лоб. После этого осмотрелся и прислушался: действительно в квартире больше никого. Где же Наташа?..

Федор не мог не поймать лукаво-насмешливый взгляд, украдкой брошенный на него Веселовым.

— Значит, одного вас оставили?.. — попытался схитрить Макаров, рассчитывая, что тот объяснит, где же Наташа.

Веселов ответил с напускным равнодушием:

— Наталья уезжает, Федор Иванович. Марья Ивановна и моя Саша пошли на пристань провожать... — Затем, пытливо глядя на Федора, добавил тоном сожаления: — Вот оно как получилось, уехала, брат, наша Наташа.

У Макарова похолодело в груди.

— Куда уехала, Григорий Лукич?

«Ого, мое сообщение царапнуло его за сердце!» — подумал Веселов. Он не мог не понимать того, что в эту минуту творилось в душе Федора.

— Недалеко, конечно, — неторопливо сказал и умышленно сделал длительную паузу. — Неожиданно решила уехать из города.

— Но куда же?

— Да что ты кричишь на меня, Федор Иванович! — шутливо упрекнул Веселов. — Наташа человек самостоятельный. Но не горюй. Не за тридевять земель уехала.

— Что вы из меня по одной жилке вытягиваете? — усмехнулся Федор.

Сдерживая и пряча улыбку, Веселов пожал плечами:

— Мне твои «жилки» ни к чему. И вообще я тут при чем?

— Но скажите же, куда уехала?

— Хочешь непременно поругаться: почему-де удрала без моего позволения?.. Это дело нетрудное. В выходной день махнешь к ней в заводской дом отдыха, вот уж там будет для вас простору...

— В дом отдыха?

— Уехала, только не на отдых. На все лето. Час тому назад сказала: «Там мне будет полегче». Понял, слова-то какие?

Макаров бросил на парторга вопросительный взгляд. «Кажется, он знает о нашей размолвке...» Встал и решительно направился к выходу, коротко бросив на ходу: «Прощайте».

— Да куда же ты? — закричал ему вслед Григорий Лукич и, когда от Макарова след простыл, подумал: «Никуда им не убежать друг от друга!..»

Но, очутившись на улице, Федор вдруг остановился. «В выходной день махнешь в заводской дом отдыха, вот уж там будет для вас простору...» Он понимал, что это было сказано из желания помирить его с Наташей. «А она сама хочет ли этого? Вчера, быть может, я необходим был ей, но завтра могу оказаться лишним...»

Сердце сжалось, как только он представил себе возможный разрыв с Наташей. Тоска холодом охватила душу. В угнетенном состоянии подошел к своему дому.

— Федор Иванович, батенька, так поздно с работы?

От неожиданности Федор остановился. Перед ним стоял Давыдович.

— И настроеннице у вас неважное, соседушка!.. — чувственно заметил адвокат. — Может, нервы пошаливают, Федор Иванович? Устаете, наверно...

— Нет, так что-то... — нехотя ответил Макаров и прошел в парадное; болтать сейчас со словоохотливым соседом не было настроения.

Давыдович растерялся. О, как ему хотелось сию минуту выяснить, уехала ли Наталья Тарасенкова... Но, кажется, да! Иначе почему бы такое траурное настроение у добра молодца? Значит, Катя должна форсировать...

Давыдович задумался: «А не лучше ли оставить Макарова в покое и основательно заняться Власовым? Что если показать ему крупную сумму? Огорошить приличным вознаграждением? Сказать, что проект будет использован более решительными людьми на другом заводе?»

Ведь дальше прыгать некуда. Макаров своего почти добился...»

Пройдя за дом, к обрыву, адвокат в одиночестве сел на скамью, оперся локтями на колени и задумался. «А вдруг Власов заартачится, не согласится? Тогда провал — и — конец!..»

Глава девятнадцатая

Федор приходил домой не в одни и те же часы. Но только он появлялся, на душе у матери становилось спокойнее. Чтобы развлечь его, она заводила разговор о семейных, хозяйственных и прочих делах. Но сегодня разговор не клеился. Федор был расстроенный, угрюмый. Бегство Наташи поразило его.

— У тебя неприятности, сынок? — осторожно спросила Анастасия Семеновна; ей так хотелось видеть сына бодрым, ласковым, внимательным...

— Ничего, мама, это пройдет...

Федор замечал, как встревожена мать. Сейчас она была единственным близким ему, родным человеком. Каждый раз, как только встречались их взгляды, он видел в глазах матери столько доброты, сколько не видел никогда раньше.

Однажды, возвратившись с завода, он сел за письменный стол и, как обычно, принялся за чтение газеты. Мать подошла тихонько сзади, положила руку на его плечо. Он тотчас отодвинул газету и посмотрел в родные глаза, не произнося ни слова. От этого ласкового взгляда тепло стало на сердце матери. Она положила свою руку на голову сына, стала перебирать мягкими пальцами завитки волос так, как всегда делала, когда он был маленьким... Но теперь волосы были жестче и кое-где пробивались седые нити.

Федор легонько встряхнул головой. «Вырос... — подумала мать. — Стесняется моей ласки».

Она не знала о том, что Наташа выехала из города.

— Мама, мне не было письма? — спросил он.

— Нет, сынок, не было никаких писем. Ты ждешь разве?.. От кого?

— Я же не первый раз спрашиваю!.. Я давно жду письма, — сказал он будто с упреком. — Правда, я не ска-

зал вам.. Но разве трудно догадаться, от кого мне может прийти письмо?

— От нее?.. — чуть слышно спросила Анастасия Семеновна и невольно взглянула на камин, где когда-то стоял портрет Кати.

Не заметив этого, Федор Иванович ответил:

— Да, мама, от нее!

Через минуту он поднялся и сказал со вздохом:

— Я пройду, погуляю немного.

Анастасия Семеновна не успела остановить, заставить пообедать. Лишь глубоко вздохнула, прислушиваясь, как в коридоре замирали его шаги. Щемило в груди, путались мысли. «Накаркал ворог-то этот!» — подумала она про Давыдовича, однажды сказавшего ей: «Скоро свадьбу, Анастасия Семеновна, сыграем?»

... А от Наташи писем все не было и не было. Макаров не знал, что думать. Чем все это кончится? Не раз терялся в догадках: «Уехала, не сказав ни слова. Не желает откликнуться, объяснить свой поступок...» Конечно, Веселов разумно советовал — выбрать время и поехать к ней. Проще простого.

Но Макаров не решался. Как Наташа встретит? Будет ли рада внезапному его приезду?

Уже который день, возвращаясь домой, торопился в свою комнату, глядел на стол. Увы, письма не было!

Однажды, в выходной день, гуляя утром в городском саду, Федор увидел Боброва и Люду. Некоторое время шел вслед за ними и невольно слышал их говор.

— Перестань, не гляди на меня так, — тихо просила Люда Боброва.

— Ну, а как же на тебя глядеть? — озадаченно спрашивал летчик.

Но Люда отмалчивалась. Тогда Бобров спросил:

— Чего бы ты хотела в эту минуту?

— А ты? — повернув к нему лицо, в свою очередь поинтересовалась Люда.

— Посидеть над крутым обрывом. Посидеть и помечтать.

— Представь, Петя, на этот раз наши желания совпали...

— Эх, друзья, друзья! — подойдя сзади, сказал Макаров. — Что это вы скисли? И разговор у вас скучный?

— А-а, Федор Иванович! — обрадовалась Люда. — Просим в нашу компанию. А почему вы один?

— Людочка, не могу удовлетворить твоего любопытства, — ответил шуткой Федор и смущенно улыбнулся.

— А моего?.. — заговорил летчик. — Почему ты без Наташи?

— Друзья, отложим этот разговор, — попросил Макаров. — Наташи в городе нет. Разве не знаете?

Бобров и Люда промолчали. Макаров поспешил переменить разговор:

— Смотрите, — сказал он, поведя рукой, — какое утро! Дети копаются в песке...

— Ты что, впервые видишь детей? — удивился летчик.

— Нет, не впервые...

— Как расчувствовался! — подзадоривал Петр. — Можно подумать, что сожалешь — почему и твой не копается с ними.

— Да, можно подумать... — вздохнул Макаров и хлопнул Боброва по плечу. — А ты и думай... Иду я по тротуару, — продолжал он после паузы, — в каждом дворе, в каждом скверике — всюду малыши. Шумят! И вспомнилось мне: как только началась война, в такой же вот солнечный день шел я на вокзал. Но ни на улицах, ни в скверах не было видно ни одной детской коляски, ни одной команды, бегающей за мячом...

— И девочки не крутили скакалок, — грустно добавила Люда. — Это я тоже хорошо помню.

— А вот они не помнят, — снова кивнул Федор в сторону детской площадки. — И пусть бы никогда не знали...

— Да я не в том смысле, — махнул рукой Бобров. — Я говорю, Федя, что и твой смуглый сынишка мог бы играть с ними...

— Петр!.. — строго сказала Люда.

— Что, тебе не нравятся смуглые? — удивился летчик. — Ну, тогда пусть беленькая девочка — Наташина копия.

Сердито толкнув Боброва в бок, Люда вырвалась вперед и побежала по аллее, что над самым обрывом.

— Женись-ка ты, Петр, — серьезно посоветовал Макаров. — Люда будет хорошая тебе жена. Женись, не теряй времени!

Бобров не нашелся, что сказать в ответ, только вздохнул.

Молчком пошли они к обрыву, к скамейке, на которой сидела Люда. Девушка взглянула в их сторону, и вдруг у нее вырвалось: «Это она!» Шагах в двадцати позади Макарова и Боброва шла Катя Нескучаева. Люда привстала немного, не сводя с нее глаз. Она не знала, как поступить, что предпринять в данную минуту, хотя прежде не раз думала о том, чтобы разыскать Катю и спросить, какое она имеет отношение к ее отцу.

Как только Петр и Федор подошли к скамейке, Люда тотчас предложила: «Садитесь!» Сама села между ними, взяла под руки.

В этот момент Катя круто повернула влево и пошла по аллее, тихонько помахивая миниатюрной сумочкой. Она была в пыльнике из белоснежного шелка. Ветер трепал светлые пряди, она досадливо морщилась и, скидывая руку, приглаживала их.

Подступив к самому обрыву, остановилась, залюбовалась заречной далью, подернутой еле зримой синеватой дымкой. Спустя некоторое время, как бы случайно, повернулась к скамейке и взглянула на Макарова. Он тоже посмотрел на нее долгим взглядом, в котором наблюдательная Люда прочла удивление, переходившее в какое-то странное чувство неловкости, даже невольной тревоги.

Когда Макаров поднялся со скамейки, Бобров тотчас угадал намерение друга и быстро взял его за руку.

— Не ходи! Слышишь, Федя? Она тебе ни к чему!..

На лице Макарова выразилось чувство досады.

— Ты полагаешь, что эта девушка кусается? Ошибаешься; она совершенно ручная. И к тому же моя знакомая.

Макаров высвободил свои пальцы из горячей ладони Боброва.

Придвинувшись ближе к летчику, Люда прошептала:

— Уйдем отсюда, Петя!

— Не могу. Нельзя Федора оставить с этой чертовкой!

Сердито нахмурившись, он думал: «Сменять Наташу... И на кого!..» Летчиком все сильнее и сильнее овладевало раздражение. Он готов был подойти и нагрубить обоим.

Когда Макаров подошел к Нескучаевой и поздоро-

вался, она уставилась на него прижмуренными в улыбке глазами. Молвила с игривым укором:

— А я уже подумала, вы не подойдете ко мне.— Затем показала за реку.— Смотрите, как хорошо там! Как тянет туда...

За рекой зеленели луга, немного дальше темнела стена леса. В речной глади играли лучи солнца, отражалось синее небо. Но Федора вовсе не «тянуло» туда. И он как бы про себя проговорил в ответ:

— Дует, однако.

— Дует ветерок! — улыбнулась Катя и добавила: — Пусть он превратится в ураган, мне даже веселее станет. Макаров не нашелся, что сказать в ответ.

— Я часто бываю в Заречье... — тихо сказала Катя. — Идемте туда!

Она говорила свободно и все время следила за Федором, за каждым его движением. Должно быть, поэтому он стал вдруг испытывать неприятное чувство. Подумал: «Веселый разговор что-то не соответствует выражению тусклого лица...» Ее темные глаза светились из-под припущенных ресниц бесстрастно и холодно.

— Я не один здесь... — отказался Макаров.

— Но ваша компания уже ушла, — заметила Катя, упрекнув взглядом.

Макаров оглянулся. Действительно, Люды и Петра не было на скамейке. Он обругал их в душе и протянул Нескучаевой руку.

— Все же я должен... Извините!

Его рука так и повисла в воздухе. Капризно дернув плечами, Катя отвернулась. Постояв немного, она шагнула вперед и потихоньку пошла у самого края обрыва. Отдалившись немного, замедлила шаг, наверняка рассчитывая, что Макаров должен догнать ее.

Но он стоял на прежнем месте, на его лице бродила смущенная улыбка: «Вот и впал в немилость девушке...»

Когда Катя скрылась из виду, к Макарову подошел Бобров:

— Да плюнь ты на нее!..

— А где Люда? — спросил Федор. — Знаешь что, пойдем ко мне. Мать пироги с рыбой печет. Ужас, какие вкусные.

— Пироги?.. — Бобров подумал. — Нет, пироги потом.

Как только Макаров вышел за ограду на улицу,

Бобров шмыгнул в боковую аллею, куда скрылась Катя.

«Странная какая-то...— думал Макаров о Нескучаевой, подходя к своему дому.— И, видно, не очень высокой морали... Все же противно! Из театра тянула к себе на квартиру, сейчас — в лес, за реку!..»

Вдруг из парадного выбежала Люда. Макаров невольно схватил ее за руку.

— Что случилось?

Люда оглянулась через плечо, желая убедиться, что ее никто больше не услышит.

— У нас Власов! Он там с папой!.. Но если бы вы только слышали, о чем они говорят!..

— О чем же? — удивился Макаров.— Почему ты такая взволнованная?

Люда заколебалась. Потом вдруг взяла Макарова под руку.

— Идемте отсюда, Федор Иванович! Идемте... Я вам расскажу... Какое безобразие!..

В голову Люды лезли страшные мысли. В ушах звучали слова отца: «Дело все в том, Василий Васильевич, кто в чем нуждается... Представьте — на одной тарелке лежит совесть, а на другой — деньги. Что бы вы взяли? Логика такова — каждый берет то, что ему нужно, чего ему не хватает. Лично у вас совести достаточно, а вот денег...»

— Ну, вот ты и отдышалась...— с ободряющей усмешкой сказал Макаров.— Да возьми же себя в руки!

— Федор Иванович,— глухо начала Люда,— дело не во мне. Я не ожидала, что Власов и мой отец... Они играли в шахматы и меня не видели, когда я вошла в переднюю. Но я собственными ушами слышала, как Власов жаловался на всех, а главное — на вас. Он, должно быть, рассказал отцу все-все. Это же возмутительно! Кто позволил, кто разрешил ему болтать о том, что делается на заводе?..

— Это подло! — жестко бросил Макаров.— За такие вещи по головке не глядят!..

— Но вы послушайте, что ответил ему отец...— Люда невольно схватила руку Макарова.— Он сказал Власову: «Василий Васильевич, как же вы намерены поступить? Неужели ваша конструкция будет растоптана? А что если вы предложите ее другому заводу? Пошлите к черту

и Макарова, и Соколова, и всех на свете! Они с вами не считаются. Какой же вам смысл церемониться с ними?..» Я уже готова была броситься к ним и наговорить бог знает чего, заставить прекратить этот разговор. Но когда услышала, что они повели речь о деньгах, решила немедленно вас разыскать...

— О деньгах? — переспросил Макаров, приподняв бровь.

— Да, о деньгах и совести... Власов сказал, что после того, как ваша машина будет построена, вы станете богатым, а он нищим...

— Какая мерзость!..

По направлению к ним быстро шел взволнованный летчик Бобров. Подойдя, он торопливо попросил Макарова:

— Федя, на минутку... Извини, Людочка, мне надо сказать ему несколько слов.

Он взял Макарова за руку и потянул в сторонку.

— Послушай, Федор, на какой я концерт попал... Я полагал, что Люда уже дома. Стучусь в дверь. Слышу, за дверью возня, стон... Рванул изо всех сил и — ужас! Власов схватил его за горло, бросил на диван... Будто взбесился человек! Глаза безумные!.. Потом поднял шахматную доску и трах по черепу!..

Люда услышала последние слова. В ее груди будто что-то оборвалось. Быстро подбежав, схватила Боброва за руку.

— Он папу ударил по голове?.. Папу? Говори же!..

— Представь себе, Людочка. Михаил Казимирович объяснил, что Власов был сильно пьян...

— Нет, он был совершенно трезв...

— И мне показалось, что не пьян...

Люда изо всех сил пустилась бежать. Скорее, скорее домой!.. Может быть, отец уже мертвый!..

Вбежав в квартиру, она почти упала на стул. Сердце готово было разорваться. Испуганная мать подала стакан воды.

— Успокойся, дочка, успокойся!..

В переднюю вышел Давыдович — лицо бледное, но спокойное, голова перевязана, сквозь бинты проступила кровь.

— Что здесь было?.. — чуть слышно вымолвила Люда.

Полина Варфоломеевна безмолвно развела руками.

— Ничего страшного, — ответил отец. — Какой с пьяного человека спрос?..

— Я иду в милицию! — вдруг заявила Полина Варфоломеевна. — Убивать человека!..

— Ни в коем случае!.. — испуганно заступил ей дорогу Давыдович. — Не смей, мамочка! Право же, нет ничего страшного. Царапина и только..

— Но за что, за что? — отдышавшись, допытывалась Люда. — Что ты ему говорил? Зачем пригласил в дом? Что ты хотел от него?..

Давыдович побледнел еще больше. Однако нашел в себе силы ответить спокойно:

— Пригласил посидеть, в шахматы сыграть. Ни тебя, ни мамы дома не было. Скука. Выпили по рюмочке...

— Нет! Вы говорили о заводе. Ты предлагал ему деньги...

— С ума сошла!.. — ужаснулся Давыдович и резко шагнул к дочери.

Полина Варфоломеевна стала между ними.

— Довольно!

Ее властный голос тотчас привел в чувство и отца, и дочь.

— Как ты с отцом разговариваешь, неблагодарная?! — возмущался Давыдович, пытаясь наступать на дочь. — Кто тебе позволил?..

Растерянная Люда побежала в свою комнату.

И почти в этот момент кто-то постучал в дверь. Давыдович вздрогнул: «За мной...» — мелькнула мысль. Он хотел было приказать жене, чтобы никого не впускала в квартиру, но Полина Варфоломеевна уже открыла дверь. Перед ней стоял Макаров.

У Давыдовича отлегло от души. Он поторопился на встречу гостю.

— Здравствуйте, Федор Иванович! Проходите, пожалуйста.

— Что с вами, Михаил Казимирович? — удивился Макаров.

— Ничего особенного... — попытался улыбнуться Давыдович. — Присаживайтесь, пожалуйста! Мамочка, ты бы угостила чем-нибудь гостя, — обратился он к жене.

Но Макаров решительно отказался от угощений, попросил Полину Варфоломеевну не беспокоиться. Когда она вышла из комнаты, Давыдович начал объяснять:

— Такое смешное приключение!.. Власов у меня был. Ну, разумеется, несколько под градусом. Сердитый, расстроенный... Сыграли партию в шахматикши. Потом он начал жаловаться на трудности жизни. Я возьми и скажи ему: «Василий Васильевич, напрасно, говорю, вы сердце имеете на Федора Ивановича, на вас то есть... Федор Иванович, говорю, такой талантливый человек...» Ну, честно скажу, не понравилась ему моя речь. А когда я начал упрекать, что он злоупотребляет водочкой, мол, разве можно так и прочее, тут он сильно осерчал и вот...— Давыдович показал на свою перевязанную голову.— Спасибо, Петя Бобров в ту минуту случился... Вот уж, скажу вам, Федор Иванович, конфузия! И смех и грех...

Макарову было ясно одно, что этот скандал в доме Давыдовича так или иначе касался и его. И не только лично его, но той работы, которую он выполняет. Это вселяло в душу тревогу. Расспрашивать адвоката о подробностях он не считал удобным, ведь ни к заводу, ни к делам конструкторского бюро тот не имел никакого отношения. А вот с Власовым надо побеседовать немедленно.

Когда Макаров поднялся и, выразив сочувствие хозяину, собрался уходить, тот заторопился:

— Но не подумайте, Федор Иванович, что я очень обижен на Василия Васильевича. Конечно, неприятный инцидент, но что поделаешь, у человека нервы взвинчены. Бог ему судья...

Вечером Макаров подходил к дому Власова. На улице уже было темно. В окнах горел свет. На скамеечке возле калитки сидела дочь Власова.

— Здравствуй, Нина! Папа дома?

— Да. Я проведу вас, Федор Иванович,— поднялась девочка.— Злой он какой-то! Меня отколотил недавно...

В передней гостя встретила жена Власова. Приход Макарова не очень обрадовал ее. Из рассказов мужа она была убеждена, что он, Макаров, был причиной всех несчастий в доме.

— Добрый вечер, Капитолина Егоровна! — поздоровался Макаров.— Мне бы Василия Васильевича. Можно?

— Вон там! — указала на дверь хозяйка.

Власов сидел в своем кабинете за столом и тупо глядел в стену. Когда вошел Макаров, он повернул голову,

посмотрел удивленно, как бы спрашивая: «Зачем пожаловать изволили?»

— Удивлены, Василий Васильевич? — спросил Макаров.

— Нет. Садитесь!

После минутного тягостного молчания Макаров объяснил:

— Я пришел вот почему, Василий Васильевич. Меня несколько взволновало происшествие в доме Давыдовича. Мне бы хотелось выяснить...

— Не думал, что вы следователь, — недружелюбно перебил Власов. — Впрочем, я понимаю — Давыдович ваш сосед, а я ваш заместитель. Резонно!

— Но мне кажется, Василий Васильевич, что Давыдович будет жаловаться на вас, — заметил Макаров. — Возможно, подаст в суд. А это не может меня не касаться. Поэтому я хотел бы знать причину случившегося...

— Скандала, хотите сказать? Так вот, Федор Иванович, можете не беспокоиться, в суд он не подаст. А я должен подумать...

С этими словами Власов поднялся, подошел к окну, распахнул его и, заложив руки за спину, стал смотреть в ночь.

Макаров тоже встал. Было ясно, что он больше ничего не добьется от своего заместителя.

Глава двадцатая

Анастасия Семеновна с нетерпением ждала сына. Пирожки укутала мохнатым полотенцем, чтобы теплыми были к возвращению Федора. А главное — письмо. Как он ждал его, сколько раз спрашивал. И вот принес почтальон. Анастасия Семеновна каким-то особым чутьем почувствовала — от Наташи. Боже, хотя бы доброе оно было... Хотя бы они уже договорились, пусть бы поженились, спокойнее стало бы на сердце матери...

Макаров вошел в комнату и удивился.

— Ты еще не спишь, мама?

Анастасия Семеновна заулыбалась, подошла и поцеловала сына в голову, точно не полдня, а полгода не видела его.

— Я тебе пирожков подам, Федя. Садись к столу.
А потом...

Макаров помыл на кухне руки.

— А потом что, мама?

Анастасия Семеновна взяла с этажерки письмо, показала, не сводя с сына ласкового взгляда:

— Потом это...

Макаров сразу узнал почерк Наташи. Разорвал конверт. О, всего три строчки...

«Федя! Уже много времени, как я здесь. Думала, так будет лучше. Но, должно быть, ошиблась. Если хочешь меня увидеть — приезжай завтра, в понедельник. Если не приедешь...»

Увидев засиявшее лицо сына, Анастасия Семеновна подумала на мгновение, что взошло солнце, что наступил рассвет.

— Что она пишет, Феденька?

— Мама!.. — упрекнул счастливым взглядом Макаров. — Ничего особенного. Просит, чтобы я приехал завтра. Но...

— А ты съезди, Федя, съезди! — тотчас посоветовала мать.

— Но у меня завтра весь день занят. И вечер. У директора совещание...

— А ты отпросись.

— Нельзя, мама...

Федор пошел к себе в спальню, включил настольную лампу, стал мерять комнату из угла в угол. Потом распахнул окно, сел напротив. За окном было темно и тихо. В лицо пахнул свежий ночной воздух. На западе вспыхивали бледные молнии, к городу надвигались грозовые тучи. Но Макаров ничего этого не замечал. Перед глазами стоял милый образ. «Наташка! Хорошая моя Наташка!..»

Было уже за полночь, когда Макаров, переждав грозу с ливневым дождем, подошел к кушетке и прилег, не раздеваясь. Спать не хотелось. Хотелось думать о Наташе. Как он виноват перед ней!.. Каким черствым и грубым был всю весну... «Я все оправдывался работой, занятостью... Да за это меня презирать надо. А Наташа любит!..» О, если бы она была здесь сию минуту! Как бы он ласкал ее, какими бы словами извинялся, просил прощения!..

Макаров повернул голову, взглянул в окно. Неужели это после грозы так посветлело небо? Да нет же! Скоро рассвет... Взглянул на часы. «На работу к девяти... Значит, в моем распоряжении целых пять часов!..»

Поднявшись, он написал матери записку, положил на стол и тихонько вышел из квартиры. Лучей солнца еще не видно было, но небо на востоке уже окрасилось почти неестественным багрянцем.

Мысль о том, что он скоро увидит Наташу, всю дорогу до завода не покидала Макарова. Через некоторое время он уже сидел за рулем темно-голубой «Победы». Машина сначала плавно шла по асфальтированной дороге, изви- вающейся вдоль речки, потом точно взлетела на шоссе и помчалась с невероятной скоростью. Встречные кол- хозники, везущие на базар овощи, с удивлением глядели на обезумевший автомобиль, летевший по скользкой дороге.

Свист в ушах переходил в гудение. Встречный ветер трепал волосы. Федор щурился, пристально вглядываясь вперед. Руки крепко держали руль. В отдалении то воз- никали зеленые просторы полей, то вдруг вырастали холмы и обрывы, как бы набегающая своей громадой на шоссе. Вот уже с левой стороны нависли выветренные и отшлифованные дождями глыбы известняка, выдавав- шиеся причудливыми, неприступными обрывами. В глу- бокой низменности по правую сторону лежали полосы легкого уже редевшего с восходом солнца тумана. От- крылась голубая река. Она все время точно колыхалась, торопя вперед бугристые ленивые волны. Позолоченная ранними лучами, она растянулась расцвеченной лентой, вдали напоминая сверкающий меч, испещренный бес- численными блестками.

Наконец Макаров увидел, как постепенно разверты- валась живописная панорама курорта. Заводской дом отдыха и пионерский лагерь вдруг выступили из чащи леса. Было еще очень рано, и утреннее спокойствие пока ничем не нарушалось в этом чудесном уголке.

...Наташа только что проснулась. Все здесь звали ее по имени и отчеству, поэтому она удивилась, когда под окном кто-то привычной скороговоркой произнес слова: «Мне нужно Наташу Тарасенкову...» Сторож ответил: «Наталья Васильевна еще спит».

Наташе не хотелось вставать. Приятно было полежать

с закрытыми глазами. Но вдруг вскочила. «Да это же голос Феде!.. Неужели так рано?..» Наташа не успела закончить своих рассуждений, как в коридоре послышались твердые мужские шаги. Потом в дверь кто-то тихонько постучался. Мгновение она молчала, прислушиваясь. Затем, накинув на себя халат, подбежала к двери. «Кто?»

— Это я... — послышался голос Макарова за дверью.

Наташа вздрогнула, точно этот голос ударил ее в сердце. Даже голова закружилась.

— Подожди... — сказала и сразу поняла, что он не услышал ее. — Подожди, Федя, минутку!..

Быстро надев платье и кое-как причесав волосы, Наташа открыла дверь.

— Здравствуй, Наташка!.. — проговорил Федор, не двигаясь с места.

— Ну, заходи же, — попросила Наташа, отступив на шаг.

Федор схватил ее руки, прижал к своей груди.

— Закрой хоть дверь, сумасшедший!.. — упрекнула Наташа. Федор не только закрыл дверь, но и крючок зачем-то набросил.

— Приехал?.. — тихо спросила Наташа.

— Нет!.. — горячо обнимая ее, почти закричал Федор. — Не приехал... Прилетел! Наташка, скажи что-нибудь. Только, ради бога, не ругай меня, грешного! Смени гнев на милость...

Наташа прижалась головой к его груди. Ни ругать, ни говорить, ни спрашивать ей ничего не хотелось. «Приехал, прилетел... значит, любит... Любит!»

Федор заглянул в ее лицо и увидел, как в уголках глаз и на губах затрепетала еле сдерживаемая улыбка. Почувствовал, будто гора свалилась с плеч.

— Наташка!.. — он легко поднял ее на руки.

Потеряв опору под ногами, Наташа стала отбиваться от него, но сил не было.

— Пусти, медведь! Пусти, тебе говорят... Федя, идем на воздух — к реке, в лес, куда угодно... Сюда могут войти!

— Но я не надолго...

... Возвращаясь в город, Макаров всю дорогу пел песни.

Точно в девять он въехал в заводской двор. Но только

вышел из машины, им снова овладело чувство беспокойства. В сознании возникли все вчерашние события. Надо с кем-то поделиться мыслями. И вообще надо кончать со всей этой возней, освободиться от всего, что путается в ногах, мешает работе. Много уже позади. На днях завод приступает к постройке двух пробных самолетов его новой конструкции. Документация всюду одобрена и утверждена. Но делу не конец. Делу только начало...

Не заходя в конструкторское бюро, он направился в заводоуправление. Навстречу спускалась по лестнице Люда Давыдович. Увидев Макарова, она вдруг остановилась. По всему было видно, что ей не хотелось здесь встретиться с ним.

— Доброе утро, Люда! — поздоровался Федор. — Что ты здесь так рано?

— Здравствуйте!.. — тихо ответила девушка и, больше не проронив ни слова, прошла мимо.

Проводив ее удивленным взглядом, Макаров быстро поднялся наверх.

В приемной его встретила секретарь директора — Оля Груничева.

— Федор Иванович, вас ждет Семен Петрович. Я звонила вам... И Григорий Лукич у него.

— А что с Людмилой Давыдович? — спросил Макаров.

— Не знаю. Она первая была у директора. И пришла и ушла взволнованная...

Макаров пожал плечами и, не задерживаясь, пошел в кабинет директора.

Глава двадцать первая

Вернувшись в конструкторскую, Люда тяжело опустилась на стул за своим столом. Она не жалела о том, что сейчас сделала. Будто камень с души сняла. И директор одобрил ее поступок. «Вы правильно поступили, Людмила Михайловна. А теперь идите и спокойно работайте».

Она придвинула к себе справочники расчетов, чтобы заняться делом, забыть обо всем остальном. Но беспокойство не покидало ее. Нет-нет и поглядывала на Власова, склонившегося над какими-то черновыми эскизами за своим столом. Он похудел за прошедший день, темные

глаза будто затвердели, но в них уже не светились злые огоньки.

К Люде подошел Трунин за какой-то справкой. Просмотрев ее, тихо сказал:

— Не пойму, что с Власовым... Обратился ко мне только что и говорит: «Платон Тимофеевич, давайте мне любую работу — черновую, какую угодно! Не стесняйтесь...» Что с ним стряслось? Неужели одумался?

— Не знаю... — уклончиво ответила Люда. — Не могу сказать, Платон Тимофеевич.

— Хорошо, если он одолел свое упрямство, — легко вздохнул Трунин. — Нам легче станет работать.

Директор потребовал от Люды, чтобы она никому в конструкторском бюро не рассказывала о том, что рассказала ему. Но перед Труниным эта тайна — словно гиря на сердце. Она уже чуть было не проговорилась. Однако нашла в себе силы не нарушить обещания.

Через час к ее столу подошла тетя Поля и сказала, кивнув в сторону кабинета Макарова:

— Федор Иванович тебя зовет.

Люда похолодела на мгновение. Но только переступила порог кабинета ведущего конструктора, мрачные мысли рассеялись. На нее смотрели добрые, доверчивые глаза Макарова. Усадив ее в кресло, он спросил:

— Люда, мне необходимо выяснить один вопрос. За два дня перед выездом из Москвы я послал маме телеграмму, указал номер поезда, вагона. Ты знала об этой телеграмме?

Люда подумала секунду и твердо ответила:

— Да, Федор Иванович. Ваша мама показывала.

— А дома ты не говорила о ней?

— Кажется... Кажется, сказала родителям... А почему вы спрашиваете об этом, Федор Иванович?

Макаров немного помолчал, потом стукнул себя ладонью по лбу.

— Теперь все ясно!..

— Что, что, Федор Иванович?.. — заволновалась Люда.

— Ничего, это я так... Занимайся своим делом.

«Не хитро, но четко сработали, — подумал Макаров, прохаживаясь по кабинету. — Узнали, в каком вагоне еду, и посадили Нескучаеву. Потом эта чепуха с чемоданами, визит домой, случайные встречи... Фу, какая гадость!.. А я-то, я куда смотрел!..»

В это время зазвонил телефон. Макаров взял трубку, выслушал короткое распоряжение и ответил: «Есть!»

— Люда, скажите Власову. — его приглашает к себе директор завода.

Но Власова в конструкторской не было. Оказывается, он сам пошел к директору несколько минут тому назад.

... В кабинете, кроме Соколова и Веселова, был еще какой-то человек в штатском костюме, он сидел у окна и перелистывал свежий номер «Огонька».

Когда Власов поздоровался, директор попросил его присесть и, пристально посмотрев в усталое лицо, спросил:

— Василий Васильевич, вы ничего не хотите нам сказать?

— Да, хочу! Я за тем и пришел. Но... — Власов взглянул в сторону незнакомого человека.

— Здесь все свои, — поняв намек, тотчас объяснил парторг. — Можете не смущаться.

И Власов почувствовал какое-то непонятное облегчение на душе, будто ему сейчас предложили сбросить с плеч непосильную тяжесть, после чего он сможет свободно вздохнуть.

Он рассказывал подробно и неторопливо, стараясь не упустить ни одной детали. Директор, парторг и незнакомый человек слушали его, не перебивая. Когда он закончил рассказ, в кабинете наступила минутная тишина.

— Н-да... — наконец вымолвил парторг, и на его лице появилась легкая усмешка. — Значит, схватили шахматную доску и по лысине?..

— Да, не выдержал... — вздохнул Власов.

Директор поднялся, походил возле своего стола, потом бросил с возмущением:

— Дешево же они хотели вас купить, сукины сыны! Сто тысяч за конструкцию!.. За бесценку, а? — и, обращаясь к незнакомому человеку, добавил: — За кого они принимают советского человека, подлецы!

Тот ничего не ответил.

— Ну, хорошо, Василий Васильевич, вы свободны.

Власов поднялся, но не решался уйти. Посмотрел на директора.

— Семен Петрович, мне бы хотелось поговорить с вами о моей работе. И вообще...

— Непременно поговорим,— пообещал Соколов.— Но сейчас я занят. Подумайте и приходите в конце дня.

... Макарову не сиделось в кабинете. Подписав срочные бумаги, он пошел в зал общих видов, где на месте старой стояла новая модель истребителя, выдаваясь вперед своим узким конусообразным корпусом.

В сравнении с прежней, в этой конструкции резко изменилась конфигурация крыльев. Короткие, тонкие, оттянутые к хвосту, прижатые к фюзеляжу, они придавали самолету целеустремленно-стреловидную форму. Хвостовое оперение тоже было необычно оттянуто назад и заметно приподнято.

Макаров был далек от мысли, что эта конструкция — совершенство. И все же он твердо верил в правильность всех своих расчетов. Верил, что машина преодолет «звуковой барьер».

— О чем задумался, детина?..

Макаров оглянулся. Перед ним стоял Бобров.

— Да вот думаю, Петя... Думаю, что ты скажешь о ней.

— А скажу, обязательно скажу! Дай только в небо подняться. Но ты ведь сам все знаешь...

— Нет! Конструктор никогда не знает всего, на что будет способна его машина. Часто летчики берут от машины куда больше, чем предполагал конструктор. Иногда наоборот...

Увлечшись разговором, Макаров и Бобров не видели Власова, стоявшего неподалеку и прислушивавшегося к их разговору.

Трудно сказать, что происходило сейчас в душе этого человека. Он смотрел на модель самолета и уже видел его в воздухе. Да, цехи уже получили приказ строить... «А каков будет приказ обо мне?..»

После работы Власов позвонил в приемную и попросил секретаря выяснить, сможет ли директор сейчас принять его. Но Оля Груничева ответила, что Соколов срочно уехал в город и она не знает, когда вернется.

— Поедемте вместе домой, Людмила Михайловна,— неожиданно предложил он Люде, убиравшей со стола бумаги.

— Нет, Василий Васильевич, спасибо. Я, возможно... задержусь...

— Бойтесь? — спросил Власов, вздохнув.— Что ж,

пожалуй, есть основание.. Но ненавидеть меня вы не должны!

Люда посмотрела на конструктора. Какой он стал жалкий!.. И ничего не ответила.

Глава двадцать вторая

После минутной встречи с Марфой Филипповной в продуктовом магазине Михаил Казимирович Давыдович почти выбежал на улицу и быстро пошел в сторону городского парка. Это был кратчайший путь домой.

«Бежать, бежать!..—думал он.—Бежать, пока не поздно, пока не схватили.. Взять все деньги и бежать куда глаза глядят.. На край света!..» Предчувствие, что в любое мгновение он может услышать за своей спиной властный голос: «Стой!», не покидало его всю дорогу. Он присматривался к встречным, несколько раз оглядывался назад и по сторонам. Но все люди были как люди, никто не обращал на него внимания.

Взбежав на второй этаж, Давыдович остановился, прижал ладонь к груди, точно хотел успокоить колотившееся сердце. «А что если в квартире ждут меня?.. Что если открою дверь, а мне скамандуют: «Руки вверх!»

Но что делать?.. А может быть, еще никто не знает?..

Давыдович поднялся этажом выше. Все спокойно. У него был ключ от квартиры. Но лучше постучать. Он дважды стукнул косточками пальцев. Тихо. Это придало бодрости. Жена куда-то ушла, а дочь еще не вернулась с завода... Он быстро повернул ключ в замке, скользнул в полутемную прихожую и запер за собой дверь. В квартире была обычная тишина, пахло жареными котлетами и еще чем-то вкусным.

Давыдович быстро прошел в спальню дочери. В углу за письменным столом опустился на колени и легким усилием сдвинул метровый кусок плитуса. Вот в его руках одна пачка сторублевых бумажек, другая, третья... Он сует их за пазуху, в карманы. Шестая, седьмая... Вдруг вскочил, будто ужаленный.

В дверях стояла Люда.

— Это ты, дочка?..—вырвалось у него невольно.

Люда увидела его обезумевшие от страха глаза.

— Да, это я. Что ты здесь делаешь?

— Ничего, ничего... Ты выйди!

— Откуда эти деньги, папа? — будто чужим голосом спросила Люда.

И тотчас подступила к отцу.

— Не смей!..— вдруг закричал Давыдович.— Уйди!.. Добром прошу!..

Он схватил ее за руку, пытаясь отбросить от двери и выбежать. Но у Люды тоже появилась сила. Она вырвалась, расставила руки.

— Не пущу!.. Не пущу!..

— Ах, так!..

Над головой Люды мелькнуло тяжелое малахитовое пресс-папье. Девушка покачнулась, медленно опустилась и упала навзничь, залитая кровью.

Давыдович взглянул на дочь и окаменел. Ему послышались шаги в передней. Не отдавая себе отчета, он бросился в гостиную, потом в прихожую и здесь услышал то слово, которое всегда преследовало его: «Стой!» Оно будто громом сразило.

... Наконец шевельнулись веки. Люда медленно открыла глаза и увидела над собой пожилую женщину в белом халате. На ее добром лице поблескивали стекла оправленного в золото пенсне.

— Где я?..

— Дома.

Обволакивавший ее туман постепенно рассеялся. Утих гул в ушах. Люда почувствовала, что жизнь возвращается к ней. Делая над собой усилие, чтобы вспомнить что-то, она молчала минуту. Затем сказала слабым голосом:

— Меня ударили... помню...

— Но теперь это уже не страшно,— ласковым голосом объяснил врач.— Сейчас мы вас отправим в больницу.

— Нет, нет!..— вдруг услышала Люда протестующий голос Боброва.

— Петя!..— вымолвила тихо.— Подойди ко мне...

Бобров тотчас поднял ее на руки и легко, будто невесомую, перенес на диван.

В эту минуту сюда вбежала Полина Варфоломеевна и, заголосив, упала перед дочерью на колени. Вслед за ней вошла Анастасия Семеновна и первым долгом начала расстегивать кофточку на груди потерявшей сознание Люды.

Макаров подошел к Боброву, положил руку на плечо.

— Пойдем, Петя.

— Не могу!..

— Да у меня посидишь. Это же рядом...

Макаров взял летчика под руку и повел к себе в квартиру.

— Вот такие-то дела, Петр Алексеевич,— сказал он, усадив летчика рядом с собой возле открытого окна.— Жили и не замечали, какая мерзость завелась рядом!..

— Но раздавили! — подняв глаза, ответил Бобров.— Как гадину! Все четверо взяты...

— Кто еще? — изумился Макаров.

— Нескучаева, продавщица ларька и какой-то зубной врач.

— Сволочи! — скрипнул зубами Макаров.— Мразь!

— Ну, ты отдыхай, Федя, а я пойду к Люде. Не могу я тут сидеть, если она... Может быть, надо помочь... Неужели ты не понимаешь?

Наступила тихая ночь. От реки тянуло свежестью. Заречные луга покрылись легким туманом. На фоне темносинего безлунного неба вырисовывались ломаные очертания черных крыш. Откуда-то в комнату наплывали задумчивые звуки рояля. Федор слушал эту приятную музыку, но мыслями был далеко — там, на заводе.

Он видел перед собой только что построенный новенький самолет необычных форм. Вот его подняли в лаборатории прочности под потолок, опутали паутиной стальных тросов. Лебедки все сильнее и сильнее натягивают блестящие нити. Он смотрит на диски силомеров. Стрелки движутся все медленнее и медленнее, уже почти стоят на месте... Но «прочнисты» неумолимы. Еще, еще!.. Вот уже дана такая нагрузка, с какой машина в действительности никогда не встретится. А самолет целехонек — ни прогиба, ни разрыва... «Все равно разломаем...» — безжалостно говорят «прочнисты». Тяжелая «баба» с грохотом бьет по шасси. Сила та же, как если бы самолет приземлился...

Вдруг кто-то постучался в наружную дверь. Кто бы? У матери ведь есть ключ... В такой поздний час...

Макаров открыл дверь, не спрашивая. Перед ним стоял Власов.

— Не прогоните, Федор Иванович?

— Нет. Заходите, Василий Васильевич.

Они прошли в гостиную, сели за круглый стол друг против друга. Одетый в длинный светлый макинтош с поднятым воротником, Власов целую минуту недвижимо смотрел в угол. Его редкие, ставшие почти белыми, волосы были беспорядочно разбросаны во все стороны.

— А я только что с допроса...— наконец сказал он.— Но распространяться об этом не велено.

Власов тяжело вздохнул, затем поднял голову и устремил взгляд на Макарова. Сказал, пересиливая себя:

— Я, Федор Иванович, о работе хотел поговорить...

— Слушаю вас. Курите...

Макаров взял папиросу и подвинул коробку гостю. Только чиркнув спичку и поднеся ее к лицу Власова, он увидел, что оно бледное, без кровинки.

— Говорите, Василий Васильевич.

И еще минута молчания. Власов глубоко затягивался густым дымом, пока не сгорела вся папироса. Потом вдруг поднялся.

— Нет, Федор Иванович, я еще должен подумать, прежде чем просить вас... То, что вы не выставили меня сейчас, не захлопнули перед моим носом дверь, свидетельствует о том, что у вас есть сердце... Но я еще не готов к разговору с вами. Извините! Спокойной ночи!..

Только Власов ушел, в гостиную ступила Анастасия Семеновна.

— Ну, слава богу, все благополучно с Людмилой,— сказала, устало опускаясь на стул.— А Василий Васильевич чего приходил, Федя? Ох, сколько суеты!..

— Хотел что-то сказать мне, но передумал,— ответил Макаров.— Мучается человек. И я его понимаю... Таких, как Власов, среди нас не так уж много. Но все же есть. Немало в этом человеке гадкого, но и хорошего немало. Хочу понять — чего в нем больше? И странно, мама, не считаю я его врагом ни людям нашим, ни делу нашему. Только как бы мне в этом убедиться?

— Трудно что-нибудь посоветовать тебе, сынок, хотя и чувствую сердцем, что правильные твои мысли,— ответила мать.— Не отталкивай его от себя, Федя. Иногда и пожилого и старого человека надо приласкать. Каждому тепло дороже, чем холод. Тебе полагается приласкать его. У него ты ведь учился своему ремеслу...

Глава двадцать третья

Как только завод приступил к постройке двух пробных самолетов, в конструкторском бюро на какое-то время наступило затишье. Часть инженеров перенесла свою работу в цехи и заводские лаборатории. Там же проводил дни и ночи Макаров, стремясь всюду поспеть, ничего не упустить из поля зрения.

Раньше ему казалось, что как только будет отдан приказ о постройке пробных машин — гора свалится с плеч, он свободно вздохнет. Но в действительности оказалось все не так. Забот и тревог стало не меньше, а больше.

Что скажут прочнисты? Как пройдут испытания в воздухе? Будет ли прорван «звуковой барьер»? Как будет вести себя в небе эта невиданная доселе «птица» с оттянутыми назад крыльями? Не потеряет ли управляемости?..

Но ни у кого, даже у ведущего конструктора не хватало решимости ответить на этот вопрос. Впрочем, никто такого вопроса и не ставил во всеуслышание, потому что на него ответить определенно невозможно было. И до этой конструкции сколько уже было гипотез и оригинальных идей, но не в меньшем количестве пережито и разочарований и горечи от неудач, хотя конструкторам часто казалось, что они, наконец, близки к цели.

Однажды Макарова вызвал к себе директор завода. В кабинете в это время находился Гришук. Как только Федор вошел, главный инженер приветственно кивнул ему и тотчас отправил себе в рот круглую желтоватую лепешечку.

— Черт знает, что со мной творится. Голова как свинцом налита! — сказал Павел Иванович, беспомощно поведя головой. — Напоминает о себе малярия. Я ее с востока после войны привез.

Соколов поморщился, глядя на главного инженера, потом подал стакан воды.

— Выпейте! Советую не глушить себя хинином. Лучше отлежаться. Садись, Федор Иванович, — точно вдруг только что заметив конструктора, предложил директор. — У меня есть предложение... Как ты думаешь по поводу отпуска? Не поехать ли тебе в дом отдыха, а?

— Семен Петрович, мы приступили к подготовке...

— Вот, вот! — перебил Соколов. — Пока тут будет

идти подготовка к постройке пробных, для наблюдения достаточно одного Трунина. А ты тем временем загорай, запасайся силами. Кстати, посмотри, какая погода стоит!

— Но в отпуск не мне бы следовало идти, а тому же Трунину. Ну, и Людмиле Давыдович. Оба они в прошлом году были отозваны из отпуска, а я свой использовал полностью.

— Федор Иванович, позвольте и мне дать совет,— вмешался в разговор главный инженер. Вам обязательно необходимо отдохнуть... Тем более после такого напряжения ума и физических сил.

Макаров поднял на главного инженера глаза, даже кашлянул, чтобы скрыть недоумение. Потом снова стал говорить, что обещал отпуск Трунину и Людмиле.

Соколов нахмурился.

— Трунин останется вместо тебя. Дело он знает. А ты и Людмила можете отправляться на отдых. Хочешь — бери с собой машину, покатаешься по окрестностям. Но главное — отоспись хорошенько...

Перспектива побыть в доме отдыха не могла не вызывать у Макарова радости. «Завтра Наташку увижу!..» А когда вечером ему неожиданно вручили письмо, чуть не подпрыгнул от радости. «Федя, жду не дождусь! Приезжай в воскресенье. Наташа».

Выйдя из конструкторского бюро, Макаров увидел Боброва и Люду, о чем-то споривших. Вот уж неугомонная пара!..

— Федор Иванович, как вам нравится? — заговорила Люда. — Думала, отдохну месяц, но, оказывается, и этот умудрился путевку взять.

Макаров видел радость в ее посветлевших глазах. Улыбнулся.

— Как же мы поедem в дом отдыха, граждане Бобровы? — спросил он шутливо. — Предлагаю отправиться по реке.

— Разумеется, на пароходе! — согласился летчик. — А может быть, на вертолете? Этак бы я тебя, Федя, спустил с небес прямо в объятия некоторых с медицинским образованием!

...Пароход отправился в час ночи. До курорта шесть часов ходу. Как всегда в канун выходного дня, пассажиров ехало много, не протолкаться. Но затем люди разошлись по каютам, поредело на палубе, притихло.

Солнце всходило рано. Его первые лучи ударили Федору в лицо в тот момент, когда он поднимался по трапу на безлюдную палубу. Под сизой дымкой тумана расстилалась бесконечная водная гладь. Справа — холмы, слева — лес. Солнце поднималось все выше и выше. Вдали река отливала синевой, а ближе к пароходу сверкала бесчисленными морщинками. О борт тихо ударились небольшие волны и с шумом рассыпались в белую пену. Светлое небо становилось похожим на огромный голубой шатер.

И вот возникла, наконец, гора. Чтобы увидеть ее зеленую вершину, Макарову пришлось запрокинуть голову.

Как только пароход приблизился к причалу, Федор сразу увидел Наташу — стояла на берегу. «Ожидает. Верила, что приеду, Наташка моя!..»

— Наташа! — крикнул Федор.

Она быстро оглянулась в его сторону, улыбнулась, приветственно помахала рукой.

Через минуту пассажиры хлынули на берег. Подбежав к Макарову, Наташа остановилась, взглянула ему в глаза.

— Приехал? Или прилетел?

Макаров оглянулся на пароход, ответил шутливо:

— Нет, приплыл.

Наташа сначала шла рядом с Федором, потом на узкой тропке вырвалась вперед — бодрая, возбужденная. На вершине остановились рядом. С горы виднелись покрытые хлебами поля, а выше под отвесными глыбами красноватой породы извивалась тропинка. На уступах приютились редкие кустики и небольшие деревья.

— Как красиво! — оглянувшись вокруг, сказал Федор.

— Думаешь, я привела тебя в это место, чтобы ты полюбовался природой? — неожиданно спросила Наташа. — Ничуть! Роща, река, солнце, небо, звезды, утренняя и вечерняя заря — это очень красиво!.. Но поверь, все здесь было как-то не для меня... Только вот эта гора — свидетель. Она знает, куда я отсюда глядела. Я здесь часто грустила по тебе, Федя.

Девушка схватила его за руку и увлекла по крутой тропинке вперед — они очутились под навесом скалы.

— Посидим, — предложила она, указывая на плоский серый камень, сверху поросший жиденьким мхом. —

Я тут часто сидела. Иногда часами! Воткнушь, бывало, подбородком в колени, смотрю на дорогу. Знаю, что не увижу твоей машины, но продолжаю глядеть...

Вместо ответа, Федор нагнулся и нежно поцеловал ее.
— Не надо!.. — испуганно прошептали ее губы.

Они шли медленно, каждый чувствовал внутреннее спокойствие. Макарову хотелось затормозить ощущение нарастающего восторга, он точно боялся, как бы все, что ощущал, не оборвалось внезапно. Сейчас его радовало все, что видели счастливые глаза,—небольшие зеленые дубки, ветвистые акации. Он всей грудью вдыхал чистый, напоенный цветочным ароматом воздух. От радости немного кружилась голова.

Наташа пригласила Федора к себе. Но только он приоткрыл дверь, как в коридоре послышался легкий стук каблучков. Тотчас на пороге появилась Александра Васильевна в пестром сарафане и в широкополой соломенной шляпе.

— Наташа...— заговорила старшая сестра, но, увидев Федора, подалась назад.— Ой, ты не одна...

— Заходи, Саша.

— Я на минуточку. Гриша в столовой. Там уже завтракают. После завтрака мы прямо на пляж. Пойдешь с нами?

Макаров отошел к окну. Наташа наклонилась и что-то шепнула старшей сестре. Саша в ответ что-то прошептала Наташе и усмехнулась, поглядывая на Федора. Затем так же внезапно, как и вошла, выпорхнула из комнаты в коридор.

Макаров и Наташа остались вдвоем. Вздохнув облегченно, улыбнулись друг другу.

— Наташа,— заговорил Федор, словно делая усилие над собой,— ты согласна, что нам больше тянуть ни к чему?..

Сказав эти слова, он так пристально посмотрел ей в лицо, что она смутилась. Чтобы не выдать радости, откинулась на спинку стула и, высоко подняв голову, стала что-то разглядывать на потолке. Просидев в таком положении с минуту, выпрямилась, спросила, зардевшись:

— Почему ты на меня так смотришь?

Он промолчал, не отрывая от нее глаз.

— Что же ты молчишь? О чем думаешь?

— Я просто радуюсь...

— Так уж?..

— Ты как роза — вся расцвела вдруг!

Наташа глядела на него прямо, немного щуря веки. Федор хотел отойти вглубь комнаты, но остановился, взял за плечи. Подняв голову, Наташа потеплевшим взглядом молча уставилась на него, усмехнулась. Позволила прижать себя к груди. Он еле улавливал ее притихшее дыхание. И ей приятно было слышать биение его сердца, испытывать такое ощущение, словно все в ней как бы переливалось во что-то новое. Будто в ней уже начало зарождаться прежде неведомое, что-то общее... Это чувство было еще смутным, но сознанию становилось ясно, что все это будет. Верила — любима!

...На следующий день рано поутру с первым парходом возвращались в город все, кто отдыхал здесь в выходной день. Уезжали супруги Веселовы. Наташа и Федор поднялись раненько, чтобы проводить их к причалу. Сестры пошли вперед, у них был свой разговор. Макаров и парторг немного отстали. Им тоже надо было кое о чем поговорить.

— Я о Власове...—первый начал Макаров.—Не думаю, что после всей этой передряги он останется прежним. Вот решил он перейти в цех.. Это хорошо. Вы не думайте, Григорий Лукич, что я пускаю слезу, что я мягкотелый. Нет. Но я не забываю одного: Василий Васильевич—конструктор. Пусть немного побудет в цехе рядовым инженером, а затем... Затем мы с ним сядем за новую работу!

Веселов покачал головой.

— Святой ты человек, Федор Иванович!.. Так и слышится в твоем голосе: «Мир вам, людие...» Много грехов у Власова. Долго их искупать придется! Подумать страшно — советский конструктор, которому государство так доверяло, едва-едва не оказался на службе у врага. Нет! Посоветуюсь, да и поставлю его перед всей партийной организацией, пусть коммунисты решат — быть ему в партии или не быть. Думаю, исключат.

Последние слова Веселов произнес тихо, на его лице появилось выражение досады.

— Ну, есть, Федор Иванович! — вздохнул он и положил руку на плечо Макарову.— Разберемся во всем. А ты отдыхай, набирайся сил. Впереди много дел!

В это время сестры остановились, подождали мужчин.

Саша взяла мужа под руку, с другой стороны Наташа. Они будто повисли на нем.

— О чем это вы спорили с Федором Ивановичем? — полюбопытствовала Саша.

— О весьма серьезной проблеме, — не задумываясь, ответил Веселов. — Понимаешь, какое дело. Бобров и Макаров собираются очень высоко подняться в небо. Вот мы и решили просить Наташу, как врача, подумать над специальным «высотным» меню для этих молодцов. Как ты смотришь, Наташа? Ведь их надо питать сейчас поосновательнее. Нет, я серьезно говорю.

— Принимаю поручение, — ответила Наташа.

— Ну, вот так! — взглянув на Макарова, подмигнул глазом парторг. — А ты сомневался, Федор Иванович. Только чур — во всем слушайся Наталью Васильевну!

Веселой гурьбой подошли к причалу, у которого уже стоял пришвартованный пароход с белоснежными парусиновыми тентами на верхней палубе.

Когда сестры прощались, Саша притянула к себе Наташу, поцеловала в щеку и шепнула на ухо:

— Значит, ты счастлива?

Наташа, порозовев, кивнула головой.

— Очень!..

Глава двадцать четвертая

Когда Власов узнал о том, что партийное бюро предполагает в ближайшее время рассмотреть его персональное дело, покой опять покинул его. «В чем моя вина? — по сто раз на день спрашивал он себя. — Ведь я не более как жертва превратностей судьбы... Что делать? С кем посоветоваться? Кто поймет меня?..»

Беседы с парторгом Веселовым и директором Соколовым ни к чему не привели. Оба ответили почти одинаково:

— Будем разбирать. Пусть коммунисты знают. Они и решение вынесут справедливое. Многое будет зависеть от тебя самого...

Власов решил посоветоваться с главным инженером. поговорить с ним, как со старым товарищем. Быть может, он скажет что-нибудь разумное, развеет это отвратительное, иссушающее душу чувство страха.

В первый же воскресный день, сказав жене, что хочет пройтись по городу, Власов пошел к Грищуку.

— Позвольте, Павел Иванович? — войдя в дом, с напускной развязностью начал он. — В засуху ищут живительный источник, в беде ищут друга. Нуждаюсь в вашем совете.

На лице главного инженера не отразилось удивления. Он знал, что раньше или позже Власов придет к нему. И все же слегка поморщился досадливо. В порядке вежливости полагалось бы подняться навстречу гостю, но он не сделал этого. Оставаясь в кресле, указал на стул.

— Садитесь, Василий Васильевич.

— Вы знаете о том, что меня будут слушать на партийном бюро? — без длинных предисловий спросил Власов.

— Знаю. Не только будут слушать, но и решение соответствующее будет принято, — спокойно ответил Грищук.

— Но ведь могут исключить из партии...

— Вполне.

Лицо у Власова вытянулось, глаза потемнели. Он едва сдерживался, чтобы не сказать что-нибудь резкое, оскорбительное.

Грищук взглянул на него и подумал: «Глаза какие безумные! Еще хватит меня по голове чем-нибудь, как адвоката...» Заговорил успокоительно:

— Однако, Василий Васильевич, ни при каких обстоятельствах не следует терять присутствия духа.

— Значит, вы меня считаете виновным? — упавшим голосом спросил Власов.

— Да, в том, что вы распустили нюни с этим мерзавцем Давыдовичем, считаю вас виновным. Дружбу завели с врагом, в душу свою позволяли заглядывать — это тяжкая вина.

Что можно было возразить? Власов тяжело вздохнул. В груди закипела злоба на этого спокойного человека.

— Однако, Павел Иванович, меня будут обвинять и в том, что я в самую трудную минуту разорвал с Макаровым... В этом-то вы меня поддерживали?

«Вот куда гнет!..» — подумал Грищук.

— Ну, батенька, — возразил он, — вы, пожалуйста, формулируйте наши отношения точнее. Я поддерживал

и поощрял спор между двумя конструкторами, соревнование умов. Одно время мне казалось, что вы правы. Но вы не сумели доказать свою правоту, силенок не хватило. А Макаров это проделал с блеском. Вот так!

Теперь для Власова все стало ясно. Никаких надежд на главного инженера возлагать не было смысла: «Зачем я только пришел к этому барсуку?» — горько упрекнул он себя. Все же решил задать еще вопрос:

— Павел Иванович, вы будете выступать на бюро?

— Очевидно.

— Но ведь ваш голос очень много значит...

Гришук подумал немного. Затем придвинул к себе шкатулку с душистым табаком и стал набивать им трубку. Наконец заговорил неторопливо.

— Василий Васильевич, вы пришли ко мне за советом. Извольте выслушать внимательно. Я отлично понимаю, что вы в затруднительном, мягко говоря, положении. Понимаю, что вы ищете сочувствия и поддержки. Так вот — и то и другое вы найдете прежде всего у своего противника. Да, да — у Макарова.

— У Макарова? — воскликнул Власов.

— Да!

— Как это?

— А вот попытайтесь поговорить с ним по душам. Вы сказали, что мой голос много значит. Но голос Макарова в вашем деле может быть самым весомым. Да, да.

Власов почувствовал боль в груди. «Нет, не стану ползать перед учеником! Да он всю жизнь будет презирать меня!..»

— Вы, однако, правильно поймите меня, Василий Васильевич, — продолжал Гришук. Мой совет поговорить с Макаровым отнюдь не означает, что я советую вам лечь перед ним кверху лапками. Нет! Он сам этого не пожелает. Но я знаю, что он мечтает о дальнейшей совместной работе с вами.

Много горечи в душе уносил Власов после встречи с главным инженером. Но и светлое пятнышко появилось. «Значит, Макаров мечтает о дальнейшей совместной работе со мной?..» Эта мысль вселяла надежду, согревала остывшую душу.

Глава двадцать пятая

Две недели промелькнули, как один день, как один час. Наташе казалось, что время остановилось. Макаров ведь только что приехал. Они еще не успели насмотреться друг другу в глаза...

— Федя, ну объясни мне, почему ты такой беспокойный сегодня?

Они сидели рядышком на садовой скамье, тесно прижавшись друг к другу. Перед ними лежала цветочная клумба, будто огромная, изумительно расшитая подушка. К вечеру цветы ожили, наполнили воздух чудесным ароматом. Со стороны реки тянуло легкой прохладой.

Макаров обнял Наташу, точно хотел согреть ее, и задумчиво сказал:

— Я должен завтра утром уехать в город.

— Не понимаю, что это значит... — испугалась Наташа. — Объясни же! Там случилось что-нибудь? На заводе неблагополучно?..

— Нет, не то. Понимаешь, завтра на партбюро будут рассматривать дело Власова. Я звонил. Григорий Лукич говорит, что мое присутствие не обязательно... Но я должен присутствовать. Не знаю, хорошо или плохо буду говорить, но обязательно выступлю.

Его лицо, его голос были решительными.

Наташа, закусив губу, не нашлась, что ответить. Ей хотелось заплакать от обиды. Но понимала, это ни к чему — все равно будет так, как он решил.

В эту ночь она задавала ему тысячу вопросов, на которые и не надо было отвечать. Макаров только нежно ласкал ее, целовал в губы, щеки, глаза... А летние ночи коротки. Вот уже порозовел восток.

После вчерашней духоты деревья, трава, цветы спали в предзаряской тишине. Во всем чувствовалось что-то дремотное, навевающее сонливость.

Шагая с Федором рядом, Наташа слегка вздрагивала от ощущения сыроватого холодка. Не спускаясь к причалу, они остановились на высоком берегу.

— Посидим, Федя...

Макаров постелил плащ, усадил Наташу, сам присел рядом. Некоторое время оба хранили молчание, каждый по-своему переживал предстоящую разлуку.

— Ты обещаешь мне, что не будешь скучать, — первым

заговорил Федор.— Если удастся уговорить Силу Иванovichа, тогда и ты скоро вернешься в город.

— Из этого ничего не выйдет,— вздохнув, возразила Наташа.— Когда я давала согласие сюда на работу, то обещала побыть до конца сезона. Я сдержу свое обещание, Федя.

Она прижалась к нему своей грудью, он ткнулся лицом в ее пушистые волосы.

— Федя, неужели между тобой и Власовым отношения были неискренними? — вдруг спросила Наташа.— Вас на заводе считали хорошими друзьями. Я никак не могу понять, неужели раньше он не желал тебе добра?

— Я не могу этого сказать,— тихо ответил Федор.— После первой нашей совместной конструкции он сказал как-то: «Я имел возможность понаблюдать за вашим усердием, Федор Иванович. Радуюсь! Скажу прямо: не всякому такая настойчивость и внимательность присуща. Но вы на меня не обижайтесь, если я откровенно скажу: есть у вас и недостатки. Возникла мысль, и вы сразу хватаетесь за нее, совершенно не затрудняя себя глубокими размышлениями». Я убежден, что тогда он искренне желал помочь мне. Я слишком увлекался. Иногда он даже посмеивался надо мной: «Идей у вас столько в голове, что вы не в состоянии с ними справиться».

— А правильно он это сказал? Ты не обиделся на него тогда?

— Нет, не обиделся. Говорил он правду-матку.

— Ну вот видишь,— с чувством облегчения сказала Наташа.— Значит, он был другом.

— Я этого никогда не отрицал,— ответил Федор.

Он взял Наташину руку и поцеловал. В это время где-то в тумане заревел гудок приближающегося парохода. Поднявшись, они встали друг против друга.

— Верь, Наташенька, что Власов мне не безразличен.

Простившись, Федор почти бегом побежал на пристань. Взойдя на пароход, оглянулся. Но Наташи уже не видно было. Кругом на палубе — пассажиры, едущие в город из дальних мест. Ему казалось, что все они смотрят на него. Пройдя на нос парохода, снова стал глядеться в берег. Вон она — стоит, машет платочком!.. До свидания, Наташка! До свидания, родная!..

Зашумели колеса. Пароход отчалил и вышел на середину реки.

Утро наступало медленно, туман расступался с неохотой. Но все же редел, и наконец на поверхность воды мягко пали первые солнечные лучи, покрывшие реку золотистой рябью.

Только Федор сошел на городскую пристань, тотчас перед ним встал вопрос: «А теперь куда? Прямо на завод или заглянуть к Власову?».

Девяти часов еще не было. Он надеялся, что Власова застанет дома. Нужно поговорить с ним до партбюро, чтобы твердо чувствовать себя потом, когда придется сказать свое слово — за или против.

«Н-ну, давай, брат! — как бы подкрепляя свою решимость, произнес он. — Если Власов и недружелюбно встретит, не беда. Давай вперед, не теряя времени».

Власов встретил его без воодушевления. «Ага, сам явился», — говорили глаза его. Он стоял в саду, подрезая небольшим ножом усохшие ветви деревьев.

— Здравствуйте, Василий Васильевич!

Власов равнодушно поздоровался, сделав вид, что не заметил протянутой руки. Недоумение было в глазах Федора. Но он не опустил головы, а пристальней глянул на бывшего учителя, неестественно постаревшего за последнее время.

— Я вижу, Василий Васильевич, вы не рады видеть меня? Я в чем-то виноват перед вами?

— Ваша вина передо мной? — усмехнувшись, проговорил Власов. — Никакой вины... А впрочем — да!

— Если она есть, хотелось бы знать — в чем?

— Извольте. Я скажу. Не знаю только — поймете ли меня... Вы — это молодость, а я, как видите, постарел.

— Но позвольте же...

— Не надо! — вяло отмахнулся Власов. — Я знаю — вы скажете, что в этом вины вашей нет. Отвечаю: вы правы!.. Отвечаю, но в душе не соглашаюсь с этим. Удивляетесь?

— Немножко.

— Я и сам понимаю — нет ничего худшего в жизни, чем навязчивая зависть к молодости. Но что делать — завидую... Да, Федор Иванович, завидую вам! Однако расскажите-ка лучше, как вы отдохнули. Садитесь, — Власов сел на небольшую скамью под рослой яблоней, жестом пригласил гостя.

— Отдохнул я вполне прилично. Солнце, воздух, вода,— там этих благ предостаточно,— ответил Макаров, обрадовавшись перемене разговора, и в свою очередь поинтересовался: — Ну, а вы как, Василий Васильевич? Как досуг коротаете?

Власов вздохнул.

— Не очень весело...

— Что так?

— Вы, должно быть, делаете вид, что ничего не знаете... Сегодня в три часа дня Власова исключат из партии... В этом нет сомнения... Или вам действительно ничего не известно?

Макаров достал папиросу, медленно раскурил.

— О том, Василий Васильевич, что вас сегодня будут слушать на бюро — я знаю. Но какое будет решение — мне неизвестно. Собственно, я и зашел к вам с той целью, чтобы поговорить перед заседанием...

— Только прошу вас не выражать сочувствия! — холодно попросил Власов. — Я все продумал за эти дни, все оценил и переоценил. Доложу партийному бюро, как было, как есть — и пусть коммунисты решают. Любой приговор приму, как должное.

Макаров почувствовал, что дальнейший разговор на эту тему вести не следует. Через несколько часов этому человеку предстоит пережить тяжелое испытание. И, судя по всему, он готов к этому.

— Да, любое решение приму как должное! — повторил Власов и, опершись руками на колени, тяжело поднялся.

... Партийное бюро заседало в кабинете Веселова. В небольшой комнате собралось человек пятнадцать. Сидели молча, дожидались Соколова и Грищука, задержавшихся в связи с каким-то срочным разговором с Москвой. У каждого на душе было смутно. Впервые предстояло слушать такой тяжелый вопрос.

Когда вошел директор, все обратили внимание на его улыбочивое лицо. Должно быть, разговор с Москвой порадовал его чем-то.

— Давайте, товарищи, откроем окна,— неожиданно предложил Соколов.

Кабинет сразу наполнился свежим воздухом. И

улыбка директора, и свежий воздух как-то неожиданно подняли настроение присутствующих.

Заседали долго, как никогда раньше. Власов говорил немного, но в прениях высказались все. Тяжелые и резкие слова звучали в этой небольшой комнате. Власов прислушивался к тому, что говорили люди, которых он знал по десятку лет и больше, которых уважал, которые ругали его, но не умаляли заслуг в прошлом, и седая голова его опускалась все ниже и ниже.

Предложений было два: одни требовали исключения из партии, другие предлагали перевести на год в кандидаты. Голоса разбились почти поровну. Решил голос мастера цеха, в котором сейчас работал Власов.

— Пусть побудет в наших рядах еще год, — сказал мастер. — Пусть своей работой и делами искупит вину. А не пожелает этого — коммунисты нашего цеха первыми предложат исключить.

Кажется, больше других был взволнован Макаров. Он машинально сунул руку в карман, достал папиросу и чиркнул спичку, но сразу сообразил, что еще в начале заседания условились не курить.

Когда партторг спросил Власова, не желает ли он что-нибудь сказать в заключение, тому тяжело было приподнять голову. Он сидел склонившись, облокотясь на колени, глядел в пол. Лишь повторное приглашение дошло до его сознания. Поднялся — высокий, похудевший, обвел присутствующих глазами и коротко ответил:

— Я оправдаю ваше доверие.

Глава двадцать шестая

Лето проходило. Дни становились короче. Уже начали покрываться нежной позолотой березы и клены. В роще за курортом появились неугомонные сороки и синицы — предвестники приближавшейся осени.

Давно уехали в город Петр Бобров и Людмила Давыдович. Скука стискивала сердце Наташи, когда она возвращалась с работы в свою комнатку, казавшуюся ей невыносимо пустой. Уезжая, Макаров обещал часто навещать ее, но за все время только дважды сумел вырваться сюда. И Наташа не имела права обижаться. Она знала, что на заводе горячая пора. Пробные само-

леты построены, не сегодня — так завтра предстояло испытание в воздухе. Конечно, не мог Федор к ней часто приезжать.

Наташа каждый день подсчитывала, сколько еще осталось времени. Боже, как мучительно будут тянуться последние полтора месяца!..

И вдруг совсем неожиданно... Сначала послышались шаги в коридоре, затем стук в дверь.

— Войдите!

В комнату вошли заведующий домом отдыха и молоденькая девушка.

— Вот вам смена, Наталья Васильевна, — сказал заведующий. — Познакомьтесь и попрощайтесь... Завком прислал молодого врача...

Девушка протянула руку Наташе, назвала свое имя и фамилию.

На рассвете Наташа уже сидела на палубе парохода. Всю дорогу она думала только об одном — о встрече с мужем. И еще думала о том, что пароход идет нетерпимо медленно. Но вот и город... Глаза ее заблестели.

«Где же Федор?..» — всматривалась она в толпившихся на пристани людей.

Сойдя на берег, оглянулась вокруг и вдруг увидела возле машины Макарова Анастасию Семеновну. Торопливо подошла к ней, протянула руку, чтобы поздороваться. Но свекровь не подала своей руки. Наташа догадалась. Застеснявшись, обняла ее и поцеловала, как родную мать, в обе щеки. За это Анастасия Семеновна поцеловала ее трижды.

— А Федя не приехал? — спросила осторожно Наташа.

— Занят он, дочка, — степенно ответила свекровь. — Прислал машину и мне повелел тебя встретить.

Уже в пути Наташа, не выдержав, спросила тревожно:

— Сегодня испытывают в воздухе?

Анастасия Семеновна знала все. У сына не было секретов перед родной матерью. Со вчерашнего вечера болело ее сердце. Эту ночь она глаз не сомкнула, все прислушивалась, хорошо ли спит Федор. А на рассвете прибежал летчик Петр Бобров — веселый, как всегда. «Вставай, лежебока! — толкал он Макарова. — Вставай да посмотри на небо»... В ту минуту у матери сердце оборвалось...

Анастасия Семеновна посмотрела на невестку и ответила на ее вопрос:

— Не знаю, доченька, ты бы сама поехала на завод. Высади меня возле дома — и езжай.

Когда машина, развернувшись возле заводоуправления, остановилась у парадного, оттуда вышли Соколов, Грищук, Веселов, Макаров, Бобров, конструкторы и небольшая группа незнакомых людей. Они направились к заводскому аэродрому. Позади всех шел Власов. Наташа догнала его, придержала за руку.

— О, Наталья Васильевна!.. Значит, успели? Пойдемте с нами.—Власов улыбнулся, пожал ее руку.—Сегодня у вашего мужа экзамен на аттестат зрелости...

— Летят? — испугалась Наташа.

— Бобров летит. Двенадцатый раз поднимает машину в воздух. Сегодня — решающий полет... Идет на штурм!

— Василий Васильевич, ничего не случится?..

Власов вздохнул.

— Хочу, Наташенька, чтобы ничего не случилось!

Все, кто должен был присутствовать при испытании нового самолета, остановились у входа на аэродром. Небо было удивительно голубое, в нем сияло ослепительное солнце.

Неподалеку возле ангара стояла, поблескивая серебром, стреловидная машина с оттянутыми назад, как бы прижатými к фюзеляжу короткими крыльями. Возле нее озабоченно ходили механики.

Наташа со стороны наблюдала за Макаровым, разговаривавшим с директором завода. Как ей хотелось сейчас подбежать к нему, обнять и поцеловать!..

Но вот все стали пожимать руку Боброву, дружески сулили ему ни пуха ни пера, желали счастливого пути и благополучного возвращения.

— Ждите с победой! — помахав всем рукой, бодро воскликнул летчик.

Подойдя к самолету, Бобров легко взобрался в пилотскую кабину и защелкнул над собой прозрачный фонарь. Стартер взмахнул флажком. Тотчас из сопла с грохотом вырвалось бледно-синеватое пламя. Пробежав по бетонированной взлетной площадке, самолет вдруг оторвался от земли и стремительно рванулся в небо, оставляя за собой беловато-серый шлейф дыма.

Вот уже описан широкий круг над аэродромом, и самолет сделался почти прозрачным.

Макаров, стараясь казаться спокойным, надел наушники. Через минуту в них послышался голос Боброва: «Иду по прямой. Рулевое управление—отлично!..» После небольшой паузы опять его голос: «Высота шесть тысяч. Скорость—шестьсот пятьдесят...» И почти сразу же: «Семьсот!..» Каждое слово Боброва заставляло сильнее и сильнее колотиться сердце Макарова.

Присутствующие на аэродроме замерли, с напряжением прислушиваясь к тонкому гулу, долетавшему до земли из далекого голубого простора, искали глазами прозрачную пылинку. Но вот все исчезло.

Радист переключил рубильник. Макаров спросил в микрофон: «Как чувствуешь, Петя? Как приборы?.. Отвечай!» Щелчок рубильника. Снова голос летчика: «Девять тысяч. Машина ведет себя прекрасно. Чувствую себя нормально!»

«Девять тысяч!..» Макаров невольно взглянул на небо. Ведь все должно произойти в короткие минуты...

...А Бобров — там, в поднебесье, мысленно твердил: «Еще выше! Еще немного!..» Напряг все силы и увидел, как стрелка миновала цифру «10 000». Пожалуй, довольно.

Теперь — скорости!

Мотор ревел, но не задыхался, никакой вибрации не ощущалось... Бобров мельком глянул за борт: земли не видно, только мутные пятна где-то далеко внизу. Стрелка поползла до красной черты. Поползла второй раз по кругу. Еще, еще хоть немного! Как только стрелка перешла за отметку, летчик начал осторожно ложить машину на крыло. Хотелось плавно перевести ее в пике... Но что это?.. Самолет будто свалился и понесся к земле с невероятной скоростью. Вот уже угадывались квадраты лесов и полей. Голова кружилась, смыкались веки... Все засвистело, взвыло вокруг тела самолета. Стрелка прибора быстро шла по кругу. И вот скорость уже 1270 километров в час. Бобров потянул ручку на себя, сясь вывести машину из пике. И действительно, самолет начал выпрямляться. Но вдруг летчику показалось, что рулевое управление заклинило. Машину начало угрожающе трясти. Бобров сорвал кислородную маску. Увидел несущуюся навстречу зеленую массу леса. Сзади что-то за-

трещало, словно самолет разламывался... Летчик инстинктивно потянулся рукой к рычагу катапульты...

... Макаров считал секунды. На аэродроме все замерли. «Бобров, Бобров, отвечай!..—кричал он в микрофон.— Почему молчишь? Отвечай!..»

Неожиданно к нему кинулась Люда. На ней лица не было. Но Макаров одним взглядом предупредил ее, чтобы она ни о чем не спрашивала.

Через пять минут на аэродром прибежала секретарь директора Оля Груничева. Остановилась перед Соколовым и, не в силах вымолвить слова, протянула лист бумаги.

Прочитав телефонограмму, Соколов подал ее Макарову, а сам обратился к присутствующим, стараясь говорить как можно спокойнее:

— Товарищи, наш самолет упал в тридцати километрах отсюда...

— А Бобров?..— вырвалось у Люды.

— Пока ничего не известно... Федор Иванович, оставьте все и, немедленно в машину!

Десять легковых машин и одна санитарная, вырвавшись из заводских ворот, помчались по дороге на север. Минут через двадцать директорский лимузин свернул с асфальтового шоссе и устремился по лесному проселку. Сосны обступали дорогу со всех сторон. Макарову почудилось, что заходит солнце... «Неужели погиб?..— мучила мысль.— А может быть, истекает кровью?..»

— Семен Петрович,— попросил он директора,— пусть шофер нажмет!..

— Вон, смотри!..— вместо ответа Соколов показал рукой вперед.

И первым, кого увидел Макаров, был летчик Бобров. Он стоял, широко расставив ноги, на обочине проселка, окруженный группой колхозников. В десяти метрах наполовину зарылся в землю изуродованный самолет.

— Жив, черт! Жив!..— закричал Макаров, кинувшись к летчику.

— Да я-то жив. А вот...— Бобров влажными от слез глазами показал на остатки самолета.

Макаров бросился к машине, заглянул внутрь разбитой кабины.

— Семен Петрович, приборы не повреждены!..— сказал подошедшему Соколову.— Взгляните!..

... На следующий день специальная комиссия собралась в просторном кабинете директора завода. На внесенном сюда широком столе лежали приборы, снятые с упавшего самолета.

Соколов внимательно прочел только что составленный протокол испытаний и размашисто подписал. Затем поднялся, посмотрел на всех торжественным взглядом.

— Итак, дорогие товарищи, «звуковой барьер» взят!

Он еще хотел что-то сказать, но в кабинет вошла секретарь Оля Груничева, подала телеграфный бланк. Пробежав его глазами, Соколов заулыбался.

— Но, оказывается, мы не первые...

Все присутствующие слегка подались вперед, точно над головами вдруг грянул гром.

— Вот телеграмма летчика-испытателя Красовского. Он сообщает, что вчера на рассвете пробил «звуковой барьер», и от всей души желает успеха нашему Боброву...

Прошло совсем немного лет с тех пор, как первые стреловидные самолеты опередили звук.

В конструкторском бюро Федора Ивановича Макарова сейчас идет упорная борьба за наращивание сверхзвуковых скоростей — не мелкими дозами, а сотнями километров.

И каждый раз, когда летчик-испытатель полковник Бобров после полета опускает на землю новую машину, к ней устремляются конструкторы, с тревогой осматривают приборы, наружную обшивку.

Теперь перед ними стоит задача преодолеть «тепловой барьер». А это посложнее, чем опередить звук.

1957

4 руб. 10 коп.